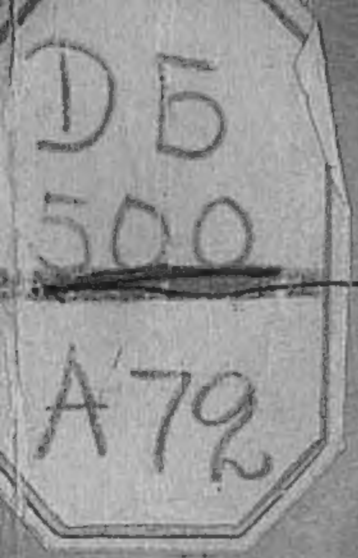
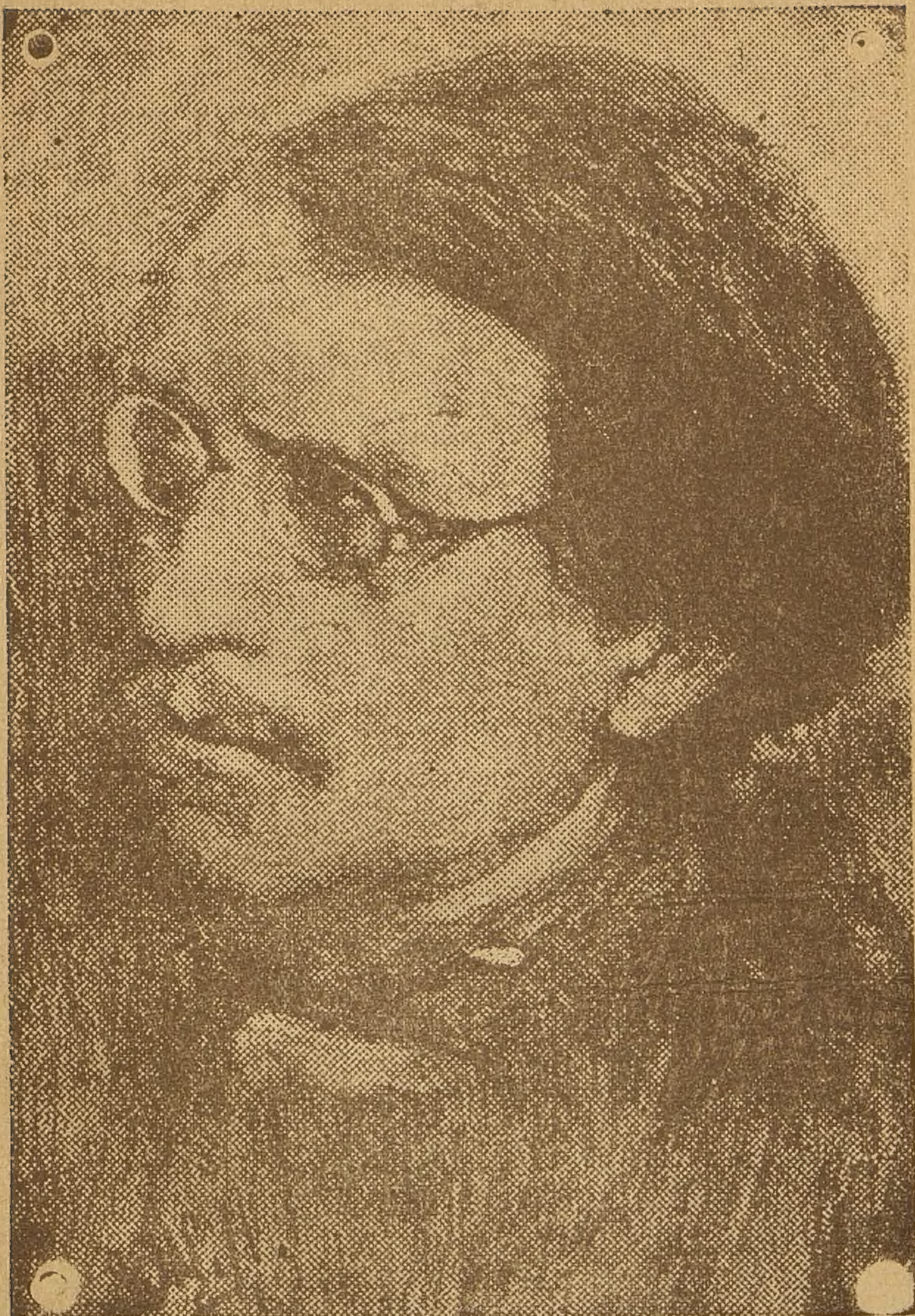

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

АНТОНОВЩИНА

СБОРНИК СТАТЕЙ ОЧЕРКОВ ВОСПОМИНАНИЙ И ДРУГИХ МАТЕРИАЛОВ К ИСТОРИИ ЭСЕРО БАНДИТИЗМА В ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ, ПОД РЕДАКЦИЕЙ Т. Т. С. В. ЕВГЕНОВА И О. С. ЛИТОВСКОГО.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТАМБОВСКОГО ГУБКОМА Р.К.П.
„КОММУНИСТ"
1923 г.

Председатель Полномочной Комиссии ВЦИК
тов. В. А. АНТОНОВ-ОВСЕЕНКО.

С рис. худ. Н. М. Шевченко.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

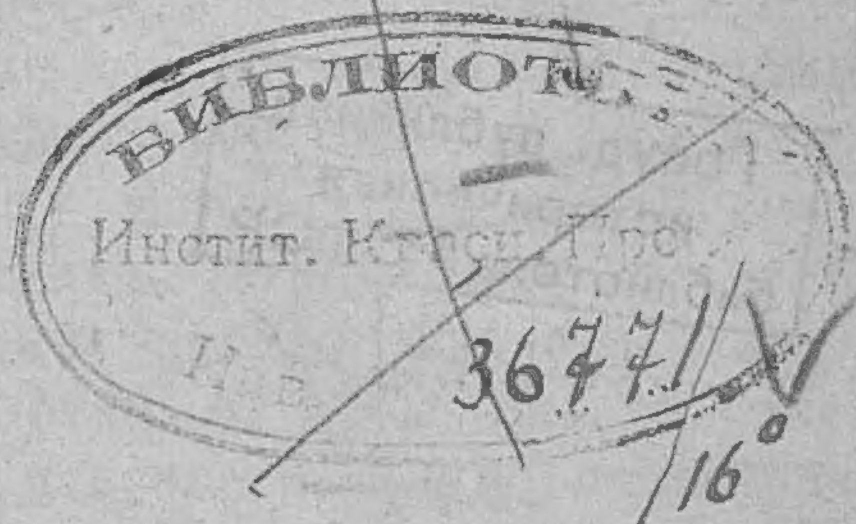
ПУТЬ БОРЬБЫ СБОРНИКИ ТАМБОВСКОГО ГУБИСТПАРТА. СБОРНИК ВТОРОЙ.

АНТОНОВЩИНА

СТАТЬИ, ВОСПОМИНАНИЯ И ДРУГИЕ МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ ЭСЕРО-БАНДИТИЗМА В ТАМБОВСКОЙ ГУБ.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

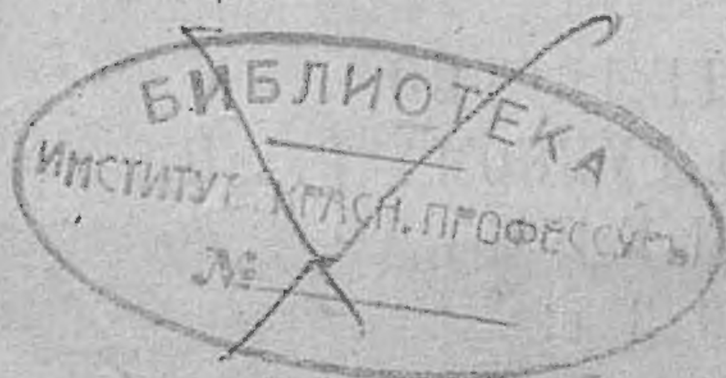
С. В. ЕВГЕНОВА и О. С. ЛИТОВСКОГО.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТАМБОВСКОГО ГУБКОМА Р.К.П.
„КОММУНИСТ"
1923 г.

Сборник отпечатан в Тамбовской Государственной типографии филиал № 2, в количестве 1500 экз. Гублит. Заказ № 586.

АНТОНОВСКАЯ ЭПОПЕЯ.

(Вместо предисловия).

Этот сборник сделан по срочному поручению Тамбовского Губкома Он составлен, средактирован и подготовлен к печати не историками, а журналистами, переобремененными целым рядом других работ. Авторы статей и воспоминаний, помещенных в сборнике, за незначительным исключением—непосредственные участники боев—рабочие и крестьяне. Все это, конечно, не могло не отразиться на сборнике в целом, он—в конечном счете представляет собой собрание крайне ценных, но сырых материалов и документов, обработанных только стилистически и орфографически (и это представляло немало трудностей!), но не приведенных в систематический вид. Этого нельзя было сделать в короткий, недельный срок. Такие сборники подготовляются месяцами.

Вполне естественно поэтому, что в отдельных статьях и заметках могут встречаться повторения, нет достаточного количества подстрочных примечаний, и, наконец, в изображении пережитого авторы никак не могут выйти из пределов, я бы сказал—двух измерений, из пределов плоскости, и их повествование,—часто страстное, боевое, часто теоретизирующее, лишено необходимой рельефности, перспективности.

Последнее обстоятельство отразилось и на самой оценке характера движения отдельными товарищами. Наблюдается некоторая разноголосица. В то время, как одни авторы убеждены в массовом, стихийном характере антоновщины, другие,—в большинстве по-

посредственные активные участники ликвидации антоновской авантюры,—на основании многочисленных фактов и опыта доказывают, что крестьянские массы втягивались в движение насильно, искусственно.

Редакция намеренно не вносила единообразия в эти точки зрения, полагая, что истина находится посредине. Не подлежит, однако, никакому сомнению, что антоновщина, в которой руководящее активное участие принимали только кулаки, дезертиры, уголовный элемент и, отчасти, сельская интеллигенция, все же питалась и держалась стихийным, чаще всего пассивным недовольством широких крестьянских масс продполитикой Советской власти.

Деревня в целом, если и не поддерживала активно движения, то и не мешала ему, а это, в условиях партизанщины, означало ту же поддержку.

Без такой питающей среды антоновщина была бы обречена на неминуемый и стремительный военный разгром. И если ликвидация восстания затянулась, то—не только благодаря несвоевременно принятым административным и военным мерам, (разумеется и это сыграло свою роль), но и благодаря пассивно-выжидательному настроению крестьянства,—иногда с оттенком явной враждебности, которой способствовали излишние жестокие репрессии, применявшиеся отдельными продработниками и продотрядами при взимании разверстки и почти полное отсутствие в деревне предметов первой необходимости,—соли, керосина, мануфактуры и т. п.

Первый переломный момент намечается после того, как антоновские „армии“, разграбив все совхозы, все советские склады,—были вынуждены для поддержания своей „живой силы“ прибегнуть к грабежу кооперативов и отдельных крестьянских хозяйств. Одновременно этот период характеризуется рядом военных разгромов крупных антоновских отрядов и переходом на нашу сторону бандитов, разочаровавшихся в своих авантюристских „батьках“.

Новый курс по отношению к середнякам, мероприятия Советской власти по поднятию сельского хозяйства (содействие в весенней посевкампании 1921 г.,) и, наконец, отмена продразверстки—все это приводит к быстрому разгрому эсеро-бандитских полков и окончательному изживанию последних следов антоновщины в тамбовской деревне.

Восстановить полную картину антоновщины не представляется пока возможным,—еще не собраны и не приведены в порядок многочисленные архивы отдельных частей, политотделов, ревкомов, ревтрибов и отдельных товарищей,—часть ценных документов вовсе пропала. но материалы, уже имеющиеся в сборнике, который без сомнения будет значительно пополнен при последующих изданиях, дают достаточное основание к определенным выводам и итогам.

Нет никакого сомнения в том, что, начиная с момента исчезновения начальника Кирсановской уездной милиции—старого партийного эсера Александра Антонова,—вспыхнувшим скоро дезертиро-кулацким восстанием и подготовкой к нему политически руководили эсеровские губернские центры, которые, при дальнейшем развитии движения, руководились уже более высокими центрами.

По непосредственной директиве эсеровского Ц. К. по всей губернии организуются комитеты С. Т. К. („Союза трудового" читай „кулацкого крестьянства").

Комитеты С. Т. К. придают политическое оформление движению, которое в дальнейшем протекает под эсеровскими лозунгами—с непременным учредительным собранием.

О том, как эти отвратительные авантюристы, об'единившие в антоновских бандах самый разнообразный элемент, начиная от учителей, попов, кулачья, дезертиров и кончая доморощенными „шуанами" из бывших офицеров и мелкопоместных дворян, обретали в борьбе свое „право",—много и подробно рассказано в сборнике. Эсеровские организаторы и

вожди восстания ходили буквально по колена в крови. Не было пределов их готентотской жестокости (извиняемся перед готентотами!). Эсеровский политический „смысл восстания“ очень скоро потонул в бессмысленном, диком уничтожении коммунистов, советских работников и всего, что имело хоть какое либо отношение к Советской власти.

Авантюристский бонапартизм, честолюбие, жажда власти, эгоцентристская самовлюбленность, идиотский романтизм — все эти качества в значительной мере присущие всем эсеровским вождям (Керенский, Чернов) особенно ярко проявились в самом Антонове и его верных соратниках.

На этой почве, как будто назревали даже недоразумения между Антоновым и Комитетами С. Т. К. Начав с учредиловско-демократического бандитизма, эсеровские рыцари скоро окончили обыкновенным бандитизмом.

Как долго длилось восстание?

Мелкие, разрозненные, бандитские выступления начались еще в 1918 году—с момента Кирсановской конференции эсеров. Фактическим началом открытого выступления можно считать осень 1919 года, когда был убит предгубисполкома тов. М. Д. Чичканов. Восстание было ликвидировано осенью 1921 г. Следовательно оно продолжалось, с перерывом почти 2 года.

Теперь еще трудно подытожить все то колоссальное зло, весь тот огромный вред, который нанесли эти эсеровские чингис-ханы Тамбовской губернии. Как после Батыева нашествия, бандиты оставили после себя до тла разоренную деревню, разгромленные советские и крестьянские хозяйства, уничтоженный живой и мертвый инвентарь, сотни и тысячи трупов на полях, в лесах и „яругах“.

Поистине учредиловское народолюбие справляло здесь свой пир!

Если мы вспомним, что все это происходило в условиях тягчайшей хозяйственной разрухи, началось

во время напряженнейшей борьбы с польскими панами и Врангелем, то всякому,—даже самому отсталому рабочему и крестьянину, станет понятна вся глубина предательства и падения этих „рыцарей демократии“.

Подлая, каинова, антинародная роль эсеробандитов станет еще яснее, если мы сравним ее с поведением и работой красноармейцев и коммунаров, боровшихся с восстанием. В то время, как их правая рука гневным, карающим, стальным кулаком обрушивалась на головы врагов Революции, левая помогала крестьянам восстанавливать хозяйство.

Правая рука хорошо знала, что делает левая! На ряду с боевыми оперсводками скоро запестрели в донесениях хорошо знакомые нам трудовые сводки, сообщавшие о том сколько, где вспахано земли, сколько где убрано сена и т. д.

В этом смысле огромная практическая и агитационная роль Красной армии еще мало учтена.

Армия, достойная спаявшего, сцементировавшего ее класса, несла на своих красных штыках не только смерть, не только кару, но культуру и помощь.

Антоновщина дала нам богатейший опыт не только во всех вопросах политического подхода к деревне, способах агитации и пропаганды среди крестьянства, но и в чисто военном отношении. Военный опыт борьбы с антоновщиной, хотя уже и служит предметом обсуждения в специальных журналах, но все-же не учтен еще в достаточной степени и военному историку предстоит еще не мало работы в этом отношении.

На одной стороне антоновской эпопеи необходимо еще остановиться,—это на неслыханном, небывалом героизме наших товарищей и бойцов.

История движения пестрит такими изумительными страницами чисто эпической храбрости, смелости, преданности делу пролетарской революции, что перед ними бледнеют наиболее яркие эпизоды подавления

вандейцев. Защита Ивановского совхоза,—этого коммунистического форта Шаброль, удивительный бой Токаревских коммунаров, вспоминания зарубленного—да, зарубленного—тов. Кублякова, приключения чекиста Поколюхина, славная, героическая смерть многих наших товарищей и друзей—это все эпизоды поразительной, почти трагической яркости.

Будущий составитель хрестоматии для нашей коммунистической школы, для детей рабочих и крестьян использует не одну страницу истории Антоновской эпопеи.

Вот,—в общем и целом, те моменты, которые мы сочли необходимым отметить в предисловии.

Полная, научная, исчерпывающая оценка движения—еще впереди. Мы же даем только материалы и документы этой удивительной борьбы Тамбовских рабочих, красноармейцев и сознательных крестьян с предателями Революции.

Дорого обошлась эта авантюра Тамбовской губернии, но уроки ее не оценимы. Трудовая масса крестьянства тамбовской деревни раз навсегда поняла—куда ведут ее лжезащитники народа, поняла, что ей по пути только с пролетарской революцией, только с рабочим классом и его, закаленным в боях авангардом—РКП.

Антоновская(?)

СТАТЬИ и ОЧЕРКИ.

Б. ВАСИЛЬЕВ.

Из истории антоновщины.

Когда началась антоновщина—никто кроме уцелевших главарей Тамбовских с.-р. организаций 1917 г.—сказать не может. Во всяком случае она началась не позже осени 1917 года.

Осенью 1917 года, до октябрьского переворота тамбовские эсеры энергично вооружались для борьбы с растущей большевистской опасностью. В самом Тамбове находился полк так называемых ударников—нерегулярная часть. Комсостав этого полка совершал беспрерывные поездки в Москву, Питер и другие города. Средства на его содержание давала эсеровская Городская Управа. Можно было весьма часто застать в кабинете Городского Головы на таинственных совещаниях—начальника ударников—прапорщика Леонова, Начальника Тамбовской милиции—члена Тамбовского с.-р. Губкома—Булатова и будущего «героя»—Антонова, служившего в то время еще в Тамбове.

Примерно в первых числах октября беспартийными рабочими было замечено, как ночью, со двора Городской Управы, неизвестными людьми было вывезено три воза винтовок. Большевистская фракция Городского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов сделала по этому поводу официальный запрос на пленуме Горсовета. Городской Голова и начальник милиции (оба видные эсеры) дали «официальную справку», что никакого оружия во дворе Городской Управы не было, в силу чего—«сообщения большевиков—очевидная провокация».

Несколько позднее было произведено ограбление Тамбовского артсклада, откуда также было вывезено несколько возов винтовок и патрон. На этот раз Городской Совет выделил специальную следственную комиссию. Председателем комиссии был назначен тоже Булатов, а одним из членов «сам» Антонов. Комиссия, конечно, ничего не открыла! По докладу этой комиссии ограбление было произведено «приезжими из-за города». Очевидно, с.-р. вооружались, не брезгуя для этого никакими средствами. Очевидно также, что у них уже к октябрьскому перевороту было кое-какое оружие. Об этом можно

судить хотя-бы потому, что организованной ими дружине по охране города из гимназистов и студентов в 300 человек они выдали по две обоймы патронов на каждого дружинника.

* *
*

Следующим моментом в истории развития антоновщины, по моему, следует считать момент образования в Тамбове Советской власти. Этот момент до сих пор остается слабо освещенным. А между тем он заслуживает самого тщательного изучения.

Местная, очень слабая большевистская организация приурочивала произвести захват власти во время Губернского С'езда Советов, пополнив свои ряды работниками из уездов и опираясь на авторитет Губернского С'езда. Но случилось так, что накануне губернского с'езда приехала из Москвы группа левых эсеров, которые повели энергичную демагогическую кампанию против местной большевистской группы, довольно искусно играя на политической малограмотности сначала членов организационной комиссии по созыву Губернского С'езда, а потом и на самом С'езде, где в подавляющем большинстве были беспартийные. Основной мотив их демагогии был такой: не нужно никаких партий, партии были нужны до октября, теперь, когда у власти стоит трудовой народ,—политические партии больше не нужны. Большинство с'езда пошло за этим лозунгом, в том числе и некоторые большевики, которые таким образом оказались в плену у левых эсеров, предложивших Губисполком в 72 человека и Совет Народных Комиссаров Тамбовской губернии на $^3/_4$ из левых эсеров. Пишущему эти строки в свое время пришлось провести очень тяжелую борьбу против этого замечательного Губисполкома. Характерно, что пришлось даже угрожать оружием для того, чтобы снять левоэсеровскую головку и организовать большевистский Губисполком, работающий по директивам партийного комитета.

Признаться,—в свое время ни мне, ни другим товарищам по партии не приходило в голову возможная двойственная роль Тамбовского лево-эсеровского Совнаркома. Теперь, после процесса правых эсеров я не раз задумывался над вопросом о том, кем были на самом деле Тамбовские «народные комиссары?» Мне особенно вспоминается спор, который я вел с Председателем Совнаркома Евфорицким по поводу чистых мандатов, которые он сотнями выдавал какому-то полковнику «на предмет формирования юго-словацких частей». Последнему дураку было ясно, что это какая-то опаснейшая контрреволюционная затея. Но когда я указал на это Евфорицкому, он вломился в сильнейшую амбицию, начал шуметь, что он знает что делает и т. д. С этого момента у меня назрело твердое решение—Совнарком разогнать во что бы то ни стало. Тогда я думал, что в данном случае со стороны Евфорицкого все это было простое политическое недомыслие. Теперь я более склонен к тому, что здесь было дело хуже, и что если у кого было недомыслие, так это у нас—тогдашних тамбовских большевиков.

Антонов в октябре перевелся по милицейской линии на службу в Кирсанов—начальником уездной милиции. Большая ошибка Кирсановских товарищей была—оставить его на этом посту. В Тамбове эсеровского начальника милиции заменили партийным на второй же день после перехода власти в руки Советов. В Кирсанове с этим делом несколько замедлились. И сейчас я опять себя спрашиваю: не находилось ли это в связи с тем, что председателем Кирсановского Уисполкома был некто Баженов из числа левых эсеров, потом основатель организации революционных коммунистов, потом... привлекался Тамбовской Губчека за участие в антоновщине.

О деятельности Антонова в качестве начальника уездной милиции в Кирсанове мало известно. На нее мало обращали внимания. Известно, что он реорганизовал Кирсановскую милицию, везде поставил своих людей. Известно еще, что он принимал участие в разоружении проходящих через Кирсанов чехо-словацких эшелонов и что отобранное оружие он никому не сдавал.

Июльские восстания в 1918 г. в Тамбове и Козлове были совершенно неорганизованными и неожиданными не только для нас, но и для их организаторов. Мое непоколебимое убеждение, что они явились следствием чрезвычайно неумело проведенной первой мобилизации при большой слабости нашей первой Чека. Но и эти восстания, при всей их неорганизованности, дали не одну сотню винтовок и не одну тысячу патронов деревне.

Период второй половины 1918 года и всего 1919 года был периодом большой ломки тамбовской деревни. Эта ломка началась деятельностью комитетов деревенской бедноты. Тамбовские комбеды проделали большую и хорошую работу по части раскулачивания тамбовской деревни. Но они ничего не сделали для ее «разэсерования». С.-р. в деревне остались. В некоторых местах они для большей безопасности перекрасились в защитный цвет «коммунистических ячеек». В Пахатном Углу (Тамбовского уезда) организовалась целая эсеровская «коммуна», которая образцово работала, а между делом ее мужское население упражнялось в обучении воинскому строю и в умении владеть оружием.

Эти эсеровские ячейки держали постоянную связь с своими руководящими центрами. Центры эти, повидимому, сосредоточивались в Тамбове. Повидимому они имели весьма близкое отношение не только к Советской, но и к партийной среде. В распоряжении Губчека есть материалы, что уже в 1920 году в Беломестную Двойню был отвезен воз эсеровской литературы под видом большевистской, при чем для большего успеха обмана воз сверху был обложен именно коммунистической литературой.

На Антонова кирсановские Советские власти 1919 г. начали смотреть уже косо. К приходу Мамонтова он ушел с поста начальника уездной милиции и объявился вольным казаком, защитником

справедливости и прав обиженных Сов. властью. Свою новую деятельность он начал убийством деревенских коммунистов. Кирсановский Уком вступил с ним сначала в «литературную дискуссию». Кровь убитых коммунистов, угроза живым однако потребовали применения иных форм «полемики». Проводить ее взялась Тамбовская Губчека, которая, однако, на первых шагах столкнулась с тем фактом, что Антонова изловить дьявольски трудно, так как он имеет своих людей всюду, — вплоть до партийных комитетов и органов Чека.

Побившись месяца два — три в бесплодных попытках — поймать Антонова, Чека отступила от этой задачи. Внешние события, развертывающаяся вооруженная борьба Республики на всех фронтах, беспрерывные мобилизации не благоприятствовали тому, чтобы какая бы то ни было организация могла серьезно сосредоточиться на внутренних задачах.

Есть сведения о том, что к Антонову прилетали аэропланы от Деникина с парламентерами для переговоров о совместных действиях.

Как бы то ни было Антонов выступил активно только осенью 1920 года.

Момент для выступления Антонова был выбран очень удачно. Продразверстковый пресс развертывался со всей энергией. Войска были сняты из губернии и переброшены на фронта. В Губчеке одну часть мобилизовали на польский фронт, а другая часть, во главе с председателем, была арестована за шантаж. Губчека бороться не могла. Партийная организация также была чрезвычайно ослаблена рядом крупных мобилизаций.

Впоследствии стало некоторым правилом обвинять Тамбовский Губком в том, что он не сумел ликвидировать вспыхнувшей осенью 1920 года антоновщины. Я в это время не был в Тамбове (работал в Донбассе), так что меня нельзя заподозрить в «укрывательстве», но мое глубокое убеждение, что при наличных тогда силах тамбовские, советские и партийные органы не могли сделать больше того, что они сделали. В архиве Тамбовского Губкома имеются копии докладов военного командования (т. Аплок и т. Редзко). По этим докладам ясно видна беспомощность командования, располагающего маленькой горсточкой плохо вооруженных, плохо обмундированных и, наконец, плохо политически воспитанных красноармейцев. Несмотря на такие коренные недостатки эта горсточка гоняла антоновскую армию из района в район. Но гоньба была без толку. Она только утомляла красноармейцев, раздражала их против мирного крестьянского населения и наоборот практической бесплодностью своею укрепляла веру и самих партизан, и широких крестьянских масс в «непобедимости повстанческого движения».

Антоновщина могла быть сломлена и уничтожена только при широкой помощи Тамбовской организации со стороны Центра.

* *
*

Я приехал в Тамбов в январе 1921 года. Положение, которое я застал к этому времени, рисуется в следующем виде. В партийной организации — личные трения, крайне неблагоприятно отражающиеся на всей партийно-советской работе. Повстанческое движение захватило пять уездов губернии: Тамбовский, Кирсановский, Борисоглебский, Моршанский и Козловский. Повстанцев насчитывалось в общей сложности до 50.000 человек. Они были сведены в две армии — первая и вторая. Каждая армия в свою очередь делилась на полки (по районам и волостям). Каждый полк был прикреплен к своему району, откуда и получал подкрепление людским и конским составом. Для этой цели на местах существовали специальные органы, которые строго следили за выполнением мобилизаций и жестоко боролись с дезертирством. Кроме этих регулярных частей повстанцы располагали милицейскими частями или, как они назывались, «Вохры». На обязанности «Вохры» лежали задачи внутренней службы.

Вся структура повстанческих армий была точной копией с Красной армии, — вплоть до комиссаров, политотделов и трибунала. Нововведением был чин «палача» при каждом полку. На обязанности палача лежало выполнение смертных приговоров над захваченными в плен коммунистами и красноармейцами. Повстанческие армии подчинялись в двух направлениях: в оперативном — главному оперативному штабу во главе с Антоновым, а в политическом — Губернскому Комитету Союза Трудового Крестьянства во главе с левым эсером Токмаковым. Между военным и политическим управлениями были нередки резкие стычки, причем, насколько можно судить из этих стычек, победителем всегда выходил союз трудового крестьянства, очевидно, как организация непосредственно связанная с крестьянскими массами, от того или другого поведения которых зависела вся судьба повстанческой армии.

Организации союза трудового крестьянства довольно широко раскинулись по всем пораженным бандитизмом районам. Политическая окраска этих организаций, как и сама программа, была весьма неопределенна, но все они сознательно вели свою родословную от с.-р. и считали, что они следуют эсеровской программе. Эсеровские агитаторы усиленно проводили такую-же точку зрения.

Повстанцы имели великолепную разведку. Деревни кишели агентами повстанцев. Города также имели на каждом шагу их шпионов. Шпионы имели условные знаки: определенный разрез козырька, нашивки на платье и т. п., помощью которых они узнавали друг друга, в нужных случаях оказывая взаимную поддержку и организовывая совместные выступления. Бывали даже такие случаи, что красноармейская часть, выступающая по прямому оперативному заданию из Тамбова, на стоянке бандитов находила копию приказа, на основании которого она выступила.

Этой, сравнительно хорошо организованной и не плохо вооруженной силе Тамбовские власти могли противопоставить едва десяток тысяч штыков, которые буквально терялись на огромной территории, охваченной движением.

В довершение нашей беды у нас к этому времени была весьма плохая чекистская разведка. Плохая не только потому, что плохо разведывала, но и потому, что выдавала тайны противнику. В партийной организации было с одной стороны — большое раздражение «верхами» за то, что те «довели до жизни такой», — с другой — было в известной мере сознание собственного бессилия и, быть может, в отдельных случаях даже страх перед бандитизмом.

* * *

В этих условиях помощь Центра была абсолютно необходима. Нужны были политработники, чекисты, войска. Все это было дано в достаточном количестве. И как только все это было получено, — с весны 1921 г. началась быстрая ликвидация антоновщины. Борьба была сосредоточена в трех направлениях, — разгром военных сил противника, деморализация его тыла, ликвидация комсостава и, наконец, борьба за политическое влияние на сознание крестьянской массы.

Первая задача—ясна и в особых пояснениях не нуждается. Практически она была поставлена так: оккупировать достаточно сильными войсковыми единицами важнейшие базы противника, а потом — ударной подвижной группой ликвидировать его живую силу, которой, таким образом, некуда будет приткнуться, — подкрепиться силами и довольствием.

Гораздо труднее и сложнее была вторая задача. А она в деле разгрома технической организации противника играла первостепенную роль.

Осенью 1920 года в Тамбове были ликвидированы два областных эсеровских комитета, которые политически руководили восстанием. После этого разгрома по всем данным в городе не было эсеровской организации. Все, даже неактивные эсеры были взяты под тщательнейшее наблюдение Чека. Наблюдение не давало никаких результатов. Между тем антоновский главный оперативный штаб и волостные повстанческие организации получали из Тамбова весьма точные сообщения о состоянии и передвижениях Красной армии. Из Тамбова-же приходили в деревню политические директивы повстанцам и призывы—не падать духом, так как «помощь близка», «в Москве и Питере власть большевиков уже свергнута» и т. д.

В целях обнаружения источника и авторов этих документов были сделаны по г. Тамбову массовые изъятия политически подозрительного элемента. Оно обнаружило: 1) что кое-кто из членов партии, в том числе и весьма ответетвенных работников, поддерживали такие «связи», которые уже сами по себе являются подозрительными, 2) что ключ к разгадке на этот раз надо искать не среди эсеров или меньшевиков, а—правее.

Искусными приемами, пользуясь эсерами, которые перешли на нашу сторону, Чека раскрыла «секрет». Оказалось, что фактическим руководителем главного оперативного штаба повстанческих армий был некий гр. Федоров — бывший тамбовский присяжный поверенный, бывший домовладелец и землевладелец, устроившийся под видом представителя Петроградской конторы по закупке лошадей. Правой рукой Федорова был железнодорожный служащий Дмитриев—также кадет по своим политическим убеждениям. На «активе» Дмитриева был шпионаж среди красноармейских частей (через комсостав,—в том числе и через членов партии) и собственноручная организация крушения поездов, при чем в том числе Дмитриев спустил под откос одну броnелетучку.

Федоров, под фамилией с.-р. Горского, фактически руководил главным оперативным штабом партизанской армии. Кроме того он держал прямую связь с петроградскими контр-революционерами, а также с знаменитым «Всепрокукишем» (Всерос. Комитетом помощи голодающим), а через главного воротилу «Всепрокукиша»—также бывшего тамбовского землевладельца и кадета Кишкина, тамбовские контр-революционеры в сермяжном маскараде держали связь с заграничными центрами белогвардейщины.

Федоров чрезвычайно искусно конспирировал. Он имел несколько квартир, держал связь с советскими работниками, изображал из себя самого последнего спекулянта, которому в высокой степени наплевать на все политические вопросы. Спекулянтом гр. Федоров слыл не даром. Он широко спекулировал золотом и драгоценными камнями, а в последнее время еще лошадьми, которые бандиты сдавали ему на комиссию для продажи. От бандитов Федоров тщательно скрывал свою настоящую физиономию. Для них он был—«тов. Горский», представитель центрального эсеровского комитета. Естественно поэтому, когда Чека, которая оказалась хитрее хитрого Федорова, поймав его, наконец, в одну из его поездок в Москву, показала арестованным бандитским главарям истинную кадетскую физиономию называющего себя тов. Горским,—те не только наплевали на эту физиономию, но резко и решительно порвали с бандитским движением.

* *
*

Товарищ, который вел допрос Федорова, рассказывает, что он первое время упорно все отрицал. Но потом, когда его приперли фактами и, наконец, показаниями его жены (также арестованной в качестве соучастницы), он выругался, сознался и дал много очень ценных для разгрома штаба бандитских организаций показаний.

Другим серьезным ударом по бандитской организации были показания эсеро-бандитских главарей—Ишина и еще одного, фамилию которого я сейчас не помню, которые были по чекистской явке вместо ЦК эсеровской партии направлены на конспиративную квартиру ВЧК, где они и рассказали мнимым эсеровским центрам подроб-

ности всех своих планов дальнейшей борьбы с Советвластью. Не надо об'яснять, что агенты ВЧК очень хорошо и подробно развили эти планы в сторону самой основательной ликвидации верхушки бандитского движения.

Провалы и разгромы эсеро-бандитов, которые последовали сейчас же после этих двух чекистских операций, совершенно деморализовали ряды антоновцев. Они буквально стали бояться собственной тени. Но самый тяжелый, смертельный удар тамбовскому эсеро-бандитизму был несомненно нанесен новым курсом экономической политики,—переходом от продразверстки к продналогу.

* *
*

Как только весть о новой экономической политике дошла до деревни, в рядах бандитской армии началось громадное разложение. Разложение это захватило не только рядовых солдат, но и командный состав,—вплоть до членов Губернского Комитета. Нашими частями был захвачен протокол заседания тамбовского укома союза трудового крестьянства по вопросу о дальнейшем продолжении борьбы с большевиками в связи с переменой курса. Согласно этому протоколу, некоторые члены уездного комитета совершенно определенно высказываются в том смысле, что теперь воевать не за что, так как „большевики перешли на программу союза трудового крестьянства“. Только наиболее упорные враги Советской власти возражали. Но и их аргументы были не против новой экономической политики. Они пытались доказать, что новая политика коммунистической партии является обманом, хорошей приманкой, которая не будет проводиться на деле.

Если ответственные руководители антоновщины так думали, естественно, что на рядовых, распространенные в сотнях тысячах экземплярах по деревне постановления ВЦИК о замене продразверстки продналогом, произвели буквально ошеломляющее действие.

* *
*

Никто не вел статистику потерь человеческих жизней на антоновском фронте с той и с другой стороны. Они были очень велики. Много, не одна тысяча погибла от всяких болезней, вызванных условиями походной жизни, всякими волнениями и проч. Еще больше погибло от военных операций. При этом, как всегда бывает в таких случаях, главными пострадавшими были крестьяне, не имевшие отношения к эсеро-бандитизму. Они подпадали под удары и красных и белых.

Совершенно неизбежно и с той и с другой стороны были весьма нередки случаи чрезмерных репрессий. Но в отношении применения репрессий во время антоновщины наблюдалось такое положение: Советская власть, начав с очень жестоких мер, постепенно ослабляла их применение. Эсеро-бандиты наоборот: начав с поголовного истребления всех коммунистов, перешли к пыткам и смерт-

ным казням по отношению к советским работникам, а потом и вообще к красноармейцам и к тем из крестьян, которые оказывали какие-либо услуги Красной армии и местным деревенским органам Советской власти.

Не поддаются описанию истязания, которым подвергали эсеро-бандиты попавших в их руки. Одному летчику (не помню сейчас его фамилии) *) переломали кости рук и ног и вырезали ремни из кожи на груди и на спине. Другим товарищам живым выкалывали глаза, резали и кололи ножами, страшно избивали, сжигали живыми и т. п. Все это делалось в присутствии «политкомов» частей и ответственных эсеровских политработников.

* *

Комбинированными ударами Красной армии, Чека и громадной политической работой антоновщина к лету 1921 г. была сломлена и деморализована в конец. Уже в июне 1921 года вооруженных бандитских армий не существовало и в помине. Добрая половина главарей была перебита. Не меньше—пришли с повинной головой и добровольно не только сложили свое оружие, но и предложили свои услуги по окончательной ликвидации последних остатков банд. Отдельные главари прятались в смертельном страхе по лесным трущобам. Так одного бандита нашли в рамзовских болотах, где он сидел и дышал чрез тростник. Другой замуровался в глухую землянку и также дышал через какую-то трубочку, которую впоследствии корова задавила своим навозом и тем бесславно задушила командира одного из бандитских полков. Крестьянство дружно помогало Красной армии и органам Чека вылавливать тех бандитов, которые пытались укрыться у себя дома. Были случаи, когда отец приводил в Чеку своего сына бандита и просил наказать его построже. Так кончилась неудачей вся эсеровская затея.

Огромную роль в деле ликвидации антоновщины сыграла тамбовская партийная организация. Если отдельные ее неустойчивые члены прямо или косвенно помогали эсеро-бандитам,—в целом тамбовская парторганизация на антоновском фронте проявила буквально чудеса преданности делу революции. Борьба развертывалась как раз тогда, когда царило уже демобилизационное настроение. Товарищи, командированные ЦК, приезжали на короткий срок. Тамбовские коммунисты должны были из месяца в месяц, в продолжении почти года непрерывно совмещать ответственную партийную и советскую работу с борьбой на фронте, с винтовкой в руках. Особенно трудно приходилось рядовым членам партии пораженных эсеро-бандитизмом местностей, растерявшим свои семейства, но не отступившим от красного знамени родной партии.

*) Начоперупра тов. Тищенко и сопровождавшему его авиатору. См. воспоминания тов. Дударева. *Ред.*

Много легло славных товарищей в борьбе с этими дьявольскими шайками контр-революции. Вечная память им, борцам! Проклятие эсеро-кадетским убийцам! Да будет пережитое наглядным уроком— чего не нужно делать, и как исправлять допущенные ошибки теперешним работникам. Великая слава нашей партии, которая в нужный и самый острый момент, гениальным ходом изменила политику, предотвратив угрозу наибольшей опасности—разрыва союза рабочих и крестьян.

Екатеринбург, 3 февраля 23 года.

ВЛ. ДОКУКИН.

АНТОНОВЩИНА.

(ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ЭСЕРО-БАНДИТИЗМА).

Тов. В. А. АНТОНОВУ-ОВСЕЕНКО,— человеку с железной волей и нервами, самоотверженно руководившему борьбой с эсеро-бандитизмом,

тов. А. А. ГУБАНОВУ,—сеятелю коммунистического печатного слова,

и всей „журналистской братии“, все свои силы отдавшей для победы над антоновщиной,—

посвящает автор свои очерки.

От автора.

Еще в 1921 году Полномочная Комиссия ВЦИК и Губком РКП поручили мне написать очерк эсеро-бандитского движения в Тамбовской губернии. Будучи одним из руководителей противобандитской агитпроповской работы, перегруженный рядом партийно-советских обязанностей, я не смог выполнить данного мне задания. В боевое время напряженной работы невозможно было писать историю антоновщины.

Тем не менее, черновые наброски, отрывки из записной книжки и часть материалов у меня сохранились. Их я и предлагаю вниманию товарищей, заранее оговариваясь, что они носят отрывочно-разбросанный и непоследовательный характер. Многие факты приходится восстанавливать по памяти, не имея под рукой необходимых фактических материалов, но, допуская возможность ошибок в датах и числах,—за их достоверность можно ручаться.

Очерки, разумеется, далеко не полны. Осветить эсеро-бандитизм во всей его широте и размахе, сейчас нет никакой возможности, да пожалуй еще и не время. Но для будущих историков кровавой гражданской войны они смогут послужить канвой, вехами для полной научной разработки истории эсеро-бандитизма в Тамбовской губернии.

ЗАРОЖДЕНИЕ ЭСЕРО-БАНДИТИЗМА.

(Краткий обзор первого периода бандитского движения).

Эсеро-бандитизм зародился в южной части Кирсановского уезда. Эта южная часть, по своим естественным и природным условиям, была хорошим приютом для бандитских шаек. Острова на озерах Чернец и Ильмень, леса, тянущиеся от Вязели до Никольина, села Равва, Терновое, Криволучино, Трескино и др., еще с 1915 года служили убежищем уголовным разбойникам и дезертирам.

В 1918 году,—уже при Советской власти,—Антонов, будучи начальником Кирсановской уездной милиции, отбирая у проходивших через ст. Кирсанов чехословацких войск оружие, переотправлял его в с. Рамзу, Чернавку и на озеро Ильмень. Попутно им велась организационная работа в уезде, завязывалась будущая тесная связь с кулачеством.

В апреле 1918 года Антонов, запасшись оружием, скрылся и приступил к вербовке банд. Ядро бандитских шаек вербовалось, преимущественно, из уголовных преступников и кулаков. Летом-же 1919 г., когда южная часть Кирсановского уезда была переполнена дезертирами, из них-то и составлялись основные банды Антонова. Численность первичной банды сначала, надо полагать, выражалась в числе 50—100 чел.. Она занималась мелкими грабежами и единичными убийствами представителей—коммунистов и советских работников. Непрерывно велась агитация среди крестьянства за вступление в банды.

Излюбленным местопребыванием бандитов были села: Рамза, Паревка, Калугино, Карандеевка, Трескино. Население этих волостей—в большинстве середняков, но кулацкое меньшинство было хорошо организовано и оказывало большое влияние на все остальное население.

Первые бандитские выступления были организованы крестьянами перечисленных выше сел. В бандитизме они принимали самое активное участие. Это объясняется тем, что еще во времена Керенского в этих волостях были крепкие эсеровские ячейки, пользовавшиеся большой популярностью среди крестьянской массы и укрепившиеся в ней. Вот почему на крестьян этих сел мог произвести впечатление выброшенный Антоновым лозунг—„Да здравствует учредительное собрание“—и они влились в бандитские шайки.

Еще в сентябре 1918 г. Антоновым было поднято кулацкое восстание в селах Руднвка, Васильевка и Никольское, которое, однако, было легко ликвидировано.

В конце 1918 г. шайка Антонова разгромила Золотовский волостной Совет, убив 2—3 членов Совета.

Собрав до 150 бандитов, Антонов придает политическую окраску своему выступлению. Разбросанные по деревням агитаторы выдвигают лозунги учредительного собрания, «бей коммунистов», «долой продразверстку» и т. д. Лозунги эти быстро усваивались, и почва для будущего массового восстания подготовлялась. Семена бандитского движения в это же время сеются и в Тамбовском, и в Борисоглебском уездах.

Особенно усиленно происходила вербовочная работа Антонова летом 1919 г. В одно время, на так называемых «Трескинских лугах», состоялся двухтысячный митинг дезертиров, на котором выступал активный помощник, главный агитатор и друг Антонова—Ишин. Дезертиры охотно вступали в банду и она росла, не встречая почти никакого противодействия, т. к. губернские власти еще не предвидели будущей опасности, да и не было в селах воинских частей, могущих бороться с бандитско-разбойническими выступлениями.

В средине 19 года во время знаменитого мамонтовского «наезда», Антонов пытается связаться с Дениким.—посылает своих делегатов Василия Якимова и Федора Сантадова (якобы от «зеленой армии»), в Балашов, а затем в Урюпино, где они связываются со 2 Сводным казачьим корпусом. Штаб казачьего корпуса обещал антоновцам свое содействие; связь решено было установить путем посылки аэропланов.

Одно время к бандитам прилетал с Деникинского фронта аэроплан, который разбрасывал белогвардейские прокламации под селом Чернавка, Кирсановского уезда.

По август 1920 г. бандитизм только что организовывался, накапливая силы. Мелкие шайки разрозненно нападали на сельские советы, совхозы, убивали продработников, коммунистов и советских служащих. Срыв продовольственной кампании был одной из задач эсеробандитизма в этот первый период его деятельности. По октябрь 1920 г. в одном только Кирсановском уезде бандитами было зверски убито до 200 человек продработников.

Но уже в конце этого периода было замечено нарастание бандитизма. Помимо агитации, эсеробандиты начали прибегать уже и к насильственной мобилизации крестьянства.

Массовое восстание началось в конце августа 1920 года. Эсеробандитские шайки насчитывали к этому времени уже несколько тысяч человек.

Вот, в самых общих чертах п е р в ы й п е р и о д э с е р о б а н д и т и з м а в Тамбовской губернии, как он рисуется по моим записям и материалам.

ЭСЕРЫ В ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ.

(*До антоновщины*).

Тамбовская губерния—сплошь земледельческая. Она насчитывает большой процент кулаческого и зажиточн. элемента. В силу этого и целого ряда других причин, социалисты-революционеры свили себе прочное гнездо в Тамбовской губернии и всегда считали ее своей «вотчиной» *).

Еще задолго до Февральской революции в Тамбовской губернии насчитывалось много крепких эсеровских ячеек, пустивших глубокие корни в гуще крестьянства. В Тамбовской губернии до революции работало и много видных вождей партии с.-р.—Виктор Чернов, Мария Спиридонова, Вольский и др.

После Февральской революции 17 г. губерния покрывается густой сетью эсеровских ячеек. Стоявшие у власти эсеры, разбрасывая своих агитаторов и организаторов по деревням, приобрели особенно большую популярность. Почти полное отсутствие деятельности других партий значительно помогало эсерам, не встречавшим никакой контрагитации.

Демобилизация старой армии дала Тамбовской губернии много активных солдат-большевиков, приехавших с фронта. Во многих уездах ими была установлена Советская власть, при поддержке рабочих и наиболее беднейшего крестьянства. Всероссийский крах Керенщины разложил большинство эсеровских ячеек в Тамбовской губернии: многие из них распались, но в деревне остались наиболее активные члены—руководители их. Многие ячейки ушли в подполье продолжать свою работу.

Таким образом, и после Октябрьской революции деревня все еще была в руках социалистов-революционеров. Последние непрерывно вели контр-революционную агитацию против Советской власти, пользуясь самыми разнообразными способами. Нередко, под видом «беспартийных», они пробирались в волостные и сельские советы и противодействовали проведению в жизнь декретов-постановлений рабоче-крестьянского правительства. В протоколах волостных советов и съездов того времени нередко встречаются такие постановления:

— «Не брать присланную из города советскую литературу» и «требовать созыва учредительного собрания» и проч. (Смотр. сборник «Красный Октябрь», Тамбов, 1921 г.). В таких волостях, где в Советах сидели кулаки и эсеры,—контрреволюционная агитация велась открыто.

Эсеровские подпольные организации существовали и в городах. 16 июня 1918 года произошло эсеровское восстание в Козлове, 18 июня в Тамбове, при чем весьма вероятно, что оба

*) Из доклада члена Реввоенсовета Республики тов. Ульрйха о повстанческом движении в Тамбовской губ.

эти восстания происходили по заранее намеченному плану *). Козловские и тамбовские эсеры были связаны с Москвой и работали, очевидно, по директивам центра. Оба эти восстания через несколько дней были ликвидированы, но агитация эсеров в деревне не прекращалась ни на минуту. Пользуясь тяжелым положением Советск. Республики, при недостатках и разрухе — наследий империалистич. войны и Керенщины, эсеры обещали крестьянам всяческие блага, распространяли провокационные слухи, натравливали крестьян на большевиков и советы, размазывая «лирику» о партии с.-р. и всевозможных «свободах». Все факты злоупотреблений продовольственных работников особенно использовывались ими.

Вот одна из причин широко развившегося в 1920—21 г.г. бандитизма в Тамбовской губернии. П. С.-Р., составлявшая широкие планы поднятия крестьянства всей России против Советской власти, не даром расчитывала на Тамбовскую губерн.

О работе «социал-реакционеров», как их метко называл Плеханов, за время бандитизма придется говорить особо.

КУЛАКИ И ИХ РОЛЬ В БАНДИТИЗМЕ.

Эсеро-бандитизм, по существу, был кулацким движением. Кулацкие слои деревни быстро восприняли эсеровские лозунги, выбрасываемые Антоновым: они-то вкупе с дезертирами и составляли основное ядро бандитских «армий».

Кулаки — наиболее зверствующий элемент в антоновских шайках. Нет никакой возможности описать приемы и способы их расправ с коммунистами и беспартийными. В этих расправах кулак показал свою действительную природу хищника и зверя.

Кулаки-же являлись бандитскими осведомителями, они выдавали коммунистов и советски настроенных беспартийных крестьян, они-же принимали участие в бандитских судах и пр.

Возьмем два наиболее бандитских района, — Самуркский и Рассказово-Пижалыский, и проанализируем состав вождей по зажиточности. Процентное отношение определенно подтверждает наше мнение о кулацком происхождении эсеро-бандитизма.

В Тамбовском уезде антоновцами были заняты следующие села: Каменка, Афанасьевка, Александровка, Степановка, Хитрово, Протасово, Волхонщино, Верхоценье, Понзари, Осино-Лазовое, Пановы-Кусты, Павлодарово, Periкса-Гавриловка.

*) По данному вопросу редакция считает наиболее правильной точку зрения тов. Васильева (см. стр. 11). Ред.

Князе-Богородское, Паревка и Контево. 40 проц. населения перечисленных сел середняков, 25 проц. бедняков и 35 проц. кулаков.

В Борисоглебском у. занимались села: Туголуково, Пустовалово, Репное, Моисеевская-Алабушка, Подгорное, Чикаревка, Отхожее, Семеновка и Березовка. В этих селах уже 50 проц. кулаков; 30 проц. средияков и 20 проц. бедняков.

В Кирсановском уезде были заняты села: Инжавино, Трескино, Курдюки, Калугино, Богословское, Озерки, Золотое, Лукино, Перевоз, Чернавка, Богданово, Ржакса, Паревка, Рамза. Здесь 35 проц. кулаков, 40 проц. середняков и 25 пр. бедняков.

Сведения—от 21 ноября 1920 года.

Любопытно также отметить процент населения этих сел, добровольно примкнувших к бандитам.

Тамбовский уезд: Каменка—число добровольно ушедших в банду—5 проц., Афанасьевка—30 проц., Александровка—25 проц., Степановка—5 проц., Хитрово—10 проц., Протасово—10 проц., Волхонщино—3 проц., Верхоценье—40 проц., Понзари—10 проц., Осиново-Лазовка—2 проц., Пановы-Кусты—25 проц., Павлодарово—40 проц., Перикса-Гавриловка—$^1/_2$%, Князе-Богородское—1 проц., Контево—3 проц.

Борисоглебский уезд: Туголуково—50 проц., Пустовалово—60 проц., Репное—25 проц., Моисеевская-Алабушка—1 проц., Подгорное—1 проц., Чикаревка—30 проц., Отхожее—3 проц., Семеновка—3 проц., Березовка—1 проц.

Кирсановский уезд: Инжавино—1 проц., Трескинская вол.—30 проц., Курдюки—25 пр., Калугино—50 пр., Богословское—50 проц., Озерки—40 проц., Золотое—20 проц., Лукино—20 проц., Перевоз—3 проц., Чернавка, Богданово, Ржакса—3 проц., Паревка и Рамза—30 проц.

Большинство из добровольно вступивших в антоновские шайки—злостные дезертиры, 50 проц. из них—кулаки.

Приведенные факты наглядно иллюстрируют бандитизм. Кулачество, дезертиры,—вот на ком он базировался, вот где социалисты-революционеры находили опору и поддержку. Отсюда ясно,—почему основными лозунгами эсеробандитов были: „Долой продовольственную разверстку" и отказ от службы в Красной армии.

Продразверстка и ряд нарядов своею тяжестью прежде и больше всего ложившиеся на кулаков,—вот против чего восставали кулаки. Эсеробандитизм срывал продовольственную кампанию. Отсюда—угрозы кулаков середнякам и беднякам за выполнение продразверстки и советских нарядов.

Кулацким духом отзываются и эсеро-бандитские воззвания. В слезливом обращении „к трудовому крестьянству" временный Тамбовский уездный комитет партии с.-р. пишет:

...«Лучшие земельные участки они, (т. е. коммунисты — Вл. Д.) отвели под коммуны и совхозы...».

...«У тебя, трудящийся люд, они выгребали без меры хлеб, не считаясь с твоими нуждами, тащили плуги, сохи, бороны, хомуты, лошадей, корм, отбирали семена...».

...«Крестьянство изнывало под бременем непосильных разверсток...».

...«Ты не можешь собираться на мирные беседы, свободно думать и размышлять, говорить о правде, жаловаться на несправедливость, защищать свою личность, ибо за все это тебя назовут контром, арестуют, посадят в подвал и поставят к стенке...».

В цитируемом обращении четко слышатся кулацкие жалобы и слезы. Советская рабоче-крестьянская власть, понятно, большую продразверстку наложила на кулаков,—о свободе кулацких собраний в целях контр-революционных заговоров и делишек, понятно, не могло быть и речи!

* *
*

Дезертиры—другая основная часть бандитских шаек. Правда, понятие «дезертир» и «кулак» часто смешивались и совершенно справедливо сливались в одном кулаке. Но были и такие дезертиры из крестьянства средней зажиточности, которых просто прельстила предстоящая разгульная жизнь грабеж и легкое обогащение. В кучке кулаков и дезертиров и начался бандитизм, разворачиваясь с каждой неделей все шире и шире.

„ГОЛОВКА“ ЭСЕРО-БАНДИТИЗМА.

Один из организаторов эсеровского бандитизма в Тамбовской губернии—Ф. С. Подхватилин (происходит из гр-н Борисоглебского уезда, Бурнакской волости, с. Чикаревки. В партии с.-р.—с 1905 года. Во время бандитизма был председателем Чикаревского селькома «Союза трудового крестьянства», —работал в Тамбовск. Губкоме партии эсеров, в Губкоме «С. Т. К.» агитатором и организатором по Борисоглебскому уезду. Подхватилин работал вместе с Антоновым, Плужниковым и друг. «лидерами» эсеро-бандитизма), разочаровавшийся в бандитизме и добровольно сдавшийся Красной армии, удивительно метко характеризует «головку» эсеро-бандитизма,—его руководящее ядро.

В своих показаниях *) Подхватилин говорит:

*) Смотрите «Тамб. Правду» № 73, от 2 июня 1922 г.

— «Заговорщики и главари бандитизма—это люди в большинстве своем полуграмотные, крайне грубые и невежественные. В партийных делах и программных вопросах они не разбирались (в оригинале—«как свинья в апельсинах»). Большинство руководителей выпущенной программы восстания не понимают, гласившей: «все для трудового народа», «все за учредительное собрание». Они не придерживались ее в своей работе и действиях. Грабеж, пьянство, насилие, безразборчивые убийства и расстрелы тружеников—вот по существу их «программа».

Бывший бандит, главарь, с пунктуальной точностью сфотографировал «головку» тамбовских эсеробандитов и их «программу». (Впрочем, таковая всегдашняя программа ныне усопшей партии «социалистов-революционеров». Разница по существу, в небольшом: главари партии с.-р. высококультурные и образованные люди не раз проводили ту же политику, что и беспартийные тамбовские бандиты).

Дополним характеристику, данную Подхватилиным, некоторыми подробностями, сообщенными нам б. информатором Тамбовской Губчека тов. Г. Аникиным.

Антонов.

Происходил из мещан гор. Кирсанова. Учился в уездном училище. Еще там обнаруживал бандитско-хулиганские наклонности, за что неоднократно исключался.

По окончании училища куда-то уехал. По частным сведениям «работал» в шайке уголовных преступников, участвуя в разного рода грабежах и убийствах. Экспроприацией винных лавок и несколькими убийствами членов полиции, зарекомендовал себя, как «социалист-революционер».

В 1905 г. вступил в партию С.-Р. Был сослан за разные грабежи и убийства. Как «политический ссыльный», вернулся после Февральской революции.

В Тамбове у власти были эсеры. Антонов стал служить милиционером не то в самом городе, не то в уезде. Во время большевистского восстания в Кирсанове, организованного неким Труниным, был послан эсерами для его подавления и вскоре получил должность начальника Кирсановской уездной милиции.

Работая в качестве начальника уездной милиции, Антонов подобрал «своих» начальников районных милиций, —быв. офицеров: Лощилина, Заева и др.. С их помощью он припрятывал оружие, храня его в разных местах.

После провала эсеровской власти, Антонов совершал объезд Кирсановского уезда, пьянствуя и безобразничая со своими друзьями в имении б. Матвеева, Трескинской волости.

Советская власть в губернии закрепилась. Созданная Чрезвычайная комиссия «нащупала» и расстреляла Лопиклина и Заева. Антонов в это время был в месячном отпуске и успел скрыться. Это было в апреле 1918 года. С этого времени он посвящает себя всецело организации эсеро-бандитизма. Как организатор—Антонов был хорош, связь с кулацкими селами у него была налажена блестяще.

Ишин.

Ближайший помощник Антонова, сын кулака, кончивший земскую школу. В 1905 году вступил в партию эсеров, был казначеем одной организации (какой—достоверно не выяснено,—возможно Кирсановской), присвоил 40.000 руб. партийных денег. В 1907—8 г.г. был сослан в Архангельск. Вскоре вернулся. На присвоенные деньги начал еще более раздувать свое хозяйство, открыл бакалейную лавку, снимал в аренду сады и землю от 10 до 30 дес., эксплоатируя бедняков-крестьян и наживая большие барыши.

После свержения самодержавия Ишин был арестован эсерами за утайку партийных денег в 1905 г. но, очевидно, «отговорился»,—вскоре был освобожден и занял должность председателя Волостного земства Курдюковской волости. После демобилизации старой армии в Кирсанов приехали солдаты-большевики. Ишин был отстранен от занимаемой должности, но вскоре сумел пристроиться председателем правления «общества потребителей» села Калугина. Здесь он приобрел большую популярность «опытного работника», т. к. распродавал припрятанный товар своей бакалейной лавки.

В 1918 г. большевистская ячейка с. Калугина неоднократно арестовывала Ишина за спекулянтские проделки и контр-революционную агитацию, но каким-то образом Ишин все-таки «увертывался». Ишин—ярый противник Советской власти, везде и всюду ведший противосоветскую агитацию.

Токмаков.

Крестьянин села Иноковки, Кирсановского уезда, поручик старой армии. После демобилизации старой армии вернулся в Кирсанов и был назначен Антоновым волостным милиционером Трескинской волости. Вместе с Антоновым кутил и безобразничал в имении быв. Матвеева и помогал ему организовывать банды. Впоследствии был командующим партизанской армией «Тамбовского края».

Крестьяне села Иноковки отзывались о Токмакове, как о хорошем... разбойнике.

Максим Юрин (кличка «Герман»).

Кулак села Рамзы, Кирсановского уезда. Среди крестьян славился, как хороший вор и хулиган. Вернувшись из германского плена, дезертировал.

Петька Давыдов.

Крестьянин села Чернавки, Кирсановского уезда, террорист. Политически хорошо развит. Был избран от уезда депутатом в учредилку. Принимал активное участие в разграблении Золотовского совета в конце 1918 г. вместе с Антоновым, его братом и др.

«Васька Карась», «Агапец», «Маруся»—уголовные разбойники, у Антонова—командиры шаек.

Сейчас мы не имеем возможности перечислить всех друзей и «соратников» Антонова, залививших кровью и разорявших крестьянство Тамбовской губернии. Укажем, что активное участие в бандитизме принимала и монархическая интеллигенция (кадет Федоров—быв. адвокат, член Главного Оперативного штаба бандитских армий и много других), сельские учителя, офицеры старой армии (штабс-капитан Губарев и др.), даже духовенство. Во многих селах попы помогали бандитам агитацией, участвовали в бандитских судах в качестве членов и т. п.

В деревне Муравьевке, Ивановской волости, Тамбовск. у., в середине июня 21 г. были задержаны комсомольцами у ч и т е л ь А. Г. Богомолов и Остроуховский с в я щ е н н и к Валерий Серебряков, которые служили в штабе бандитской армии. В это же время в Каменском районе задержан был член уездного комитета П. С.-Р. и секретарь бандитского трибунала, бывший чиновник военного времени, И. А. Акимов *).

Еще один любопытный факт:

В селе Хитрово, Тамбовск. у., по указанию одной женщины, был в июле 1921 г. произведен обыск в местной церкви. Церковный причт заверял, что в церкви ничего нет. Однако, под алтарем был найден полевой телефонный аппарат, в отдушнике печки—бархатное красное знамя с нашитой надписью: «В борьбе обретешь ты право свое. Центральный комитет партии с.-р.-интернационалистов—Союзу Трудового Крестьянства, тамбовским борцам за свободу», эсеровская литература, «Знамя труда»,—несколько номеров с января по март 1921 г., листовки к трудовому крестьянству, резолюция Кронштадтского Повстанческого комитета, брошюры «Долой Чрезвычайки», копировальная бумага с оттисками печатанного на машинке протокола Губсъезда с.-р. с представителем Ц. К. левых соц.-рев., СТК и партизанской армии.

---

*) Материалы Поликом ВЦИК от 10—16 июня 1921 г.

Непосредственные руководители бандитизма, как видим, были вполне достойны направлявшей их работу партии С.-Р. Уголовное отребье, поддерживаемое кучкой черносотенной интеллигенции,—вот достойная краткая характеристика «головки» эсеро-бандитизма.

ЭСЕРО-БАНДИТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Эсеро-бандитская литература весьма любопытна. По большей части она печаталась на машинках, забранных в разгромленных волостных советах. Но часто встречаются и писанные карандашем или чернилами «прокламации».

Вот образец (сохраняем орфографию):

„ВОЗЗВАНИЕ;

Друзья моболезованные пора проснутся довольно слушать нахалов коммунистов паразитов Всего трудового народа. Долой паразитов. Всего трудового Народа. долой братоубийственную войну. друзья моболизованные бросте оружья и идите домой зарабатывать свой хлеб, добытый потом и кровью своего праведного труда. Вень мил брат моболизованный дай справедливый отчет что Вы делаите за что Вы защищаете этих нахалов коммунистов терористов Всего трудового народа. Долой Ленинах еврейских декретов и поганый совет. Да здравствует комитет учредительского собрания.

Губком».

Приведенное «воззвание»—один из образцов их «заборной литературы». (Она, кстати, и расклеивалась-то на заборах). Писал его, конечно, какой нибудь командир бандитского полка или председатель СТК, по штату долженствующие вести «агитацию» за «учредительское» собрание. Между прочим антисемитизмом проникнуты многие эсеро-бандитские воззвания и обращения. Приведем еще одно «обращение» подобного же рода:

„ВОЗЗВАНИЕ

Друзья и братья, мобилизованные, довольно спать, пора проснутся, довольно слушать нахалов коммунистов-терористов угнетателей всего трудового крестьянства. Эти мерзавцы коммунисты, они разграбляют ваше имущество, берут весь хлеб и скотину и тем обрекают на явную гибель Ваши семья а Вы все еще спите, не простительно этого Вам. Вы всмотритесь хорошенько ведь весь народ на Вас смотрит с презрением, за Ваши нечеловеческие поступки.

> Друзья мобелизованные! просим Вас присоединяйтесь к нашим партизанским отрядам одно только спасение трудового крестьянства. Долой палачей коммунистов. да здравствует учредительское собрание».

Это «воззвание» несомненно написано каким-нибудь бандитским главарем. так как на обороте написано несколько фамилий, очевидно. для памяти: либо завербованные бандиты. либо советски настроенные крестьяне. которых нужно «иметь в виду».

Третье рукописное «воззвание», имеющееся у нас, точь в точь как первое из приведенных. Только вместо слова «терористы» стоит «тиранисты». Так бандитские главари изощрялись в словотворчестве.

Есть воззвания и «серьезные», насквозь пропитанные эсеровской «лирикой». Вот одно из них:

В заголовке: «В борьбе обретешь ты право свое».

Товарищи крестьяне и рабочие!

> Настал момент, когда, как широкое море, вся матушка Русь святая всколыхнулась из края в край. Настал момент и восстал народ. И вот мы восставшие пришли к Вам братьям мужикам. пришли крикнуть. что власть советов, власть обидчиков и грабителей быть не должна. И что времена насилия. ихи времена прошли. Пришли сказать. что уже 17-ть губерний борятся с этими проклятыми захватчиками, которые всеми силами старались это пламя восстания затушить: жгут села, грабят и растреливают население.
>
> Друзья крестьяне и рабочие! Мы не бандиты, мы такие же крестьяне как и Вы. Мы бросили жен. детей. бросили родные поля и взяли ружья. Взяли для того. чтобы или победить или умереть. И так к нам партизанам! В ногу вперед! Впереди жизнь. Да здравствует учредительское собрание. Да здравствует союз трудового крестьянства.
>
> «Народная армия.»

Вот уж действительно, по пословице: «хорошо поет собака. убоительно поет»- Хоть и «в борьбе обретешь ты право свое». хоть и «да здравствует учредительное собрание». а все пахнет деникинскими мольбами «за святую Русь»!. Кстати,—17 и 12—магические для бандитов цифры.—особенно любимые ими: везде и всюду фигурировали эти 12 или 17 «восставших губерний». Тоже—агитация своего рода!

Разложить во что бы то ни стало красноармейские части являлось одной из основных задач эсеробандитов. Если не сагитировать красноармейцев целыми отрядами переходить на сторону бандитов. то. во всяком случае. заставить их разбе-

жаться по домам,—вот чего хотели достигнуть эсеры. Поэтому наибольшее число воззваний было обращено к красноармейцам. Одновременно эсеровские агитаторы всемерно старались проникнуть в Красную армию.

Приводим одно из подобных воззваний:

В заголовке, как полагается, «В борьбе обретешь ты право свое!

Мобилизованные красноармейцы!

Прочь свое несознание. Прочь свои подлые действия по отношению к кр-ству, а в особенности к восставшим. Время вам сознаться и опомниться в своих негодных поступках. Выступая в борьбу против крестьянских восстаний, вместе с коммунистами, людьми большей части уголовными преступниками и шарлатанами. Вы наводите народный гнев на себя. Разве Ваши отцы, братья и семейства находятся не при таких же условиях, как повстанческое крестьянство, всячески теснимые коммунистами и советами? Обратите свое внимание: где свобода слова, печати, союзов, собраний и вероисповеданий, неприкосновенность личности. Все убито советами и вместо всего сказанного мы видим и Вы видите на каждом шагу произвольные аресты, расстреливают людей ни за что. Вам, мобилизованные, непростительно спокойно и равнодушно смотреть на этот ужасный кошмар, чинимый озверелыми коммунистами. Народная Партизанская Армия заявляет Вам в последний раз и навсегда: покидайте ряды красной армии и идите домой с оружием в руках, создавайте партизанские отряды и сбрасывайте коммунистическое иго.

Время настало крикнуть: долой коммунистов. Долой подлые Советы. Да здравствует свободная Россия, Да здравствует народная армия, да здравствует учредительное собрание.

Районный комитет».

Несмотря на прикрытие вывеской «Районного комитета», эсеры обнаруживают себя и в этом «воззвании». Учредилка, всякие свободы, «в борьбе обретешь ты право свое»,—разве это не эсеровские лозунги?

Обычная эсеровская тактика—сваливать с больной головы на здоровую проскальзывает и здесь. Говоря о коммунистах, что они «люди большей части уголовные преступники и шарлатаны»,—эсеры дают свою точную фотографию. Эта характеристика подходит непосредственно к эсеробандитам, в этом теперь не сомневается ни один рабочий, ни один крестьянин...

В нашем распоряжении имеются воззвания эсеров: «к крестьянам», «к рабочим», много—«к мобилизованным», даже «к

интеллигенции и проч. Их мы используем в другом месте. Теперь же приведем кое-что из бандитской «беллетристики».

Вот—«Сочинения Молодого Льва».

Вверху—предупреждение: «За срывание,—как враги партизан будут наказаны по закону военного времени».

Читаем:

Братья красноармейцы!

Опомнитесь, с кем воюете Вы.
Эта не банда, а восстание крестьян.
Мы для того восстали, чтобы освободить от комуны
граждан.
Красноармейцы протягиваем Вам братскую руку.
Давайте вместе вести борьбу.
Вместе сбросим эту муку.
И устроим по хорошему жизнь свою.
Комунисты жиды нас стравили.
Мы друг друга убивать стали.
Эх! Сколько крови они нашей понапрасну пролили...
И мы им это прощаем.
Остановитесь, Остановитесь. Зачем братьев своих убиваем.
Мы хотим хорошую жизнь востановить.
Нужда заставила нас воевать.
И вы наши братья, решаетесь восстание подавить.
Братья, красноармейцы, Вы делайте наоборот.
Оружия здавайте. Кто же ведь восстал—народ.
Так и Вы нам партизанам помогайте, не тушите.
Пусть пламя восстания горит ярче; народ восстал.
Спасать себя. этот пожар впереди жирную жизнь сулит.
Прекратится тогда надоевшая война. каждый из Вас
за дело.
Все мы разойдемся по своим домам.
Скоро опять промышленность разовьется,
Ведь мешают этому комунары, они ослабили крестьян;
повыгребли у всех амбары.
Они поделали из народа партизан.
Вам надоело воевать.
Вас комунисты мобилизовали, Вам оружия дали.
И на своих братьев воевать послали.
Кто сочувствует партизанам. ни разу в них не стреляет.
а оружия им сдадут.
Кто стреляет, тот враг, тех партизаны побьют.
Да здравствует союз всех крестьян.
Да здравствуют наши братья красноармейцы,
Да здравствует вождь наш Антонов.

От автора: Красноармейцы переписывайте и распространяйте среди товарищей наше воззвание к Вам.

С почтением Молодой Лев».

Кулацкий эсеро-бандитизм выдвинул и своего кулацко-бандитского «поэта»—полуграмотного брата Антонова — Митьку. Сочинения Молодого Льва» проникнуты кулацкими жалобами и надеждами—восстановить „хорошую жизнь", „жирную жизнь" «устроить по-хорошему жизнь свою». Здесь же Молодой Лев «проезжается» по адресу «жидов коммунистов» и проч.

КРАСНАЯ АРМИЯ и КРЕСТЬЯНСТВО.

Боевой стороне деятельности Красной армии по борьбе с эсеро-бандитизмом нужно уделить особое место. Сейчас мы бегло коснемся лишь взаимоотношения красных воинов и крестьянства к агитационной работе, проведенной красноармейцами.

Красная армия провела колоссальную агитационную работу среди крестьянства. Мы не говорим уже о том, что занимая бандитские села и деревни, останавливаясь на постой, красноармейцы вели широкую индивидуальную агитацию за Советскую власть, знакомя крестьян с ее политикой, раскрывая им глаза на преступную деятельность с.-р. Красноармейские части провели бесчисленное количество всевозможных собраний и сходов крестьян, митингов, концертов, спектаклей. Надо отдать должное политическому составу частей—все свои силы бросал он на это..

Приведем ряд сводок агитационной работы красноармейских частей среди крестьянства.

С 25-го по 30-е ИЮЛЯ 1921 ГОДА.

В с. Пересыпкино, Кирсановского уезда, проведено 2 собрания крестьян на тему о международном и внутреннем положении Республики. 85 полк провел—1 митинг, 62 полк—2 митинга на темы «Коммунизм», «О бандитизме», присутствовало 150 красноармейцев и около 300 крестьян. 1 Сибкавбригада провела заседания сельсовета, волревкомов. 137 полк—2 митинга. В с. Токаревке проведено 2 собеседования на темы: «Продналог и бандитизм». Штаббриг. 16 провел с красноармейцами и гражданами 6 бесед, 3 митинга и 2 собрания.

В с. Старая Ляда проведено одно собеседование, 1-й полк бригады ВО провел 4 собрания крестьян и 1 собеседование. Бюро коллективов Рассказовского района поставило концерт-митинг, присутствовало 700 чел.. В с. Самухе—2 митинга, 2 митинга в концлагере, 3 концерта. В Уваровском районе поставлено 5 спектаклей, 8 митингов. Кавбригада провела с крестьянами собрания на различные темы. Одно собеседование на

тему «Продналог, кооперация и свободная торговля» и т. д. 6-го августа 1921 г. проведено 11 бесед, 2 спектакля, 2 собрания, 7 собеседований, беспартийн. конференции и проч. 7-го августа 1921 г.—11 бесед, спектакли, 7 митингов, 2 собрания, 5 собеседований, беспарткконференция. 11-го августа 1921 г.—2 беседы, 13 митингов, 2 спектакля, собрания, собеседования и проч.

Оговариваемся, что мы указали лишь на маленькую долю проделанной работы. Во многих частях были свои культпросветы, труппы, оркестры. Все это использовалось и для агитации среди крестьянства. Мы не указали бесчисленного ряда совместных собраний и митингов крестьян с красноармейцами. Мы не указали на подготовку к крестьянским конференциям, проведение этих конференций, на организацию десятков избчитален, на организацию органов Советвласти и проч. Мы не коснулись работ специальных агитгрупп, агитконцертов и пр...

Все это сейчас чрезвычайно трудно учесть, но несомненно, что широко развернув политическо-просветительную работу внутри красноармейских частей, они выносили ее и в гущу крестьянства.

Бегло же коснемся другой стороны деятельности красноармейских частей—их трудовой помощи беднейшему крестьянству. Эта помощь самая разнообразная: от непосредственного участия в запашке и засеве полей, починке с.-х. инвентаря, организации субботников и воскресников, до вооруженной охраны работающих на полях крестьян и здесь красные воины проделали колоссальную работу, заслужив любовь крестьянских масс.

Вот выдержки из пятидневной политсводки Поарма с 25—30 июля 1921 года.

Курдюки: Крестьянам оказывается помощь по уборке хлеба. С 20 по 25 работало 15 лошадей, 3 самокоски и 65 красноармейцев.

С. Пересыпкино: Организован из 70 человек и 30 лошадей красноармейских отряд для оказания помощи населению по уборке хлеба. Произведен учет нуждающихся крестьян, которым оказывается помощь.

По 15-е июля 148 бригадой вспахано для беднейшего населения 192 дес. и засеяно 168 дес. Населению оказывалась помощь по взметке пара, сенокосу, уборке хлеба и проч.

142 полком вспахано 57½ дес. пара, 14 дес. заборонено. Скошено 15 дес. ржи и проч. Ежедневно работало 31 лошадь и 73 красноармейца.

443 полком ежедневно беднейшим крестьянам давались 21 лошадь. Из членов РКП и кра-цев организована ударная группа по оказанию помощи беднейшим крестьянам.

85-й полк дает населению лошадей для уборки хлеба. Кавэскадрон провел 1 субботник в помощь семьям красноармейцев. Перевезено 21 копна ржи. 38 возов сена.

Большинство частей, очевидно, не учтя проделанной работы просто указывает: «производилась помощь беднейшему населению в уборке хлеба».

Вот сведения из сводки Поарма с 31-го июля по 5 августа 1921 г. с. Иноковка: Крестьянам выдано 53 лошади для уборки хлеба.

В Пересыпкинском районе работало 55 красноармейцев и 23 лошади. Перевезено ржи беднейшим семьям красноармейцев на расстоянии 15 верст — 150 копен. Обмолочено 205 копен ржи. Скошено 6 десятин лугу, перевезено 10 возов сена. Вспахано 11 дес. пара, заборонено 6 дес. Перевезено 5 возов дров.

Некоторые части 148 бригады: 1) вспахали 10 дес. пара, скосили 6 дес. ржи, обмолотили 3 дес., заборонили 1 дес., работало 19 красноармейцев и 29 лошадей. 2) 3 дня 5 красноармейцев с лошадьми молотили у крестьян хлеб. 3) По уборке полей работало 6 лошадей.

В с. Пахатный Угол: работало 7 лошадей, обмолочено 12 возов ржи, скошено 5 дес.

Рота связи бригады ЗВО убрала 26 дес. ржи.

136 раб. кр. полк дал в помощь крестьянам — 110 лошадей и 101 кр-ца. Перевезено 445 копен ржи, 87 возов сена. Обмолочено 15 копен ржи, заборонсвано 10 саж. пара, велась работа к посеву озимых.

В с. Контево выделено 25 кр-цев и 7 лошадей для уборки хлеба.

В селах Каменка и Протасово работало 268 чел. и 170 лошадей. Помимо того, в помощь крестьянам работало 64 кр. и 10 лошадей.

Кавполки: 1) Работало 31 кр-ц, 73 лошади. Вспахано 19 д., скошено — 5, свезено 135 копен. 2) Работало 21 лошади.

В с. Ракитовке работало 4 кр. и 8 лошадей, вспахано 25 д., вывезено 25 копен.

В с. Верхоценье работало 175 красноармейцев, из них 76 коммунистов. Скошено 17 дес. ржи. Проведен воскресник по перевозке с поля ржи. В помощь семьям кр-цев беднейших гражд. работало затем 35 кр. и 37 лошадей.

Кавполк вспахал 18 дес. пара, скосил $12\frac{1}{2}$ дес., свез 32, дал лошадей, для молотьбы 100 п. ржи.

85 полк: проведено 10 субботников.

86 полк: обмолочено 52 копны ржи, для перевозки хлеба давалось 6 лошадей.

Сибкавбригада: 1) устроено 2 субботника, на которых участвовало 57 красноармейцев и 112 лошадей, вспахано зем-

[illegible]—72 д., перевезено 116 копен, обмолочено 184 копны; 2) устроено 2 субботника, участвовало по 7 чел. и по 23 лошади.

137 пехполк провел 2 субботника.

Это работа красноармейских частей только за 10 дней.

Мы оговариваемся и здесь, что сведения далеко не полны, что всей работы учесть совершенно невозможно.

Красноармейские части тесно связались с крестьянским населением и их показательная и агитационная работа во многом ускорила крах антоновщины. Из донесений частей видно и вполне хорошее отношение крестьянства к Красной армии. В 1921 г. наблюдалось вообще переломное настроение: крестьянство резко отрицательно относится к бандам и дружелюбно к красноармейцам. В с. Иноковке, например, крестьяне вместе с красноармейцами ходили на облаву в лес, ставили от себя сторожевое охранение и давали знать ближайшей части о передвижении бандитов. Такие факты исчисляются десятками. В конце 1921 г. крестьянство поднялось против бандитов и помогло красным войскам искоренить его.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

(К очеркам „Антоновщина“).

ИНСТРУКЦИЯ

Районным, Волостным и Сельским Комитетам Союза Трудового Крестьянства.

1) Комитеты должны быть подпольными.

2) Все коммунисты не избираются гражданами, а назначаются высшими революционными комитетами.

3) Комитеты имеют административную и исполнительную власть для управления вверенными им районами.

4) Районные комитеты вправе держать в своем распоряжении милицию в количестве 10 вооруженных всадников, а в границах с коммунистами иметь по мере надобности.

5) На граждан, мешающих в проведении революции, комитеты должны воздействовать агитационной работой, а при необходимости принимать самые решительные меры, доходя до высших мер наказания, хотя бы и расстрела.

6) При производстве мер наказания, комитеты должны соблюдать строгую тайну, дабы это не было обнаружено гражданами, делая для этого перевозку лиц, приговоренных к наказанию тайной.

7) Комитеты должны быть дисциплинированными и аккуратными в исполнении всех распоряжений.

8) Комитеты за бездеятельность отвечают по закону революционного времени перед товарищеским судом.

9). Комитеты—самое главное в настоящее время—устанавливают тесную связь между собой, сообщая каждый день о месте нахождения противника, его роде оружия, численности и вооружений.

10) Комитетам вменяется в обязанность, когда проходят партизанские отряды, всякими способами помогать им в смысле скорого и лучшего продовольственного снабжения, давая при этом сведения о противнике.

11) Комитетам вменяется в неуклонную обязанность доставать на местах продовольствие и помогать в первую голову партизанским семьям и другим неимущим, применяя на это всякие способы. По мере возможности обсеять партизан. поля.

12) Комитеты должны принимать неуклонное участие с милицией и тыловым военным отделом в смысле выгонки с мест дезертирующих партизан на первый раз агитационным путем, а потом уже применять и соответствующие репрессивные меры.

Тамбовский Губернский Комитет социал.-революционеров».

ИНСТРУКЦИЯ № 2

Сельским и Волостным Комитетам.

1) Комитет состоит из 5 человек—председателя, помощника секретаря и 2-х членов—особого поручения.

2) Обязанности комитета таковы: а) держать связь со штабом партизанского отряда и с окольным сельским комитетом; б) комитетам вменяется в обязанность следить за шпионами в своем селе, следить за передвижением красных войск и передавать в ближайшие партизанские отряды; в) комитетам вменяется в обязанность следить как днем, так и ночью, за пожарами и грабежами и тушить таковые в корне; г) комитетам вменяется в обязанность, чтобы ходили мельницы, просорушки и маслобойки. Мельник должен брать 16 меру, просорушка 10 меру, маслобойник, с закладки—1 ф. масла и 250 руб. деньгами, но не оставлять в свою пользу услугов.

Примечание. Эта инструкция—«неизвестного» происхождения. Оригинал, имеющийся у нас, написан рукой по старой орфографии. Волостные и сельские комитеты, о которых в ней говорится, очевидно, комитеты самоуправления.

М. БЕЛЯКОВ.

Борьба с антоновщиной.

Восстание эсеро бандитов в южной части Тамбовской губернии, на границе Борисоглебск. и Тамбовск. уездов назначено было на июль, но затем отложено на один месяц и началось 20 августа 1920 г.

Во всем известном циркуляре Чернова от имени ЦК эсеров о работе среди крестьянства, вышедшем в июне 1920 г., развита весьма обстоятельная программа подготовки крестьян для борьбы с Советской властью. Сначала,—используя недовольство крестьян продовольственными и иными повинностями, создать среди них массовое движение в форме „мирских приговоров"; на основе этого массового движения организовать беспартийный союз трудового крестьянства и укрепить партийную эсеровскую организацию.

В Тамбовской губернии эсеры для борьбы против власти рабочих и крестьян объединились с самыми отъявленными черносотенцами. Еще до фактического восстания, в мае месяце они собирались на общие собрания в лесах и по оврагам для обсуждения плана.

Как раз в момент упорных и кровавых боев на фронте с Врангелем и Польшей в Тамбове и его уезде были разбросаны и расклеены прокламации эсеров, в которых гражданская война именовалась „нелепой чехардой", а красноармейцы призывались к братанию с белогвардейцами. Эсеры быстро нашли сочувствие прежде всего со стороны уголовных бандитов. В Каменском районе, Александровской вол., Тамбов. уезда бандитами были убиты два коммуниста—председатель ВИК. т. Владимиров и член ВИК. т. Зайцев и тяжело ранен один коммунист—т. Прозоров. Это еще в мае месяце. В июле был убит т. М. Докукин. На узкоколейке Тамбов—Туликовка эсеро бандиты несколько ночей подряд пытались устроить крушение поезда, везущего каждый раз до 50 рабочих. Усиленно жгутся заготовки торфа, дров и лесные делянки тамбовских лесничеств. Невероятные грабежи и убийства участились по всем проезжим дорогам. Дезертиры, как лесное зверье, отбирали все до последней крошки хлеба.

В начале августа бандитами был сделан налет на Степановский совхоз с требованием выдать коммунистов, которых однако там не оказалось. Переговоры с налетчиками вел агроном Фроловкин. Пограбивши, бандиты направились в Александров-

ский совхоз, что в 10 верстах от Степановки, но по пути встретились с нашими т.т. коммунистами, из которых один—т. Оськин был убит и обобран до-гола. Пишущий эти строки, получив телефонограмму об убийстве т. Оськина, выехал в Александровский совхоз, где, ознакомившись с положением дела, собрал всех местных коммунистов южного района в совхоз, дабы они могли организованным порядком действовать в случае нового налета эсеро-бандитов. Эсеры усиленно играли на крестьянской темноте, агитируя и распространяя всякие небылицы про Советскую власть. Они старались во что бы то ни стало сорвать продразверстку. Бандиты часто силой заставляли крестьян примыкать к ним: возражающих тут же на месте расстреливали. Таким образом, крестьяне попали между двух огней. Не подчинись бандитам—расстреляют, подчинись—тоже могут расстрелять.

Первая банда (около 150 чел.) открыто выступила 19 августа. В этот день она прибыла в Каменку—в „штаб Губерн Комитета СТК". Здесь было созвано общее собрание крестьян и матерый эсер—„батько" Плужников „официально об'явил начало восстания крестьян против Советской власти, изложив при этом свою эсеровскую декларацию. В ту же ночь было совершено нападение на Ивановский совхоз с целью захватить племенных лошадей и убить ненавистного бандитам коммуниста Гаранина (завсовхозом), который перед этим захватил у них фальшивые документы для дезертиров. Вез их эсер Кирюхин, который заехал в Иванов. совхоз для разведки. Нападение на Ивановский совхоз ограничилось на этот раз уводом нескольких лошадей и убийством двух коммунистов.

Получив сведения о начинающемся активном движении эсеров в Тамбовском уезде, я, как председатель УИК, тотчас же собрал совещание из т.т. Тарасовича—Предгубчека, Шикунова—Губвоенком, Шлихтера—Предгубисполкома, Райвида—Губкома, Благонадежина—Командир ВОХР. Обменявшись мнениями и получ. новыми сведениями, мы постановили образовать „Военный Совет по борьбе с бандитизмом, организовали штаб Военсовета, об'явили на военном положении Тамбовский, Борисоглебский и Кирсановск. уезды и выслали роту 21 полка на станцию Самбур. С этой ротой выехали и мы с т.т. Шикуновым и А. М. Мохначевым. В это время уже произошло столкновение отряда коммунистов и продработников с толпой бандитов численностью до 300 человек, около с. Александровки Андреевки. Уступая численности бандитов, нашему отряду пришлось отступить и банда направилась на ст. Верхоценье—Чакино, куда была двинута наша рота 21 полка, здесь также не удалось рассеять толпу бандитов, так как они уже были воодушевлены первым своим успехом и, кроме того, неожиданно напали на наш поезд, продвигавшийся с ротой. Было затребовано подкрепление. На ст. Самбур выслали

курсантов 16 пех. школы и караульные команды из Борисоглебска и Кирсанова. В это время толпа бандитов и крестьян со ст. Чакино вернулась в свое родное гнездо—Каменку, а частью рассеялась, разграбив по пути Чакинскую школу, Павловский детский дом и Александровский совхоз.

В то же время эсеровские организаторы не дремали и сколотили новые группы из дезертиров в районе Инжавина и Княже-Богородицкое, где разграбили Волисполком и сельсоветы. Из Княже-Богородицкого почти все крестьяне были выгнаны—итти громить Тамбов: кто с дубьем, кто с колом, кто с вилами и рогачем, а кто и с голыми руками. Лишь небольшая кучка организаторов бандитов,—не более 20—30 челов. из всей толпы в 2—3 тысячи была вооружена винтовками и обрезами. Толпа эта дошла до села Козьмина Гать и, не решившись итти дальше, рассеялась—к большому негодованию и позору организаторов эсеров. Наши части, наскочившие на них у с. Коптева, окончательно отбили охоту итти на Тамбов.

Этот „поход" на Тамбов был эсерам очень важен для немедленного распространения нелепого слуха в других районах о том, что город уже взят. Чрезвычайно характерно, что в селениях, занимаемых эсеровскими,—так называемыми „партизанскими отрядами", не вводится никакого нового порядка взамен советского. Крестьянское население подымается бесцельно, насильственно, бессознательно и платится за это жесточайшим образом. Так напр., по сведениям штаба воинских частей, действовавших против бандитов, сорганизовавшихся в Инжавинском районе также в количестве около 2—3 тысяч чел. дезертиров, кулаков и деревенских дураков, эсеровские молодцы поговорили начать наступление на Кирсанов. Понятно, что не успели эти „воины" это развнуть, как были окружены со всех сторон и при попытке пробиться потеряли около 300 чел. убитыми и около 100 пленными.

После этих первых неудач восстание эсеро-бандитов стало принимать более организованный характер, появились определенные названия полков 1-й Каменский (под руководством Богуславского и Ефимия Казанкова и т. д.), вливание новых сил в банды, организация службы связи, собирания патронов, обычно, бросаемых по небрежности красноармейцами, заготовка продовольствия для банд и т. д.

При появлении наших войск мельницы обычно останавливались—это являлось условным знаком бандитам. В это время всегда можно было наблюдать выезжающего верхового или на дрожках (летом) с другого конца села,—это посылалась связь от одного организатора к другому в соседнее село.

В этот период переорганизации у бандитов наступила некоторая видимость успокоения. Так, из Тоэаревского и др. районов

сообщали, что бандитизм и белый террор против коммунистов „ликвидирован“, бандиты уничтожены местным отрядом, работа входит в обычную колею и т. д. Но это была только „видимость“, ибо гнусная работа эсеро-бандитов продолжалась. Хотя активности со стороны банд не наблюдалось, воззвания и прокламации эсеров все же печатались в это время как по городу, так и в уезде По Тамбовскому уезду представлялась возможность раз'езжать вдвоем втроем, но, конечно, вооруженными.

Значительное оживление стало наблюдаться на хуторах, что между Верхоценьем и Александровкой до Каменки,—как например, на Козолаевских и Олонцовских хуторах, где организатором банд был эсер Александр Павлович Олонцов с сыном Иваном, и в районе деревни Александровки, где верховодами были Гаврила Ефимович Сергеев и Иван Андреевич Морозов (фельдшер). Последний был пойман внутри колодца за срубом, где сделал себе логовище, в котором прятался во время прихода красных войск Здесь же свирепствовал организатор из дер. Бахаревки—Егор Федорович Камбаров. К этому времени относится убийство беспартийного Митрофана Тимофеевича Короткова, которого бандиты растерзали и агронома Фроловнина из Степановского совхоза, который был заподозрен в сообщении Советвласти сведений о бандитах. Над Фроловниным они учинили суд около Семеновских лесов, где „батько“ Плужников отрубил ему голову, указав при этом, что со всеми будет такая же расправа, кто служит Советской власти, а не идет за „союзом трудового крестьянства“. Здесь же были уничтожены еще несколько узников, захваченных ими из Волисполкомов.

В целях удержания крестьян от ухода в банду и для некоторого устрашения отдан был приказ о конфискации всего имущества бандитов, покинувших свои усадьбы. Была создана „трофейная комиссия“ для приемки конфискованного имущества под председательством тов. Гаравина. Имущество это частью направлялось в Усобез, а частью раздавалось тут же эвакуировавшимся семьям красноармейцев и других советских работников.

Для лучшей связи с волостями Самаурского района мы назначили на каждую волость комендантов из ответственных коммунистов, которым были предоставлены чрезвычайные права и вооруженные силы, находящиеся на территории волости. Был сформирован конный отряд, для чего были мобилизованы 100 лошадей из ближайших волостей. Командиром отряда назначен районный начальник милиции—тов Морозов Тут же был отдан приказ об из'ятии всех дезертиров, оставшихся в селах и о восстановлении всех мостов по проселочным дорогам для проезда орудий. Помню, в селе Дмитриевке выстроили семисаженный мост в течение двух недель силами местных граждан под руководством инженера, который перед этим уверял, что работы здесь не менее

как на полгода при самых благоприятных условиях. Из многих Волисполкомов стали поступать к этому времени донесения о налетах бандитских шаек и Волисполкомы вновь начинают стихийно эвакуироваться. Небезынтересно поместить здесь выдержки из донесения Каменского ВИК, эвакуировавшегося на ст. Чакино:

„Особо уполномоченному Губвоенсовета и Губкомпарта т. Белякову. Донесение. Работа ВИК идет совершенно плохо ввиду частого появления разведки банд Антонова. Работу производим почти подпольно. Вывоз продовольствия невозможен без реальной военной силы ввиду угроз со стороны населения и банды. В населении волости идет полная анархия. Лес при дер. Волхонщине вырублен почти до основания. ВЛ ? приостановить не в силе. Канцелярских принадлежностей у ВИК нет. Некоторые отряды Красной армии производят полное безобразие“.

Подобные донесения поступали и от других ВИК.

Надо сказать, что поведение красноармейцев в первый период борьбы часто вредило нашей агитации против бандитов. Но это было только в первое время.

Губчека налаживает определенную связь с бандитскими организациями через своих секретных сотрудников и уже легче становится работать по ликвидации бандитизма, зная место расположения бандитских отрядов и организаторов. Правда, наши облавы очень часто не удавались, т. к. бандиты кем то же предупреждались о наших наступлениях и походах против них. Таких случаев было много. Характерно отметить, что штаб и комитет СТК старались не быть вместе с отрядом бандитов, а держались вблизи, в стороне

Банда начала разбиваться в сторону Токаревки и Жердевки. Это было 23 октября. Когда мы вошли в Каменку и устроили облаву, то нашли много укрывавшихся бандитов в разных логовищах и двойных стенках сараев. Между прочим, мы нашли в больнице тяжело раненых бандитов—12 человек. Наши красноармейцы хотели их вывести и расстрелять. Но мною было приказано не трогать раненых, так как мы признаем открытый бой и лежачих не трогаем. Через несколько времени один из выздоровевших бандитов пришел к нам и сражался у нас в отряде Воробьева против бандитов. В конце октября месяца Уисполком вынужден был отдать приказ о снятии Волисполкомов по уезду, так как начались усиленные нападения на них с убийством захваченных сотрудников и членов ВИК. Вместо ВИК организованы были Ревкомы со всеми правами и полномочиями революционной власти. Было об'явлено осадное положение. Об'явлена добровольная явка дезертирам, бандитам и заблудшим крестьянам, пошедшим за бандитами. Ревкомы были созданы в Сампуре, Ивановке, Знаменке, Княже-Богородицком и Большой Липовице под общим руководством Сампурского Ревкома. Насаждать Ревкомы в местностях,

где не имелось наших войсковых частей, было невозможно, да и крестьяне уже боялись подчиняться Советской власти, так как тех, кто выполнял распоряжения Совет. власти, бандиты жестоко избивали и даже расстреливали.

Особую храбрость в деле борьбы с бандами проявили ивановские коммунисты. Вместе с рабочими Ивановского совхоза, они стойко защищались от нападений под прикрытием—своей крепости—каменного здания конюшень. Неоднократно банда нападала на совхоз и всегда получала отпор, оставляя десятки убитых бандитов. Несмотря на все невзгоды, т. т. коммунисты оставались на своих постах и организовывали даже разведку на 20—25 верст. Видя стойкость ивановских коммунистов, и местные крестьяне держались против бандитов. Когда банда налетала на Ивановку, то часть крестьян пряталась, часть уходила в совхоз и, вместе с коммунистами, отражала бандитов. Храбрость ивановцев можно отметить следующим примером,—одним из многих.

Банда во главе с Антоновым собрала значительные силы, до 2000—3000 челов. с пушкой, отбитой у наших частей. Выпустив 54 снаряда по совхозу, бандиты сделали несколько пробоин в стенах конюшень, из-из которых отбивались наши коммунары. Конюшни от снарядов загорелись в нескольких местах. Банда несколько раз пыталась идти в атаку. Усталость наших товарищей была необычайна, так как бой длился очень долго,—почти полдня. Кто стрелял, кто тушил пожар, а кто ловил вырвавшихся из денников лошадей и задавал им корм. Пушка бандитов была в лощине в версте от совхоза и чтобы достать ее из пулемета, наши товарищи втащили пулемет на чердак и стреляли в слуховое окно, поставив пулемет на спину согнувшемуся т. Звереву. От тяжести пулемета потолок обрушился и товарищи вместе с ним загремели вниз, думая, в первый момент, что в них попал снаряд, но все обошлось благополучно. Растерянности абсолютно никакой не было и коммунисты храбро держались до подхода войск на выручку.

Ивановка у Антонова была как бельмо на глазу: ни один бандит не проезжал незамеченным ивановцами в радиусе на 20 верст. Для нас Ивановка—была важным стратегическим и политическим пунктом. Прельщала она Антонова и своими племенными лошадьми, которых было там свыше 200.

Крестьяне говорили бандитам:

—„Куда вам итти на Тамбов, когда не можете и Ивановки взять!“

Прозвали ивановцев—„красными чертями“. Особой храбростью и стойкостью отличались среди них т. т. Андреев, Гаранин, Турков, Рязанов, Чекунов, Зверев и Романцев.

Будучи один раз в Сампуре и узнав о нападении на Ивановский совхоз банды количеством 500—600 чел., т. Гаранин, сов-

местно с Турковым, Рязановым и Чекуневым, увлекли своей храбростью кавалерийский взвод в 60 чел., который был пущен из Самзура на Ивановский совхоз. Налетев на совхоз, сняв бандитские посты и наведя панику, кавалерийский взвод стал преследовать банду, отступавшую в паническом страхе, и зарубил на месте около 50 чел. В апреле месяце 1921 г., когда Губземотделом был отдан приказ об эвакуации племенного рассадника животных из Ивановского совхоза, граждане Ивановской волости совместно с рабочими совхоза, на общем собрании постановили— ходатайствовать об оставлении племенного рассадника на месте и командировали ходоков для этой цели, уверяя, что они отстоят совхоз. Уисполком и полномочная комиссия ВЦИК наименовали Ивановскую волость и совхоз „Красными" с занесением на красную доску.

Также все время стойко держалась Токаревская организация коммунистов. Рассказовская тоже продолжала оставаться на месте. Остальные товарищи большей частью эвакуировались в г. Тамбов.

За исключением Ивановского совхоза, уже к ноябрю месяцу все остальные совхозы и колхозы были разграблены. После того как казенного добра не осталось—бандиты обратили свое внимание и на рядовых крестьян. Перегнав на самогонку весь хлеб, который они награбили в совхозах и у крестьянских артелей, бандиты начали реквизировать хлеб у крестьян. Ясно, что крестьянам это не пришлось по вкусу. Тут-то они и поняли, что могут остаться у разбитого корыта. В это время стали проводить уездные беспартийные конференции и созвана губернская. На этих конференциях крестьянам раз'яснялся смысл бандитизма. К этому же времени и Москва обратила внимание на затянувшийся бандитизм и выслала надежные, крепкие отряды. Отданы были приказы о беспощадном прекращении мародерства со стороны красных войск. Это оказало благотворное влияние на настроение крестьян—особенно после того, как несколько мародеров были расстреляны на месте.

Через некоторое время мы уже видим первых добровольно явившихся бандитов из с. Текино. Хотя в этом селе и имело место убийство нашего волревкомщика т. Волкова, но сами крестьяне предупреждали Волревком о походе бандитов и указывали их местонахождение. До этого-же никто из крестьян не отвечал на вопросы о бандитах. Всегда,—либо уклонялись незнанием или отвечали в пользу бандитов.

К этому времени Тамбовск. Уисполком выпускает воззвание к „Трудовому крестьянству Тамбов. уезда", в котором напоминает о приближающейся весне и о необходимости проведения нового закона о помощи в укреплении сельского хозяйства. Воззвание удалось распространить по всем деревням Тамбовск. уезда.

Настроение крестьян приподнялось. К этому надо добавить, что у бандитов уже не хватало одежды и продовольствия и они принялись усиленно грабить крестьян, чем еще сильнее оттолкнули их от себя. Одновременно состоялось освобождение 400, а потом—еще 400 крестьян, обвинявшихся в участии в бандитском движении. Шесть из освобожденных поехали в Москву к т.т. Ленину и Калинину—рассказать о всем том, что творится в нашей губернии, о подлом обмане, в который вовлекли их предатели-эсеро-бандиты. В Москве и по дороге туда они убедились, что о бандитизме в Тамбов. губернии мало кто знает и что в остальных губерниях России все спокойно. Один из делегатов—старик Бочаров из дер. Бахаревки тут же по приезде в свое село на общем собрании об'явил гражданам подлинную правду о положении в Советской России. Бывшие на собрании бандиты хотели зарубить его, но он этого не устрашился,—продолжал свою агитацию и в других соседних селениях, обличая при этом бандитов, пытавшихся не давать ему говорить, называя их „молокососами".

Антонов делает усиленные потуги восстановить свой авторитет и доверие среди крестьян. Он усиленно разбрасывает прокламации о готовящихся нападениях на Тамбов, Кирсанов и Рассказово. Частично ему удалось выполнить свою задачу—напасть на Кирсанов, но безрезультатно. С Рассказовом ему более повезло: сюда он ворвался со своей оравой, захватил с фабрик и заводов много ценного имущества и патронов. Незадолго до нападения на Рассказово на всех рассказовских фабриках создалось тяжелое продовольственное положение, ожидалась даже забастовка из-за неполучения пайка. Получив тревожные сведения о положении на рассказовских фабриках, Губком срочно ночью вызвал пять человек ответственных работников и предложил нам ехать в Рассказово. Утром мы уже были там. Выяснили обстоятельства дела самым подробнейшим образом и установили, что серьезного—ничего нет. Об'явили после обеда общее собрание рабочих на фабрике быв. Асеева. Рабочие поделились своими нуждами и изложили свои требования. Они заявили, вместе с тем, что „какой то дурман нашел", что они слушали эсеровских шептунов и даже не хотели сопротивляться нашествию банд, забыв о том, что могло статься с их фабрикой, которой они кормятся. Мы вернулись в Тамбов. Мне пришлось пережить больше всех—и тяжесть настроения, когда ехали в Рассказово и неописуемую радость на обратном пути, т. к. я сам вышел из той же среды рассказовских ткачей.

Перелом среди крестьян углубился после твердых и жестких приказов полномочной комиссии ВЦИК за № 130 и № 171, по которым семьи и все имущество бандитов об'являлись заложниками. За укрытие бандита грозил арест и расстрел. По опубликовании этих приказов даже бандитские семьи не находили

себе приюта и тащили за шиворот своих бегунов,—вытаскивая их на свет божий из лесов и оврагов.

В некоторых районах, захваченных эсеро-бандитизмом они—ложью и угрозами принуждали граждан—отказываться называть их имена. Вследствие этого части, выполнявшие приказ № 130, были поставлены в затруднительное положение: создалась опасность, что пострадают невиновные. Тогда был издан приказ № 171: расстреливать тех, кто в бандитском селе отказывается назвать свое имя комиссии, проводящей приказ № 130.

Чтобы задержать ликвидацию разбойных шаек, эсеро-бандиты начали прятать свои семьи. По глупости, они полагали, что можно спрятаться от советского правосудия. И вот, в некоторых деревнях семьи бандитов стали покидать свои дома. Это опять несколько задерживало ликвидацию эсеро-бандитизма. Тогда полномочная комиссия постановила: дом бандита, из которого семейство скрылось, разбирать или сжигать; тех, кто укрывает бандитские семьи—приравнять к укрывателям бандитов; старшего в такой семье расстреливать. В результате на всех участках было зарегистрировано всего несколько случаев применения этого приказа.

Опираясь на деревенских кулаков, эсеры мечтали увлечь за собой и основные слои деревни. Середняки—колебались. На почве принудительного взимания разверстки, крайне тяжелой вследствие неурожая, середняцкое крестьянство проявляло недовольство, если не всей Советской властью, то ее продовольственной политикой. Эсеры поставили своей задачей—оформить это недовольство и направить середняков под руководством кулачья, против Советской власти.

Эту задачу эсерам выполнить не удалось. Затеянные ими восстания были подавлены крестьянской же рукой. Середняцкое крестьянство, в массе своей не поддержало дезертиро-кулацкий бунт. Оно не скрывало недовольства продовольственной политикой Советской власти, но и не отрекалось от этой власти. Когда же наша продполитика была изменена в духе пожеланий крестьянства, — исчезло и это недовольство. Демобилизация значительного количества возрастов смягчила, в свою очередь, настроение дезертиров,—они потянулись по домам или в комдезы с добровольной явкой.

Перед нами стала задача довести до конца уничтожение бандитских шаек, окончательно разоружить кулаков и раздавить их тайную организацию—комитеты СТК. Упорнее других держалось с. Каменка—осиное эсеро-бандитское гнездо, откуда 19 августа 1920 г. был подан сигнал к восстанию,—село Каменка, выделившее первый Каменский бандитский полк, приютившее у себя волостной, районный и губернский комитеты „Союза трудового крестьянства". Видя, что Красная армия повсюду берет верх и что

дело бандитов — проиграно, жители Каменки задумали провести Советскую власть: они заявили, что признают себя советским селом и выбрали свой совет, прислав ходоков в Уисполком. Но наряду с советом они оставили тайные комитеты своего союза, продолжавшего борьбу с Красной армией. Обман каменцев был немедленно обнаружен и село срочно заняли нашими войсками. Только после изъятия бандитских семей по списку, арестов, обысков и усиленной агитации и в этом селе наступил перелом: труловики окончательно порвали с кулаками-бандитами. По указаниям середняков, было открыто подземелье, в котором захвачено до 80 бандитов, арестовано 20 участников Вохры, во главе с ее начальником, весь состав губернского комитета СТК (кроме председателя), председатель районного комитета союза, начальник штаба и помощник Богуславского,—одновременно указаны все деятельные члены СТК. Добровольно явилось 72 бандита и главная крепость бандитизма в Тамбовской губернии была сломлена.

В лесу Каменской волости, так назыв Волховщинском, была обнаружена замаскированная яма и в ней нашли видного вооруженного главаря бандитского движения Г. Н. Плужникова („батько") с сыном Василием.

Несколько других видных организаторов было задержано в других укромных местах. Попались Гавриков, Коновалов и т. д. Райревкомами были командированы в волости этого рай на ответственные партийные работники с заданием: немедленно восстановить Советскую власть, организовать Волревкомы и Сельсоветы и провести самые суровые и быстрые меры к очищению волостей от бандитов. Указанные задания были выполнены.

За 10 месяцев крестьянство раскусило сущность и узнало истинную цену предательской лжи эсеро-бандитских атаманов:— разбойника Карася, царского офицера Богуславского, бывшего спекулянта Ишина и самого Антонова, про которого даже сами эсеры писали, что он, еще в 1905 году, отличался „наклонностями" к грабежу и разбою.

К. В. БРИММЕР.

Последний период борьбы.

С приездом т. Тухачевского, тамбовское командование подчиняют непосредственно центру, таким образом, все распоряжения сейчас же выливаются в определенные действия и вся информация о борьбе становится известной в центре сейчас же, а не то, что было раньше, когда подчинение шло по четырем линиям.

Установилось положенье, что борьба должна вестись в двух направлениях,—первое—это уничтожение живой силы банд и второе—это создание перелома в среде, которая питала бандитизм. Войскам дана была задача—оккупировать район. Войска были разделены на группы, районы на участки и началось уничтожение живой силы. Одновременно была поведена решительная борьба с подпольным бандитизмом, вплоть до конфискации всего имущества, как у бандитов, так и у причастных к бандитизму. Началось укрепление и работа по исправному действию правительственного аппарата не только в центре, но и по периферии, таким образом, прежние временные паллиативы, начали изживаться и началось втягивание в работу прочих органов и аппаратов правительственной власти и даже самого населения.

Во главе командования была поставлена полномочная комиссия ВЦИК. В состав комиссии вошли—председателем член ВЦИК тов. Антонов Овсеенко, членами Комвойск, являвшийся заместителем председателя комиссии, председатель Тамбгубисполкома и секретарь Губкома.

Центральной властью были даны огромные права этой полком ВЦИК.

Руководство органами Чека было поручено полномочному представителю ВЧК, который вошел в непосредственный контакт с полкомом ВЦИК и со штабом командования.

На местах были созданы участковые политические комиссии, в состав их входили—начальник боевого участка, начальник Политического Отдела, Начальник Особого Отделения, председатель Уисполкома, секретарь Укома и председатель Ревтрибунала. На них то и выпала особенно трудная работа по организации нового Советского аппарата на местах.

Из войсковых частей, которых к этому времени было вполне достаточно, были составлены летучие колонны, которые должны были действовать совместно с оккупационными отрядами, нахо-

Тов. ТУХАЧЕВСКИЙ.
Под его командованием Красная армия ликвидировала эсеро-бандитизм в Тамбовской губ.

дящимися на местах. Но невсегда можно было применять такой комбинированный способ, ибо опыт установил, что бандиты имели возможность распыляться не только на мелкие группы, но и по одному, что ими и проделывалось. Выйдя из сферы преследования, они в назначенных заранее местах опять собирались и вновь составляли вполне организованные банды. В эти моменты распыления банд по одиночке, вся работа по их изловлению ложилась целиком на органы Особ. Отд. и Чека.

В апреле-мае м цах тамбовское командование было усилено войсковыми частями. Были двинуты курсантские части Московского и Орловского округов—для отбытия учебного лагерного сбора. Курсы были направлены в район д д. Каравайня, Трескино, Калугино, т. е. в центр восстания. 19 мая курсы после парада выступили и 24 мая расположились в указанном районе, при чем по пути,—23 мая произошла первая схватка этих частей с 16-м Золотовским бандитским полком, который, распылившись, ушел на восток.

Расположившись в этом районе, курсантские части перехватили обычный путь движения антоновских банд и сдвинули их питательные базы к югу,—на Балашовскую ветку. В районе Трескина курсанты укрепились, построили окопы с наблюдательными пунктами и вышками и начали медленную систематическую работу по очищению этого района от бандитов и по изловлению лиц, причастных к комитетам С. Т. К.

Главное ядро Антонова спустилось к югу, избравши себе иной путь, а именно—Хитрованщина, Каравайня, Паревка, затем вниз на Никольский Перевоз и далее через ж. д. на юг.

Лагерный сбор курсантов был расширен,—переименован в боевой участок и вошел в состав тамбовского командования. Ему даны были для советизации следующие волости: Балыклейская, Красивская, Карай Салтыковская, Рамзинская, Инжавинская, Трескинская и Калугинская. Заняв большой район, курсанты стали вести разведку и захватывать по радиусу еще больший район, не давая противнику приближаться к нему. Оторванный у Антонова и занятый нами район стал быстро приводиться в порядок и совершенно отошел от бандитизма.

В начале июня Помкомандвойск т. Уборевич настиг под Еланью (Сарат. г.) главное антоновское ядро, в которое входили лучшие бандитские части, а именно полки: особый, 4-й Паревский, 3-й Низовский, 9-й Семеновский, 7-й Верхоценский, 14-й Пару Тамбовский и др., и разбил их. После этого удара Антонов уже оправиться не мог, бандитизм был почти сломлен. Разбитые части, вместе со своим любимым вожаком бросились на Рамзу в леса, но встреченные курсантами, повернули на юг и скрылись в Чернавском и Пущинском лесах, где и начали новое формирование. Среди скрывшихся бандитов, по агентурным сведениям,

находился и сам Антонов со своим штабом,—по тем же сведениям бандитов насчитывалось в этих лесах до 1500 человек.

Командованием было приказано уничтожить скрывшиеся банды. Для этого была выделена особая группа. 23 июня войсковые части окружили район Чернавка, Троицкая-Караул, Усть-Панна Богданова, Ивановка, Никольская-Ржакса и Никольская Перевоз и начали сходиться к центру. Во время движения наши части схватились с засевшими бандитами;—отряд коммунистов с авто-машинами и пулеметами, наступая на Караул, был обстрелен бандитами, но ответным огнем пулеметов банда была загнана в Чернавский лес.

Эскадрон Казанского кавполка в направлении на Чернавку озеро Ильмень, был встречен эскадроном бандитов в составе около 100 коней, бросившимся в аттаку на нашу разведку, но казанцы в свою очередь аттаковали бандитов и погнали их до Чернавского леса. Здесь бандиты повернулись и снова понеслись в аттаку. Тогда наша батарея открыла огонь по ним и подоспевший 1-й эскадрон 1-го кавполка также бросился в аттаку. Бандитам пришлось скрыться в лес, оставив 8 убитых и 15 лошадей.

Владимирский батальон, двигавшийся на дер Картавцево, был аттакован бандитским эскадроном в 100—110 сабель, но поддержанный взводом Саратовской батареи и Рязанским эскадроном, контрударом сбил бандитов и они бросились на юг.

Бригада Котовского выгнала бандитов из района д. д. Никольская-Перевоз и Лебяжье. Бандиты, выбитые из своего района, скрылись в лесу.

К ночи 23 июня лес был окружен войсковыми частями и 24-го с рассветом артиллерия открыла огонь по площадям. После 2—3 часов артиллерийской канонады, пехота цепью двинулась для осмотра лесов.

В оперативной сводке говорится об этой облаве следующее:

— „От деревни Троицкая-Караул на юг по правому берегу реки Вороны были двинуты коммунары. По левому берегу от Пащекина к Ильменю шла Курская рота. Пущинский лес проходился Рязанской ротой и владимирцами. Коммунары в районе плотины наткнулись на бандитскую шайку до 50 человек, по которой открыли залповый огонь. Банда бросилась на левый берег реки Вороны, но была перехвачена взводами коммунаров и Курской ротой. При дальнейшем движении частей банды перебрасывались на правый берег и снова их встречали залпами. При движении на юг банды перебрасывались с одного берега на другой, частью расстреливались на месте, в большей же части гибли вместе с лошадьми в реке. Бандиты были одеты в большинстве в кожаные куртки и в красные фуражки“... „За истекший день было убито бандитов—270, захвачено в плен—38, лошадей взято 168, винтовок 206 и пулемет. Остальному взято-

му имуществу подводится подсчет. Из показаний пленных явствует, что коммунарами уничтожены почти полностью—особый полк и части 9, 4-го и 17-полков".

После этих боев продолжалась чистка леса, ловля бандитов и сбор оружия и другого имущества. Были выловлены члены комитета С. Т. К., убиты главари банд, как-то: Санталовы братья, Попов, Макаров, Митин, врач Шалаев и пойман ад'ютант Антонова Козлов. От него были получены сведения, что Антонов вечером 22 уехал. Успех наш повлиял на добровольную явку бандитов,—они целыми гурьбами являлись в штабы и отправлялись в Тамбов.

В первых числах июля бригаде Котовского, борисоглебским курсантам и Орловскому батальону была дана задача—уничтожить части 16-го Золотовского и 14-го Нару-Тамбовского бандитских полков, которые бродили в районе сел Золотое и Хитровщина и не были окружены в предыдущих операциях. Бригада Котовского в районе Березовка и Туменские-Дворики удачными действиями кавалерийских частей уничтожила большую часть этих бандитских полков. Борисоглебские же курсанты понесли тяжелые потери в районе деревни Федоровка-Мордва, будучи окружены большими силами: были убиты командир полка, старший врач и друг., но наши потери достались бандитам не дешево — их погибло в бою хотя и неравном во много раз больше,— одних трупов на поле оказалось больше 200.

В конце июля были найдены следы Антонова с его ближайшими сотрудниками в Рамзинских болотах. Надо было не оставлять охоты за Антоновым и сейчас же намечать операцию, —„ковать железо, пока горячо". Лучшим курсантским частям поручается захватить штаб Антонова. Район оцепляется, и отдельные роты отправляются в самые болота и в течение недели рыскают по ним. Условия работы ужасны. По словам одного из участников, а именно—начальника курсов т. Доможирова, который лично сам участвовал во всех этих операциях, и сведениями которого я пользуюсь, „в течение 8 дней роты сидели в болотах по пояс в воде... Только лучшие курсантские части могли выдержать это испытание. Они днями не получали пищу".

Эта операция, на которую была пущена вся имевшаяся налицо техника—артиллерия, пулеметы, аэропланы с бомбами,— была очень удачна,—было убито и поймано до 150 бандитов. Антонов с 9-ю бандитами скрылся, по описаниям Н. Д, в кочках, где и отсиделся.

В это время в других районах также проходила чистка лесов и прилегающих к ним участков, вылавливались, как отдельные бандиты, так и целые группы. Бандитская язва постепенно вырывалась с корнем.

В последних числах июля Командвойск т. Тухачевский приказал ликвидировать банду у озера Змеиное в районе Рамзы Паревка. Для этой операции были стянуты войска из других дальних районов. Между прочим, туда были направлены части 1-й бригады В. Ч. К. и Кавбригады Котовского.

Был оцеплен район—Золотая Клетка,—Рамза,—Троицкое,—Сергеевское,—Карай-Пущино,—Архангельское,—Карай - Салтыково, бывшее имение Петрово-Соловово. Затем—по западной опушке леса, что восточнее деревень Дашково и Семеновки, далее на Паревку, мельницу Прокудина и Золотая Клетка, где кольцо замыкалось. На дорогах и в населенных пунктах были оставлены сильные отряды—на случай, если бандиты постараются пробиться сквозь кольцо окружения. По реке Вороне были пущены в разведку лодки с пулеметами, по лесным дорожкам—надежные и смелые пешие разведчики. Разведке удалось захватить в камышах нескольких бандитов, которые показали, что действительно в районе озера Змеиное скрывается до 100 бандитов, при чем около 80 бандитов ушло на юг. За ночь кавалерии также удалось установить, что банда Ворожищева скрывается в районе Кулевча. От бандитов также узнали, что сам Антонов находится с бандой у озера Змеиное. За ночь добровольно явившиеся бандиты подтвердили полученные ранее сведения и в район озера Змеиного были направлены на 15 лодках с пулеметами охотники, которые, подойдя к озеру Змеиное, были встречены огнем бандитов. Охотникам не удалось пробраться вперед и они заночевали вблизи. 4-го на рассвете к району озера Змеиное была выслана конная батарея, а из Тамбова отряд аэропланов с бомбами. Начался артиллерийский обстрел района озера Змеиное с корректированием аэропланами, с которых были сброшены бомбы. После обстрела пехота начала свое схождение к центру и дошла до предела, когда осколки своих же гранат их стали задевать. С наступлением темноты и всю ночь артиллерия редким огнем продолжала обстреливать участок.

С рассветом пехота с пулеметами на лодках начала пробираться к озеру и достигла кочек, на которых скрывались бандиты. Двое захваченных бандитов показали, что банда на лодках ночью скрылась в камышах. Разведка, высланная в разных направлениях, ничего существенного не принесла. Артиллерийский огонь не причинил больших потерь бандитам, как этого ожидало командование, но настолько сильно подействовал морально, что часть бандитов сдалась, а другая разбрелась, чтобы сдаться, но набрела на наши войска. 5 го августа операция продолжалась и лодки, несмотря на сильный огонь бандитов, всетаки пробрались к озеру. На кочках нашли массу продовольствия и захватили нескольких бандитов, спрятавшихся в кочках. В этом месте были искусно устроены шалаши с настилом, который мог

выдержать довольно большую тяжесть. Везде с кочки на кочку были перекинуты мостки, покрытые ветвями. Место представляло из себя удобный бивак, на котором бандиты преспокойно скрывались. Продовольствие и запасы вооружения были спрятаны в кочках. Отрытая земля была выбрана и кочки представляли из себя прекрасные цейхгаузы.

Бандиты разбрелись, ушел и Антонов вместе со своим братом Митькой, с Востриковым, денщиком Алешкой, комендантом Трубкой и Петькой Ивановским, с ними также ушли жена и сестра коменданта Трубки. Роты, пройдя далее по пояс в воде и прощупав район озера, захватили в общем до 60—70 бандитов. Хотя операция и была выполнена отлично, но главная цель ее — поимка Антонова с его штабом опять не удалась,—опять его след простыл.

7 августа операция по поимке Антонова началась снова. Кавбригада Котовского была отправлена в другой район и на ее место были поставлены крестьяне вперемежку с курсантами. Чистка началась снова, она дала следующие результаты—около 20 бандитов убитых, столько же добровольно сдавшихся. Среди них попался и денщик Антонова—Алешка, который показал, что брат Антонова ночью застрелился и что также застрелились еще два бандита. По выяснении оказалось, что Антонова среди застрелившихся нет, а застрелился комендант. Стало-быть Антонов удрал опять. К 10 августа действия в этом районе были закончены и не преувеличивая можно сказать, что они дали громадные результаты.

Не только в этом районе действия наших войсковых частей были столь активные,—активность была проявлена и в других районах; за это время были уничтожены банды Богуславского, Карася, Маруси и др. Бандит Бадов с немногочисленной своей бандой имел пребывание в районе села Чекмари к северу от Тамбова и своими налетами производил разрушение в окрестных селах и деревнях, забирая скот и другое имущество, разоряя коммунистов и всех крестьян, верных Советской власти. Для поимки этого бандита с его шайкой в конце апреля из Тамбова был выслан отряд довольно своеобразного состава, а именно: эскадрон кавалерии, батарея пушек Маклина и два бронеотряда. Этому отряду было придано несколько аэропланов. Действия этого отряда должны были выливаться в следующей форме: выпускаются аэропланы в разных направлениях, они устанавливают где-либо скопление банд и сейчас же дают знать отряду, отряд выступает в место сосредоточения бандитов, при чем один из бронеотрядов идет окружным путем, чтобы ударить банду в тыл или во фланг, остальные двигаются по кратчайшей дороге прямо на банду. Чем быстрее движение и чем внезапнее удар, тем больше результаты. Такой отряд был использован для уничтожения банды Бадова,

но положительных результатов он не достиг, хотя при появлении его в этом районе налеты бандитов прекратились и банда разбрелась.

В конце апреля банда Бадова появилась в районе села Червяное и Хмеливского лесничества. Отряд выступил из Тамбова в 13 часов и, пройдя до села Татанова, остановился, имея целью ночью окружить банду в районе села Горелое, на каковое село банда почти каждую ночь производила налеты и отбивала скот. С наступлением темноты была выслана конная разведка. От жителей разведка узнала, что в эту ночь Бадов собирается напасть на село. (Между прочим, село было не бандитское,—за исключением нескольких семей, которые держали тесную связь как с бандой Бадова, так и с другими местными бандитами). В 21 час отряд выступил по трем дорогам: бронеотряд пошел прямо по дороге на село Горелое, полу-эскадрон с полбатареей двинулся на Духовку с целью охватить банду с западной стороны, другой полу-эскадрон с полбатареей, где находился и штаб отряда с одной легковой машиной, двинулся по лесу через кордоны. Разведка, высланная по дороге на Горелое, донесла, что в селе крестьяне ждут налета.

Бронеотряд, двигаясь прямо на Горелое, пройдя большую часть села, получил сведения от крестьян, возвращающихся из лесу, что банда в лесу, недалеко от опушки и собирается двигаться на Куксово. Верить крестьянам не приходилось и они были на всякий случай задержаны.

В это время подошел полуэскадрон с полубатареей со стороны Иноземческой Духовки. Если предположить, что отряд, шедший по лесу, подходит на линию Горелое, то банда очутилась бы между двух отрядов, но дело в том, что бронеотряд не мог пройти по мосту через реку Цну и в лес были направлены только полуэскадрон с полубатареей, а для связи с правым отрядом был послан раз'езд через Куксово Карнажай. Как выяснилось после, отряд, двигавшийся по лесу застрял и своевременно на линию село Горелое не вышел.

Горельскому отряду посчастливилось. Как только батарея прошла мост, по ней со стороны опушки леса был открыт огонь, полу-эскадрон не останавливаясь, рассыпался и бросился к опушке, у опушки никого не оказалось. Тогда кавалеристы колонной втянувшись в лес пошли по дороге на Горельской кордон, и банду нагнали только у кардона,—как оказалось нагнали только отставшие повозки с крестьянами. Бандиты, бросив повозки, бросились на север на Хмеливу. Из показаний подводчиков удалось установить, что банда всего в 60 человек, из коих половина конных, половина пеших что они не ожидали появления красных и страшно перепуганы. Было приказано полу-эскадрону с батареей продолжать преследование по лесу, а бронеотрядам

двигаться на с. Черняное, все время наблюдая за опушкой леса с тем, чтобы не пропустить банду через тракт.

У кордона Голдым удалось банду нагнать, бандиты, отстреливаясь рассыпались по лесу, а конные бандиты бросились на село Троицкая Дубрава и Поганку. Во время перестрелки было убито два бандита. Пешие бандиты, рассыпавшись по лесу, оставили в наших руках небольшой обоз с награбленным имуществом, которое на следующий день было роздано потерпевшим. Летучий отряд был собран в с. Черняное и получил район из 3-х волостей—Горельский, Чернянский и Лысогорский и задание выловить всех бандитов и совершенно очистить район от бандитизма.

За лето была уничтожена шайка Балова, район очищен и осоветизирован.

Кончился бандитизм и в других районах: живая сила была уничтожена, распыленные части бандитов были выловлены, масса бандитов сдалась, одиночки были ликвидированы органами О. О., Чека и милицией. На местах были организованы прочные авторитетные советские аппараты и укрепилось коммунистическое влияние в деревне.

Приведу те цифры, которые были выявлены на Тамбовской конференции из отчета этой конференции.

С 28 мая по 26 июля добровольно явилось бандитов:

С оружием	1260
Без оружия	4325
Взято в облавах:	
с оружием	572
без оружия	4713
Взято в плен в боях	985
Убито в боях	4515
Всего	16370

Дезертиров взято в облавах 7646. Явилось добровольно—12903. Взято оружия: пулеметов—34, винтовок—2221, револьверов—285, шашек—488, кроме того в б. бандитском складе взято 170 пулеметных стволов.

В области советизации губернии (из доклада Поарма) за май и июнь месяцы 21 года создано: Ревкомов—93, комячеек—53, волостных и сельских советов—114, комсомолов—9.

К этому времени уже имелись во всех селениях сельпосевкомы. Был проведен ряд беспартийных крестьянских конференций. Проведена огромная работа армией по оказанию помощи населению, как вспашке, так и засеве полей, в уборке урожая и в починке сельско-хозяйственных орудий. Было построено много домов и восстановленно разрушенных зданий.

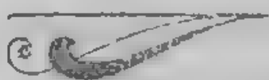
Борьба с бандитизмом в Тамбовской губернии нас многому научила. Ни один устав ни тактика не могли нам указать тех методов, какие были бы у места здесь в борьбе с бандитами.

Командиры начали воевать с бандитами так, как воевали они на фронтах, придерживаясь всего того, чему они учились, основываясь на опыте войн с регулярными армиями противника. С этими методами мы на бандитском фронте расшибли себе лоб,—занимали участок или район, думали—сделали дело, смотрим—ничего подобного. Та же банда хозяйничает в другом районе с еще большей активностью. Не раз атаковали, подготовив эту атаку, и ударяли по пустому месту, ибо банды давно уже рассыпались и скрылись, чтобы собраться где либо в другом районе.

Таким образом этих ударов и временной оккупации районов оказалось совершенно недостаточно. Пришлось проводить длительную оккупацию района, т. е. занимать их хотя бы и небольшим количеством войск, но надолго, дабы из'ять эти районы из под влияния Антонова. Это оказалось возможным только тогда, когда появилось достаточное количество войск.

Только оккупировать район и активно не действовать, было не достаточно, т. к. понадобилось бы чрезмерное количество войск, операция затянулась бы, а банды ушли и передвинулись в другие губернии. Обязательно, параллельно с оккупацией нужно было уничтожать живую силу банд. Для этого выделяют особые колонны, которые неотступно, преследовали бы банды до полного их уничтожения или разделив войска на две части, активную и пассивную,—пассивной части окружить известный район, а активной производить операцию. Последний прием удачен в лесах, болотах, в районе рек. В последнем случае части, оперирующие в лесу или болотах должны иметь огромную выдержку и быть высоко дисциплинированными. Мы пришли к заключению, что наилучшим действием против банд являются комбинированные действия летучих отрядов с системой оккупации. Когда же банды распылились, на сцену выступают органы О. О. и Чека и вся тяжесть борьбы ложится уже на них.

К. В. Бриммер.

С. ЕВГЕНОВ.

Бандитская романтика и деревенская частушка

Будущее принадлежит материалистическому пониманию истории, в котором нет места героическому романтизму. Но буржуазные историки, если успеют, могут произвести главаря тамбовского эсеро-бандитизма Антонова в „Карл Мооры Тамбовские",—они имеют к этому все свои основания.

Происходивший из мелко-буржуазной семьи слесаря-кустаря, рано втянутый в типичнейшую мелко-буржуазную партию, глубоко впитавший ее пресловутый „революционный романтизм", Антонов жил и умер в романтических образах. Вся история его работы в эсеровских организациях, все его бесшабашные,—рискованнейшие по обстановке и бессмысленнейшие по результатам „эксы", все его поведение во время эксов, в царской тюрьме и, наконец, во главе жесточайшего восстания—с начала и до конца проникнуты романтической истерией. Недаром его любимые исторические и литературные типы—Емельян Пугачов и Тарас Бульба,—любимая песенка, первые строки которой он распевал до одурения, распевал, как маниак—

„Трансвааль, Трансвааль, страна моя,

Ты вся горишь в огне"... *)

До революции он в полном смысле слова бредил этим огнем, грезил себя героем, который зажжет его. Но революция пришла без его участия,—революция пришла сжигающей, но сжигающей в осуществление заранее намеченных путей, в достижение заранее определенных целей. Она не выдвинула героев романтиков, ибо ее творили массы,—широкие слои рабочих и крестьян. Такая революция с одной стороны была просто „скучна" искателям революционных приключений вроде Антонова. Вместе с тем,—она была нелюбезна им, потому что била в корень,—в их тайное слабое место—по собственническим инстинктам, в буржуазную собственническую жадность их самих и их среды.

---

*) Автор пользуется в своей статье биографическими сведениями об Антонове, полученными от уполномоченного ГПУ по борьбе с бандитизмом в Кирсановском уезде тов. Зверяева.

То, что накоплялось долгие годы—жажда огня и крови, жажда „зажечь страну свою"; вести „народ" в огонь и кровь (независимо от того—хочет или нет этого „народ"), „гарцевать на белом коне (рисоваться) перед всем народом", а не перед кучкой эсеровских интеллигентов в душном подпольи, как это было до революции,—жажда во чтобы то ни стало—„быть вождем",—недалекая от примитивной бонапартистской жажды—„быть царем",—все это в суровой обстановке октябрьской революции не получало для Антонова своего удовлетворения,—наоборот—все больше и дальше отходило в область недостижимого. Он обладал громадной волей, но эта отравленная воля была напряжена не на то, чтобы изжить „бессмысленные мечтания",—а, наоборот,—возможно скорей и шире осуществить их.

В одной из статей, печатаемых в нашем сборнике, отмечаются разногласия, нараставшие между Антоновым и партией эсеров—ее фактическими органами в бандитском движении—комитетами СТК. У комитетов все же были кое какие „общественные цели",—хотя-бы конструирование власти, удобной для кулачества, для эксплоатации им бедноты, для накопления капиталов. У Антонова, по существу, даже такой цели не было,—ему только бы—огонь и кровь, море огня и крови и среди этого моря, этой бури—он, властный „вождь народный", вздымающий огненные и кровавые валы, подымающийся на них все выше и выше, чтобы с девятым валом вознестись совсем высоко. Антонов метил в „бонапарты" и, быть может, это являлось его единственной целью, для достижения которой им тратилось столько сил, воли, ума,—проливалось так много крови.

Но „народ", опекаемый п. с.-р. и Антоновым, не сразу уяснил эти бонапартистские наклонности и был совершенно далек от антоновского романтизма.

„Народ безмолствовал". *) В своей массе он шел за Антоновым, но шел без под'ема, без пафоса,—молча, словно с нечистой совестью, словно догадываясь, чуя, что его ведут против его лучших, наибольших достижений, ведут для удара в спину его революции. Очень скоро „народ" стал ходить за Антоновым только из-под палки, под угрозой сабли и обреза. При первом толчке он повернул против Антонова.

Массовые доносы на бандитов, массовое участие крестьян в облавах на них эсеровская интеллигенция назовет „бессознательным предательством", Максим Горький возьмет лишней иллюстрацией—„органической подлости русского народа зверя".

Мы же в этом видим момент проявления наибольшей сознательности крестьянских масс за весь период тамбовского бандитизма,—действительно органическую спайку между деревней и

---

*) См. гл. IV-ую воспоминаний т. М. И. Покалюхина.

октябрьской революцией, осознание заинтересованности в ее успехах, помощь ей при первом же уяснении ее путей и задач.

В таких условиях говорить о глубоком, сочувственном отражении антоновского движения в народной душе не приходится.

Антоновский романтизм разделяли только его приближенные и больше всех—его брат Дмитрий, влюбленный в него, преданный ему, как собака,—его „придворный лейб-поэт", под псевдонимом—„Молодой Лев" писавший пространные воззвания в неуклюжих стихах *), незадолго до конца задумавший „мемуары", начинавшиеся высокопарным лирическим обращением к брату:

— „Тебе на память я пишу, что было много пережито"... и т. д. **)

„Народ" оказался старше, мудрее своих недолгих вожаков. По иному, без романтики и „сентиментов", отразилась антоновщина в „творчестве народном"—она отразилась лишь в частушках, которые пришли на смену старинной длинной и протяжной песне.

В этих частушках, в 1917 году деревня приветствовала революцию,—пела и еще поет о ней:

Так не светит в перстенечке
Самоцветный каменек,
Как среди столетьев светит
Наш семнадцатый годок. ***)

В семнадцатом годе—не февраль (март—для деревни), а именно красный большевистский октябрь привлек ее наибольшие симпатии:

Словно свечка ярко светит
Знаменитый наш март—месяц.
Светит солнышко светлее—
Наш октябрик веселее.

„Октябрик",—не только рабочий, но и „наш" деревенский,—солнышко в сравнении со свечкой-мартом, потому что только после октября получило осуществление то, о чем деревня мечтала тотчас же после февраля-марта, ибо вскоре после февральской революции пела она:

*) Одно из этих воззваний полностью приведено в очерке тов. В. Докукина.

**) Набросок вступления к мемуарам найден был при убитых Антоновых. Он полностью процитирован в статье тов. Г. Якубовского „Палаческая лирика" в № 166 „Тамбовской Правды" от 12 июля 1922 года.

***) Цитируемые в настоящей статье частушки сообщены редакции „Тамб. Правды" т. т. Вяч. Афанасьевым (Тамбов. уезд.), И. Кудиновым (тоже), Ив. Ступниковым (Мало-Талинская вол. Тамб. у), И. Чижко (Токаревский район, Тамб. у.) и др.

То не зорька встает красна
И не солнышко то светит,—
То встает народ согласно
И в начальство ловко метит.

„В начальство“,—к власти рабочих и крестьян дорога открылась только после октябрь.

Хвалебную песнь Октябрю в первый период октябрьской революции подтягивали даже кулаки. Однако, началось классовое расслоение деревни. Бедняк заявил о своих правах и получил поддержку от руководящей партии. „Октябрик“ стал кулаку поперек горла и кулак,—столь родственный, столь любимый п. с.-р. зачастую сам „член п. с.-р.“, выявил в частушке свое истинное заповедное нутро:

Раньше жили не тужили
И ерманцев славно били,
А пришли большевики
Нет ни пищи, ни войны.
Будет лучше пусть война,—
За то брюха хоть сыта!

В этой частушке—все „кредо“ эсеровского „фундамента“. Беднота,—молодежь бедняцкая отвечала на это:

Ах вы старые хрычи,
Что шипите как сычи.
Вылезайте ка из нор
Мы увидим—что за сор.

И еще решительней,—угрожающе:

Без царя, без государя
На свободе мы живем,—
Всех буржуев переколем,
Всех буржуев перебьем.
Надо резать перерезать
Толстопузых попов,—
Они ходят по приходу
Обирают бедняков

Продразверстка, новые и новые мобилизации дали много козырей в руки кулачества. Часть деревни, сочувствующая октябрю, но не разбирающаяся в актах революционной необходимости была в значительной мере подавлена этими козырями. Ей уже нечем ответить на запев кулака:

Ой досада, ой досада!
Солдат мучит мужика,
А еще берет, досада,—
По три пуда с едока!

Дезертирство множится и поет:

Дезентиром я родился,
Дезентиром и помру,

Расстреляй меня на месте
В красну армью не пойду.
К нам приехал комиссар
Два красноармейца.
Все равно мы не пойдем—
На нас не надейся!

Партия „социалистов-революционеров“ и ее опора—кулачество решают использовать дезертирскую массу,—озверевших по лесам, мучимых угрызением совести и страхом людей—в своих политических целях. В их среду бросается клич:

Дезертиры в ряды стройся,
Красной армии не бойся,
Заряжайте пистолеты,
Разбивать идем советы.

Организация банд идет успешно. Накануне сигнала к восстанию бандиты запевают:

Пароход пристает
Ближе к пристани.
Будем рыбу кормить
Коммунистами..
Светит месяц и луна,—
Разбегайся, коммуна!

„Коммуна“, застигнутая врасплох, в первое время действительно разбегается. Торжествуют эсеро-бандиты:

На Корневку наступили
Красные неприятели,
Да зеленые ероп
Их назад попятили

Одурманенные первым успехом, осенью 1920 г. поют эсеро-бандиты и им сочувствующие:

Картошки цветут,—
Осыпаются.
Комунки бегут—
Спотыкаются.
Пулеметы затрещали,—
Сам Антошка на бою.
Коммунисты запищали:
„Наша власть на краю“.

Банды растут, формируются в „партизантскую армию“. Они —отчаянны, неуловимы. Деревенская девушка еще не знает, какую беду „накликают“ она на родную деревню,—поет она:

На боку зеленый бант,—
Мой Матаня—партизант.

В этом же роде девушка определенно из кулацкой семьи имеющая понятие о „висанте“,—поет:

На столе стоит бутылка,
А в бутылке—ввсант.
Ах, подружки, кака радость,—
Мой миленок—партизан!

Но вот, частушка превосходно схватывает сущность антоновского мятежа, угадывает единственную цель вожака:

Пулеметы затрещали,
Александр кричит „ура
По колена в крови стану.
Штобы власть была моя“!

Эта кровавая сущность и цель становятся все ясней и ясней. Наступает перелом. Вслед за красноармейцем, деревня сперва перефразирует частушки в выгодном для коммунистов, свете:

Картошки копят—
Рассыпаются.
Партизанты бегут
Разбегаются.

Влюбленного бандита сперва предостерегают:

Партизант молодой,—
Зачем женишься?
А красные придут,—
Куды денешься?

Потом уже издеваются над ним:

Бандит молодой,—
Дали ему плетку,
Сопли—слюни распустил,—
Едет на развэтку.
Партизант молодой,
В ж... раненый,
На базаре пискульнул
Репой пареной.

„Репой пареной“—репой кровавой, отравленной выявляется перед деревней исход антоновской авантюры. За красноармейцами и с красноармейцами-зовет деревня тушить „антонов огонь“:

Товарищи по коням,—
Едем на Горелово,—
Там бандиты наступают,
Зарубают пленнова.

В период окончательной ликвидации бандитизма нередко наблюдались случаи самоубийства бандитов-одиночек, как уже настигнутых, так и скрывающихся, но живших под мучительным страхом ежеминутного разоблачения. Деревня отозвалась на это, подхватила частушку:

Как у нас у ворот,
У самой калиточки,

Удавился бандит
На суровой ниточке.

Наконец, бывший командир антоновского особого полка и деятельный участник последней облавы на него—Санфиров помянул частушкой и самого вожака:

Как у Шурки, у бандита
Вся головушка разбита. *)

На убийство Антонова и окончательную ликвидацию бандитизма отозвалась тамбовская деревня так:

Рожь поспела—
Покосили.
Всех бандитов—
Подушили...

Ободренная урожаем 1922 г., который не вытоптали бандитские кони, вполне приспособившаяся к продналогу,—ободрившаяся воспрянувшая духом тамбовская деревня запевает теперь иные песни, иные частушки, чем те, которые затягивали для нее кулаки, те, которые родились в кровавом дурмане антоновщины.

Приведем наиболее характерные из этих новых деревенских частушек, свидетельствующих о колоссальном сдвиге, произошедшем в нашей деревне всего за год, два.

Иные интересы иные влеченья даже у наиболее отсталой—деревенской девушки:

Зайди, Дуня,
Кликни Мишку,
Пойдем вместе
Читать книжку.

Воскресенье подошло,—
Не пойду молиться,—
Етто времячко прошло,—
А пойду учиться.

У Петрухиных ворот
Висит об'явление:
Собирайтесь девки бабы—
В Комсомоле чтение.

Запишуся в Комсомол,
Поделюсь заботою,
Обучуся грамоте—
Сама поработаю.

В ином ее гордость:

Твой миленок—гармонист,—
Хорошо играет.
А мой Ваня-коммунист,—
Дела разрешает.

*) См. последнюю страницу воспоминаний тов. М Поклюхина.

Она советует подружке:

> Не ходи, Матренушка, к попу,—
> Мы теперь не дети.
> А влюбилася в кого—
> Распишись в совете.
>
> Мой миленок шлет заветы:
> «Читай Машенька, газеты»—

и стремясь к выполнению этих „заветов" тамбовская деревня навсегда отрешается от прошлого, от недавнего, навязанного ей кровового бунта, тяжкого кошмара не причинившего и не способного причинить ей ничего кроме величайшего зла. „Герои", вожаки этого бунта,—сам Антонов,—маньяк, воспаливший свой смертоносный „антонов огонь"—не найдут почетного места в ее песне. Проклятье теперь, и потом—забвенье,—вот их „жалкий жребий".

ВОСПОМИНАНИЯ.

М. ПОКОЛЮХИН.

По следам Антонова.

(Из записок чекиста).

I.

Главарь тамбовского эсеро-бандитизма—Александр Степанович Антонов родился в селе Пежавино Кирсановского уезда, Тамбовской губернии. Учился он в уездном училище. Окончить его он не мог, по неизвестным для нас причинам. В 1905 г. Александр Степанович вошел в партию эсеров и состоял сперва в Тамбовской, а затем в Саратовской организации. С 1907 г. он состоял в дружине „террористов экспроприаторов", (видимо это было ему особенно по душе). Занимаясь террором и экспроприацией, Антонов не все делал для партии, но не забывал и себя. Об этом сообщают его близкие бывшие друзья по партии. Будучи в подпольи еще в царские времена, он вел работу полуразбойничью. Приблизительно в 1909 г. Антонов со своей компанией экспроприирует какого-то буржуя в Саратове и в этой истории „засыпается". Его арестовывают и ссылают. Где был и что делал Антонов до Февральской революции 1917 г., мне неизвестно, но вскоре после нее, он появляется опять на тамбовском горизонте. Сперва он поступает в Тамбовскую городскую милицию *), а затем его назначают начальником Кирсановской уммилиции, где он и провел последние дни своего послереволюционного легального существования. Антонов продолжает оставаться начальником уммилиции и при Советвласти. Некоторым могло казаться, что он „честно" выполняет свои обязанности: так, напр., он с успехом обезоруживал проходящие чехо-словацкие эшелоны, умело расправлялся и с мужиками.

Помню один характерный случай. В моем родном селе (Нижние Пески, Васильевской волости, Кирсановского уезда) крестьяне выгнали свою барыню помещицу М. П. Олив и не дали ей ничего, даже из движимого домашнего обихода.

---

*) Помощником начальника милиции 2-ой части, по сообщению тов. Зверяева. *Ред.*

— Мы тут всю жизнь свою трудились, мы и будем всем пользоваться,—говорили наши мужики.

Обиженная барыня обратилась тогда к кирсановскому комиссару временного правительства Баженову (правый эсер друг Антонова) *). Дело это было в конце 1917 г., уже после октябрьской революции, но власть в Тамб. губ. еще оставалась в руках эсеров. Баженов поручил начмилиции Антонову „одернуть“ песковских мужиков и защитить „свободу личности“ барыни Олив. Приказание было исполнено,—в Пески прислали отряд милиции. Сперва мужики и местные большевики, пришедшие с фронта хотели было воспрепятствовать милиции—выступить в защиту барыни,—для этого было приготовлено даже несколько винтовок, но дело не взялось, антоновцы пересилили и заставили мужиков на собственных же лошадях отвезти барыне в Кирсанов нужную ей обстановку. Подобных случаев „ревностного“ отношения Антонова к службе—немало.

Антонов, конечно, и не думал работать на пользу Советвласти, хотя и оставался у нее на службе. Учитывая момент—отсутствия твердой власти и действуя, возможно, по директивам своего партийного центра, он использовал свое служебное положение в целях подготовки почвы для будущей своей „деятельности“, центральным районом которой он выбрал место своего рождения—Инжавинский район.

Районными начальниками милиции Антонов посадил сюда „своих людей“—Лощилина и Заева и др. Сюда же он сплавлял и разное оружие, которое имел в своем распоряжении без учета и с успехом отбирал у проходивших чехо-словацких эшелонов. Находясь в „служебных разъездах“ по этому району, Антонов организовывает из кулацкого элемента свою секретную связь.

Так дело продолжалось до лета 1918 года, пока кирсановские большевики не обратили внимания на преступную деятельность Заева, Лощилина и др. Их арестовывают. Антонов, почуяв, что и ему не сдобровать, под благовидным предлогом—отпуска уезжает из Кирсанова неизвестно куда**). Нить расследования по делу Заева и др. ведет к Антонову. Его ждут из отпуска, но его увы, нет. Заева, Лощилина и др. расстреливают, а Антонов больше не является.

Летом 1918 г. Антонов все время скрывается в южной части Кирсановского уезда и местностях, граничащих с ним—Тамбовского и Борисоглебского уездов. Излюбленные его убежища до восстания 1920 г.—села: Паревка, Иноковка, Рамза, Вязля,

*) По его настоянию Антонов был переведен из Тамбова в Кирсанов. *Ред.*

**) По другим данным Антонов получил отпуск до ареста Лощилина и Заева. См. в сборнике более подробное и точное освещение этого момента в воспоминаниях тов. Меньшова. *Ред.*

Карай-Салтыки, Калугино, Курдюки, Трескино, Золотовка, Инжавино, Красивка, Чернавка, Перевоз и др. Кирсановского уезда. Хотя Антонов и не был особенно дальновидным (дальше своего Инжавина не шел и что делается вокруг,—думать не хотел) тем не менее, он сложа руки сидеть не любил Кулацкий мятеж осенью 1918 г., в районе сел Рудовка Вышенка Глуховка,—в северной части Кирсановского уезда и в граничащих с ним,—селах Моршанского и Тамбовского уездов, по довольно веским данным возник не без участия (может быть даже и не без руководства) Антонова. По ликвидации этого мятежа Антонов опять перебирается поближе к Инжавину и занимается организацией боевой дружины для узко террористических и экспроприационных целей. Это ему скоро и вполне удается.

Зиму конца 1918 г. и начала 1919 г. Антонов просидел на кулацких хуторах Инжавинского района, а весной 1919 г. ушел в леса по реке Вороне, где и сгруппировал вокруг себя уголовный элемент. Мы отнюдь не можем допустить и мысли о том, что скитаясь по лесам, болотам и ущельям, Антонов питался „диким медом и акридами“. Его широкая связь с кулаками, его „рыцарские“ эксы, всегда сопровождаемые человеческими жертвами, давали ему возможность быть сытым, пьяным и „нос иметь в табаке“...

Надо заметить, что Антонову „везло“ до самой смерти. Он быстро находит себе сотоварищей, которые и становятся его приближенными, первыми сподвижниками и помощниками. Такими явились: Токмаков Петр, крестьянин села Иноковки, Кирсановского уезда, уголовник-конокрад, безграмотный, злостный дезертир; Ишин Иван Егорович, эсер из села Калугино, Кирсановского уезда тоже „экспроприатор“. В 1905—07 г. был сослан в Сибирь, где, будучи казначеем эсеровской организации, обворовал ее и, уехав на родину, открыл молочную лавочку. Стал крупным сельским кулаком торговцем, а когда Советвласть стала его „урезать“ и обложила контрибуцией,—он скрылся Крупным сообщником Антонова являлся и его брат—Дмитрий,—тоже эсер. Словом, компания была подобрана „к масти“. Человек пять из уголовно-дезертирского элемента дополнили ее.

II.

Летом 1919 г. Антонов уже имел свою „боевую дружину“, человек в 10-15. „Дружина“ действовала когда за одно, а когда и порознь. Только Токмаков всегда был при Антонове. Его он больше всех любил и ему больше всех верил К остальным „своим людям“ он относился весьма натянуто и держал их в ежовых рукавицах....

Наплыв дезертиров в лесах Инжавинск. района увеличивался Этим то и воспользовался Антонов. Летом 1919 г. ему удалось

собрать всех дезертиров, часть их вооружить и поднять бунт. В это время на нашу губернию делает налет белогвардейский генерал Мамонтов и Антонов проявляет определенное намерение — соединиться с ним. *) Эта затея не удается. Собранных Антоновым дезертиров наши отряды разгоняют, а сам он с своей „бражкой“ опять уходит в лес...

Теперь Антонов переходит к более кропотливой организационной работе среди кулацкого населения. План его приблизительно таков: кулачество окажет ему и его людям материальную поддержку, будет укрывать от преследования Советвласти, дезертиры станут его «партизанами». Возникал вопрос, как удержать этих дезертиров, чтобы их не переловили и не послали опять на фронт. Для этого он решает использовать советский-же аппарат, куда он вольет „своих людей“. Сам же, с своей «боевой дружиной» будет постепенно обессиливать Советскую власть, путем террора ее представителей, а главное коммунистов, без которых и советы были бы во вкусе эсеров. По такой канве желал Антонов вышивать рисунок своей диктатуры...

Неустойчивый элемент бежал из армии. Явившись домой, к себе в Тамбовскую губернию, этот элемент должен был скрываться от власти, жить на нелегальном положении. Кулачество всемерно поддерживало дезертиров и через «своих людей» в советах, содействовало им. Антонов вербовал этих дезертиров в себе в будущую свою «партизанскую» армию. Кулачество по диктовку Антонова прятало хлеб, который в конце концов сгнил в земле. Советвласть была вынуждена применять репрессии по отношению к тем, кто не сдавал хлеба. Антонов с своей дружиной устраивал „эксы“, из-за угла убивал коммунистов и даже беспартийных сочувствующих нам.

Осенью 1919 года пал от бандитской пули председатель Тамбовского Губисполкома тов. М. Д. Чичканов. Вслед за ним — уполномоченный ВЧК тов. Шехтер и много других видных работников. Десятками и сотнями можно исчислить жертвы антоновского единоличного террора. Истреблялись лучшие силы нашей партии в уезде. Нужно также принять во внимание, что лучшие коммунисты и беспартийные уходили на фронт и в центр. Остававшиеся деревенские коммунисты зачастую погрязали в обывательщине и забывали свой долг перед революцией. Таких рука Антонова щадила — они служили его агитации, ибо всякий, кто дискредитировал Советвласть и подрывал авторитет нашей партии, работал на руку Антонову, восстанавливая против Советвласти крестьянство.

---

*) Подробнее о попытках Антонова к установлению связи с мамонтовцами, — смотрите в очерке тов. До[illegible]укина, стр. 21 Ред.

В конце 1919 года на убийство т.т. Чичканова, Шехтера и других Советвласть ответила Антонову активными мероприятиями к ликвидации его шайки. В район, где скрывался и действовал Антонов, была послана из Тамбова выездная сессия Губчека, в составе т.т. Мослакова, Сачко, Кочукова Рамошат, Кирьянова, Ракуц и других товарищей, действительно беззаветно преданных делу революции. Они порвали тогда уже сплетенную Антоновым кровавую сеть, разбили и почти уничтожили его «боевую дружину». Лишь самого Антонова с братом, Ишина и Токмакова тов. Мослакову взять не удалось. Хитрость Антонова и покровительство ему со стороны кулачества—спасло его. Вообще нельзя отказать Антонову в твердости характера, находчивости, умении ориентироваться и большой храбрости. Все это давало ему возможность не раз уходить из наших рук....

Много трудов положила выездная сессия Губчека. В ответ на террор политического авантюриста, убившего не мало наших дорогих товарищей, было расстреляно и сослано в концлагери не мало кулацкого, явно контр-революционного элемента, имевшего документально доказанную связь с Антоновым. Этого требовали интересы революции и мы это выполняли. Увидев жестокую расправу со своей шайкой, Антонов сделал попытку заговорить с Советвластью, предложить ей «свои услуги», очистить себя от прежних „грехов". В феврале 1920 г. он прислал на имя Кирсановской Умилиции (с Чекой он говорить, повидимому, не хотел) письмо, в котором оправдывал себя, убеждал не считать его бандитом, а лишь «партийным противником», заявлял, что он сам готов «бороться» с бандитизмом и т. д. и если—дескать—Советвласть хочет его, Антонова, иметь в своих рядах, то пусть опубликует в прессе о неприкосновенности его личности и т. п. и тогда—дескать—он явится.

Разумеется, не к лицу было Советской власти говорить с каким то разбойником бандитом, щадить его—убийцу ценнейших товарищей коммунистов,—тем более, что особо серьезного значения Антонову, после того как была изрядно потрепана его организация и разгромлена «боевая дружина,» в то время не придавалось. В марте 1920 г. выездная сессия Губчека была отозвана.

III.

Продкомпания в 1920 г. была закончена к весне, с применением частых и, подчас, жестоких репрессий, на которые тогдашний губпродкомиссар—тов. Гольдин не скупился. Дезертирство же в нашей губернии к весне 1920 г. дошло до неимоверно большого размера, причем дезертиры прятались поблизко к своему дому.

При помощи «своих людей», Антонову удавалось определять их на „оборону", т. е. на разработку торфа, дров и проч. работы, дающие право на освобождение от мобилизации. Реальная сила

«партизанской армии» таким образом, росла и формировалась. Все дезертиры были обязаны Антонову и, в нужный для него момент, должны были идти туда, куда он их потребует.

Антонов готовился на сей раз не на шутку. Он позаботился не только о реальной вооруженной силе, но и о своих «отделах гражданского управления»—о снабжении фуражем, продовольствием, конским и людским пополнением. Им были созданы подпольные комитеты так называемого «союза трудового крестьянства» (СТК), которые ему служили и информационными пунктами.

В острый момент борьбы с Врангелем и Польшей, Антонов готовил нож в спину рабоче-крестьянской власти, причем, говоря об Антонове, мы имеем в виду и всех его соратников по партии, прямо или косвенно имевших с ним связь...

Летом 1920 года Антонов опять скрывался в лесу того же Инжавинского района и вновь группировал вокруг себя отборных злостных дезертиров и уголовников, которым на пощаду со стороны Советвласти в то время рассчитывать было нельзя.

В конце июля 1920 г. в районе села Каменки Тамбовского уезда, во время ловли дезертиров произошло первое столкновение нашего отряда с бандитской шайкой. В результате неожиданного нападения, наш отряд потерпел неудачу. Почувствовав серьезность создавшегося положения, Губчека послала в Каменский район более сильный отряд из баталиона войск ВНУС, во главе с комбатом т. Рапошат и чекистами—т.т. Шаровым, Нестеренко и Адамовым.

В'езжает отряд в село,—все тихо, спокойно. Вдруг—свист, гам, выскакивают два-три десятка верховых вооруженных и с наглой дикостью нападают. Конечно, в результате таких неожиданных нападений, бандиты в большинстве случаев имели успех.

Первой жертвой из нашей чекистской семьи, в начале эсеро-бандитского движения 1920 года, пал молодой коммунист—Пол. Уполномоч. Губчека тов. Адамов Евгений. Молодой человек, полный жизни и отваги, неустрашимый на операциях, он был взят бандитами в плен живым и, после зверских пыток, казнен. С этого момента события быстро развивались.

В течение недели вся южная и юго-западная часть Кирсановского уезда, северо-западная Борисоглебского, южные и юго-восточные волости Тамбовского были охвачены стихийным движением, направленным к свержению Советвласти. Надо признаться откровенно, что мы, чекисты были захвачены врасплох, не говоря уже об остальных членах нашей партии. Губернский Комитет партии бросил боевой клич:

— „На ликвидацию мятежа“!

В Тамбове создается военный совет в составе: Губвоенкома Г. М. Шикарева, Врид. ПредГубчека т. Тарасковича и Комбрига ВНУС т. Благонадеждина. На места (Рассказово, Самиур) высы-

даются военные штабы, выездные сессии Губчека и Реввоентрибунала. Двинуты отряды, брошены лучшие партийные силы. Все разом было поставлено на военную ногу.

Помню, будучи в Рассказове, я получаю простую телефонограмму, извещающую, что постановлением Губкома Р. К. П., Губисполкома и Губчека для более успешной борьбы с бандитизмом и суровой революционной расправы над руководителями и участниками его, создаются выездные сессии Губчека с присвоением им прав коллегии Губчека. Первая—в районе Рассказово-Инжавино в составе Ивана Захаровича Кирьянова (коммунист рабочий) Алексея Евлова (коммунист-рабочий) и Михаила Поколюхина (пишущего эти строки); вторая—в районе Сампур-Жердевка, в составе Суворова, Жирова и Летуновского (все чекисты, члены РКП), которым приказывается приступить к работе.

Приезжают т. т. Кирьянов, Евлов и приступаем к работе. Быстро были созданы разведывательно-оперативный и следственный аппараты. Уж на второй, третий день мы разбираем дела и судим виновленных организаторов и вооруженных участников бандитского движения.

В это время в Рассказове стоял военный штаб во главе с быв. председателем Тамбовского Уисполкома тов. Я. Л. Смоленским и кавалерийский милиционный эскадрон под командой тов. Морозова (впоследствии погибшей в боях) и его помощника т. Шевякова. На второй день этот эскадрон делает налет на село Верхнее Спасское, где захватывает целую толпу участников движения с холодным оружием

IV.

Сотнями показаний участников движения мы устанавливаем приблизительную картину его возникновения:

Мирное село. Идет ржаная уборка. Народ весь занят. Слышно, что где то, верст за двадцать-тридцать „что-то случилось". Убиты продволисполкома, секретарь, несколько коммунистов, раз'оружен отряд красноармейцев.

„Идет какой то Антонов",—разговаривают за работой мужички.

Вдруг—звон колоколов, набат, суета. На улице—два три неизвестных вооруженных всадника выгоняют народ на собрание.

— „Опять-либо яйца, либо масло",—догадываются крестьяне.

— „Нет, паря,—дело не в яйцах и не в масле,—солдаты-то ни на кого не похожи. Не то милиция, не то—красноармейцы, а один, вон, даже без седла, на подушке,—да и к чему набат?"

Наконец, собираются, заходят друг за другом.

— „Идти так всем! Чем же ты счастливее"?.

Итак, механически, иной раз против своей воли, не зная в чем дело, идут мужички, оставив цепы на токах.

— „Что то не ладно",—пророчит один.

— „Ничаво, сичас узнаем“—успокаивает другой.

Приходят. Народ весь в сборе.

В трех-четырех вооруженных всадниках узнают вчерашних дезертиров,—ныне антоновских „партизантов“. Властно, грубо, бесцеремонно об'являют они, что Советвласть свергнута, коммунисты „недействительны“.

— „Мы, антоновцы, теперь власть“!

Уже организованных подпольников, о которых мы говорили выше, они выкликивают по бумажке и об'являют их „членами штаба восставших крестьян“. Как и полагается, бандитские диктаторы „голосуют“.

— „Кто за утверждение штаба в составе, предложенном нами“?

Гробовое молчанье. Ни одна рука не поднялась.

— „Кто против!?“—свирепо кричит бандит.

Опять молчанье.

— „Значит—возражений нет“, —замечает другой бандит— „считать штаб избранным, село присоединенным к восстанию“!.

Секретарь штаба,—тоже из своих „подпольников“,— иной раз из „деревенской интеллигенции“ строчит резолюцию, в которой говорится:

„Долой вампиров коммунистов, долой советы, да здравствует учредительное собрание! Все в ряды партизанской армии Антонова!“

Оглашают резолюцию. Опять—молчание, смущение, непонимание случившегося царит в многочисленной массе.

— „Возражений нет! Считать резолюцию принятой“.— Все стоят, как окаменелые. Лишь изредка кто нибудь переступит с ноги на ногу, да почешет затылок. Никто не осмеливается уходить, интересуясь, что будет дальше.

— „Ну, расходись, а штаб остаться“, —об'являют бандиты.

Толпа расходится. Мужики усиленно обсуждают случившееся.

— „Что бишь такое? Неужели коммунистов теперь не будет?!“.

— „Нам то пожалуй, все равно,—кто бы не был,—хоть черт, лишь бы нас не трогали.“ —

— „Нет, старики, нам не сдобровать через эту шпану“ — вставляет красноармеец, только что пришедший с фронта по болезни.

— „Видно отсюда нужно удирать по добру по-здорову, а то придется с Вами вместе расплачиваться перед своими-же товарищами“—заключает отпускной красноармеец.

Крестьяне долго толкуют, всяк рассуждает по своему и, в результате, начинают уже опасаться друг друга.

— „А ну ка в штаб в этот донесут,—пропадешь за не понюх табаку!“

Все разошлись по домам и вновь, но уже с тяжелыми опасениями за будущее, неохотно принялись мужички за работу.

Красноармеец, придя домой, собрал свою котомку, прощался с семьей, предупреждал своих товарищей—других отпускных красноармейцев и местных коммунистов в—тягу в город. Некоторые из предупрежденных брали оружие и шли в город, а другие оставались дома, думая—„авось ничего не случится..“

Штаб же в составе трех, а иногда и пяти человек, в присутствии приехавших бандитов организаторов заседал в избе известного кулака или попа.

Каждый председатель комитета СТК или, как их первоначально называли —„начальник штаба“ назначался обыкновенно самим Антоновым. Он помнил, кто у него есть в таком то селе из „надежных“.

Старший из бандитов об'являл волю Александра Степановича“ и указав назначаемого начальником штаба „Начштаба“, говорил:

— „Первым долгом нужно собрать всех коммунистов, советчиков, милиционеров, агентов разных и прочих кровопийцев... а там—видно будет.“

Приезжие бандиты помогают штабу ловить названных лиц. У штаба сразу является семь-десять винтовок-отрезов. Вооружаются сами и пять шесть злостных дезертиров. Арестовываются представители Советвласти, члены коммунистической партии и сочувствующие им. Запираются в амбар. Дальнейших „директив“ у штаба—еще нет.

Село заговорило, засуетилось, всяк боится за себя. Все говорят, все напряженно думают, друг друга опасаются и стараются меньше показываться. Но понять,—что случилось,—никто не может.

Лишь „высшее общество“ деревни—поп, кулак бывший урядник, а, подчас, и учитель, учитывало и понимало, к чему все это клонится и ехидно улыбаясь, соблюдало „нейтралитет“*),—лишь косвенно через посредников нашептывая штабу, что следовало бы предпринять.

К вечеру опять всех собирают набатом. Штабники и так называемая „охрана“—вооруженные дезертиры—выгоняют поголовно всех. За невыход грозит опасность попасть в амбар, а оттуда—неизвестно куда.

Опять все в сборе. На этот раз мужички узнают, что приехал „сам Антонов.“ Тридцать—сорок всадников, на лучших совхозских лошадях. Повозки, запряженные парами, тройками и пу

*) Не везде так случалось. Иногда попы и сельские учителя активно и открыто помогали бандитам. Подобные случаи упоминаются в других статьях и воспоминаниях, печатаемых в настоящем сборнике. Ред.

лемет. Сам Антонов на митингах и собраниях никогда почти не выступал,—не для слов он был создан,—казалось и приказания то он отдавал молча. Для „разговоров“ у него были специальные люди, которые только и имели одно назначение—говорить.

Одним из таких был Ишин Иван Егорович. Это, надо признаться, был знаменитый деревенский говорун Он мог говорить целыми днями, как заведенная машина, врать без границ и приличия Он то и начинал ораторствовать среди собравшейся мужицкой массы. Много он говорил о „врагах народа—коммунистах“ о их „приспешниках—беспартийных, сидящих в Советах, о милиции, о красных офицерах и даже о красноармейцах, иногда покрывая бранью целые села, которые не пошли на подмогу „восставшему народу и его друзьям“ У этого знаменитого оратора всегда выходило так что все являлись „врагами народа“, за исключением его с Антоновым, да еще их дезертиров и бандитов.

По окончании речи, Ишиным опять выносилось „решение“ о присоединении к восставшим, о свержении Советвласти и коммунистов, о том, что вся власть переходит в руки восставших и их „представителя“—Антонова—с его штабами и местными охранами

После этого штаб назначал „десятских“ из наиболее надежных на их взгляд людей, которых и об'являл здесь на собрании. Назначенные десятские в свою очередь назначали крестьян „в подводы“, на посты вокруг села, на наблюдательные пункты и т. д. Село принимало вид военного лагеря. Около штаба стоял пулемет и десять-пятнадцать всадников. Вокруг села по окраинам стояли караулы из мужичков с вилами, кольями и пр. На мельнице и колокольне сидел наблюдатель, чтобы врасплох не налетела „краснота“ (так Антонов называл красных). Дрожащими руками крестьяне брали оружие (преимущественно—вилы) и шли по указанию начальника штаба. Кто пытался возразить или, еще хуже,—отказаться, об'являлся „врагом народа“ и сажался в амбар.

Антонов, устами Ишина, приказывал для демонстрации „терроризовать“ всех „врагов народа“, попавших в руки „восставших“. Из амбара выводили коммунистов, комсомольцев, милиционера, агента Упродкома, инструктора Наробраза, советского агронома, крестьянина, отказавшегося итти на пост, их семьи и т. д. Более видных деятелей Советвласти казнили на глазах у народа. Гнусное издевательство, надругательство, наконец, зверская расправа чинились над ними бандитами. Остальную часть арестованных отводили в яругу или лощину и зарубали... После этого, по заключению „представителей восставших“, село об'являлось „очищенным от советской и коммунистической заразы“.

Устный приказ был отдан Антоновым своему штабу:

— „Всех, кто словом или делом будет мешать нам,—в яругу и башку долой. Семьям дезертиров приказать, чтобы ихи ребята явились домой, а штаб должен прислать их ко мне. В село никого не впускать, а то коммунисты будут шпионить. Установить свои пропуск, а чужих—задерживать. Подозрительных без всяких рассуждений в яругу.. Если придет малый отряд красноты,—обезоружить и в яругу. Если сильный отряд явится, —попрятаться и донести мне. А в случае, кто будет выдавать красным наших,—беспощадно рубить. Оставшееся имущество семей врагов народа—конфискуется" и т. д.,- ряд подобных „напутственных" директив. Переночевали бандиты в селе, а на утро собирают опять все село, но уже с „оружием",- с вилами, топорами, кольями и проч. и вместе с антоновским головным отрядом ведут в соседнее село. Зачем? Этого никто не знал и спрашивать не пытались. Шли молча, угрюмо, медленно, но грозно (с внешней стороны).

По приходе в соседнее село или волость проделывалось тоже, что накануне в другом селе. Так происходило почти повсеместно с тою лишь разницей, что в иных местах являлся не сам Антонов, а его „полномочные представители" — Богуславские, Плужниковы, Матюхины и проч.

Туда, где не было еще у Антонова подпольных ячеек СТК, т. е. подготовленных штабников, он не шел, а если и приходилось идти—он предлагал самому общему собранию выбрать „штаб". Но этот выбранный крестьянами штаб, оказывался „неработоспособным",—при первой возможности разбегался и являлся к красным.

V.

Раз'езжая с отрядом, мне приходилось наталкиваться на массовые шествия, о которых я только что говорил. До трех пяти тысяч доходили такие толпы и с внешней стороны они действительно создавали впечатление „стихийного массового восстания" грозной силы взбунтовавшегося тамбовского крестьянства. Набегом эскадрона эти толпы рассеивались и от захваченных пленных мы подробно выясняли настроение этой массы восставших.

Всякий, имеющий здравый рассудок, понимал отлично, что это за движение, как оно организовано и кто виновник его. К сожалению нам, как и всем, иногда свойственно было ошибаться в оценке событий и многие из нас рассматривали это движение, как действительно массовое сознательное крестьянское восстание. А потому и направляли наше оружие борьбы и кары прямо в гущу,—в тело этой движущей массы. Это была наша ошибка, которую мы должны признать, и она то, отчасти, затянула борьбу с бандитизмом в нашей губернии на целый год.

День изо дня бандитизм разбивался. Приходили все новые и новые печальные вести: вырезан совет, ячейка коммунистов, разоружена милиция, отряд и т. д. В Рассказово привезли шесть трупов товарищей милиционеров, зверски казненных бандитами в селе Нижне-Спасском. Шевелились волосы на голове при взгляде на этих несчастных жертв. Со всех сторон летели подобные сообщения. Жутко было слушать их. Кругом кошмар, ужас от антоновских художеств.

Штаб их вооружал все больше и больше дезертиров, бандитская орда росла, но „массовое" движение постепенно сходило на—нет. Обманутые антоновцами, втянутые в движение иной раз просто автоматически крестьяне попадали в тяжелое положение и часто становились жертвами и наших ударов.

Когда двигалась тысячная толпа крестьян, вооруженная чем попало, сзади и по середине был Антонов со своим отрядом, доходившим уже до ста-двести человек, сошгабниками, агитаторами и прочей „святой" на лучших лошадях, хорошо вооруженные. При появлении отряда красных Антонов рассыпал крестьян цепью и „принимал бой". Но при первом же нажиме красных, он со своей „бражкой"—утекал, оставляя расплачиваться за себя несчастных „вильников". Так бывало частенько.

Уведенные Антоновым верст за двадцать-тридцать от своего села, крестьяне зачастую уже не решались возвращаться домой, хотя бы из боязни быть арестованными и наказанными. Это также способствовало росту антоновской „партизанской силы". Толпа „восставших", как ширма постепенно становилась ему уже не нужна, а иногда даже обременительна.

После крупного разгрома антоновцев под селом Курдюки, Кирсановского уезда, он ушел со своим отрядом в Нижавинский лес, где привел в порядок потрепанные силы и отдал приказ Ишину—гнать от себя „вильников", говоря:

—„Если встретится надобность в этих „лаптежниках", то соберем их сколько хочешь!"

Сказано—сделано. На следующий день везде и всюду Ишин предлагает „восставшим массам" вернуться домой „для водворения порядка в тылу".

Восставший таким образом неделю или две крестьянин-вильник приходил к себе домой и представал в качестве обвиняемого перед революционным правосудием. Чтобы избежать этого, он вынужден скрываться или брать оружие и вступать в банду. Так, против своей воли, в силу созданных событиями условий, много тамбовских крестьян становились врагами Советской власти, врагами своих собственных интересов.

Бандитские штабы охраны (ВОХР) были в каждом селе. Если идет наш сильный отряд и бандиты не хотят сталкиваться с ним, то весь штаб и охрана прячутся по ямам, катухам и ри-

гам. Наш отряд не находит их. Крестьяне молчат, не выдают, потому, что красные—уйдут, придут бандиты и тогда „крышка". Крестьяне, боясь помогать нам, дрожа за свою шкуру, помогали бандитам.

Одним из ударных наших мероприятий явилось создание кавалерийской группы тов. Дмитриенко, в составе двух полков,—первый под командой тов. Перевезенцева и второй—тов Бриммер; эти полки и преследовали главное ядро Антонова. Несмотря на значительную нашу силу, брошенную на Антонова, мы успеха долго не имели.

Група тов. Дмитриенко подчас излишне увлекалась военными действиями, благодаря чему органы Чека не успевали очищать деревню от антоновской связи, и неизбежно, порой, информировали неверно и т. д. Одним из увлекающихся гонцов за Антоновым был т. Бриммер. Он не давал покоя Александру Степановичу. Он безостановочно гнался за его ордой, но настигнуть ее вполне удачно ему не приходилось,—кони нашей кавалерии были слабее и всегда отставали. Антонов кружился по своему району и мы кружились за ним. К концу 1920 г. Антонов делал значительные рейды, по 90—120 верст в сутки и мы тянулись тоже. От такого „танцевания" на одном месте противник наш креп, а мы слабели. С каждым днем все новые и новые дезертиры мобилизовались штабами и вливались в антоновскую банду. Все чаще Антонов пожинал военные лавры, доходил даже до того, что стал обезоруживать наши батальоны. Почуяв свою силу и громоздкость отрядов, он, в конце 1920 г., формирует армию с полками и бригадами. К началу 1921 года он имеет уже армию в 20 полков и одну отдельную бригаду.

VI

Успешно, как будто, шла работа врагов Советвласти. Из ничего казалось были созданы: Главный оперативный штаб, армия с командным и политическим составом и строгим дисциплинарным уставом, который карал провинившихся партизан только телесно: два-три десятка розг или расстрел.

Из созданных сверху „штабов" возникли комитеты СТК, с разными отделами и высшими инстанциями: Райкомы, Укомы и Губком СТК.

В Губком входили „батько"-Плужников Григорий Наумович—от Тамбовского уезда, Ишин Иван Егорович—от Кирсановского и Шамов от Борисоглебского уездов. Представители этого Губкома входили в Главоперштаб и, казалось, последний должен бы подчиняться Губкому СТК, как высшему исполнительному органу организованных крестьянских масс, но на самом деле Главоперштаб, имея начальником своим Антонова, являлся первой

властью. Все, что сказано Антоновым, являлось для всех законом, не требующим никаких иных санкций. Отсюда еще раз видно, что ни о какой „воле масс“ в антоновском движении и говорить не приходится

Самым разгаром бандитизма были январь—апрель 1921 года. В этот период движение стало иметь чрезвычайно серьезное значение, выходящее далеко за пределы губернии. Главный оперативный штаб антоновской армии наладил связь с эсеровскими центрами. По имеющимся документальным данным, число вооруженной силы антоновской армии в это время доходило до 20.000 при хорошем вооружении На 50% эта армия имела винтовки. шашки, револьверы, до двадцати штук пулеметов три четыре орудия. Большинство вооружилось за счет разоруженных красных частей. При наличии такого вооружения, на конях, имея на местах аппараты разведки и местного управления, которые пополняли ряды банды людским и конским составом фуражем и продовольствием, армия-Антонова становилась громадной угрозой.

В начале 1921 г. Антонов чувствуя что на него двинуты крупные военные силы, вновь находит необходимым прибегнуть к помощи „широких крестьянских масс“. Самым подлым обманом приступает он к исполнению этого плана. Агитационный аппарат Антонова пускает слух, что будто бы красные двинули дикие части своей армии,—китайцев, татар, латышей и буденовцев, которые расстреливают и рубят всех тамбовских мужиков без исключения. Крестьянская масса была этим не на шутку напугана, засуетилась, заволновалась и обратилась к бандитам:

—„Что же нам делать?“

—„Все с нами! Все в отступление! был клич бандитов“.

Бедное запуганное население откликнулось на это и ради спасения пошло в „отступление“ Куда?—об этом никто не хотел и думать,—лишь бы избежать смерти, которую пророчили Ишин и К°.

Трудно и представить себе развернувшуюся картину: мужики запрягают лошадей, берут с собой взрослых ребят (13—15 лет) и едут с бандой. Через два-три дня, тысячные толпы вновь скапливаются около Антонова. Чтобы случилось дальше и предсказать трудно, если бы сама масса не поняла бессмысленность этого предприятия Через пять, десять дней, при первом проезде своего села или близ его мужики начали возвращаться по домам. Но все же эта суматоха сыграла на руку Антонову. Перед нами опять создалась картина массового тяготения к Антонову возникли новые разногласия в оценке этого события и задержка в проведении военного плана.

Так наступал 1921 г. в нашей губернии.

Советская власть начала производить посильную демобилизацию Красной армии. Приходили демобилизованные красноармей-

цы домой в свою родную тамбовскую деревню, а здесь—война, гражданская междуусобица. Пришедших демобилизованных, комитеты СТК и местная ВОХРА собирали и принуждали вступать в бандитские полки Антонова. Отказывавшихся вели в яругу и рубили. Не мало фронтовиков красноармейцев, пришедших домой с облегченным сердцем, разбивших внешнего врага сделалось жертвой бандитизма.

Деревня с каждым днем становилась беднее, с каждым днем жуть окружающей обстановки становилась страшнее.

Советвласть, разбив внешнего врага, покончив с Кронштадтским мятежом, наконец решительно и быстро взялась за усмирение оголтелых дезертиров бандитов нашей губернии, бросив сюда крупные военные и партийные силы.

В феврале 1921 г. я был переброшен с бандитского фронта в северную часть нашей губернии. Что было на фронте борьбы с бандитизмом в последующий период подробно—я не знаю. Поэтому я вернусь несколько назад и вспомню отдельные эпизоды борьбы.

В конце 1920 г. Антонову удается захватить с. Инжавино Кирсановского уезда —торговый центр целого района. Там была вторая выездная сессия Губчека в составе т. т. Зеголя, Житенева, Горюнова, Вавилова и др. Все старые чекисты,—члены РКП. После ожесточенной упорной и довольно продолжительной борьбы. Антонов вырезал эту сессию целиком,—за исключением т. Вавилова, которому удалось спастись С необычайным героизмом отстреливались наши товарищи, но бандиты, разогнав малочисленный Инжавинский гарнизон лавой своих конниц, смяли полтора десятка стойких, выдержанных чекистов и порубили их. С великой печалью мы хоронили эти жертвы в Тамбове.

Вскоре после этого бандиты, налетев на с. Верхнее Спасское Тамбовского уезда, захватили отряд нашей Рассказовской выездной сессии Губчека, во главе с т. т. Серенок, Чудиным и третьим—фамилию которого не помню. Дело было ночью. Только одному сотруднику удалось бежать,—раздетому, босиком в крещенский мороз, за 7 верст к нам в Рассказово . Тов. Чудин и Серонок были захвачены в избе и решили за дорого отдать свою жизнь палачам. Долго отстреливались они, не подпуская к себе бандитов, но, наконец, последним удалось зажечь избу, и славные борцы за пролетарское дело,—чекисты Г. Г. Серенок и Чудин отдали свою жизнь на боевом посту сгорев живьем, а бандитам все-таки не сдались.

Прибыв с отрядом в Верхне-Спасское мы бандитов не застали,—они уже утекли. Изба, в которой окончили свою жизнь наши товарищи, вся обрушилась и нам много пришлось потрудиться, чтобы докопаться до трупов. Мы нашли обугленные

куски мяса, но видно было, что герои умирали с оружием в руках,—обгорелые металлические части оружия крепко прижарились к трупам. Мы похоронили их в Рассказове.

VII.

В июне 1921 года я вновь прибыл в Тамбов. За пятимесячное мое отсутствие положение района, охваченного бандитизмом, который значительно увеличился, захватив Кирсановский, Тамбовский, Козловский, Борисоглебский и Моршанский уезды нашей губернии, часть Балашовского и Сердобского Саратовской губ., и Чембарский Пензенской губернии, изменилось до неузнаваемости. Правильный метод партизанской борьбы, взятый т. Тухачевским (командарм Тамбовско-Воронежского фронта), постановка на должную высоту органов ВЧК т. Левиным (полн. представ. ВЧК), энергичное и умелое руководство всеми органами Советской губернии Полномочной Комиссией ВЦИК, создали хорошую почву для ликвидации бандитизма. Армия тов. Тухачевского разбила противника, оккупировала главные местности территориального произрастания бандитов и формирования их полков. Органы Чека своими щупальцами отыскивали противника, сообщали об этом командованию, и своим секретно-оперативным аппаратом вырывали каждый бандитизма. Полномочная ВЦИК, объявила добровольную явку всем участникам бандитского движения, гарантируя жизнь раскаявшимся и пришедшим с повинной.

Преследуемая нашими частями и не встречая больше поддержки среди крестьянства антоновская „армия" скоро начала расползаться. Бежали все—куда кто мог. Через некоторое время осталась лишь кучка бандитов, разбредшихся по разным закоулкам—оврагам, полям и лесам. Близкие, из родственных чувств еще жалевшие их, поддерживали с ними связь и информировали о ходе жизни в деревне. Мало по малу „вчерашние" эсеровские „рыцари", „авангарды восставшего народа", шли с повинной к Советской власти. Их прощали. Лишь видные главари банды получали заслуженное возмездие.

Мне пришлось поработать над „похоронами" нашего бандитизма.

С июля 1921 г., совместно с Предгубчека тов. Антоновым, я принял участие в проведении кампании добровольной явки бандитов в районе Кирсановского и части Тамбовского уездов.

К этому времени главное ядро банды было уже окончательно разбито и Антонов бросил свою „армию".

Его адъютант Старых Иван Александрович—учитель села Калугине, Кирсановского уезда, Востриков—командир 4-го Низовского полка, Слюняев Петр—командир эскадрона Особого полка—быв. коммунист—командир роты ЧОН в Рассказове, предательски перешедший в ряды банды и способствующий сдаче

села Рассказова бандитам, брат Антонова—Дмитрий и еще кое-кто, укрылись в излюбленном своем месте—в лесах и болотах в окрестностях сел Рамзы—Паревки Кирсановского уезда. Из всей „армии“ Антонова оставались лишь два больших осколка,—банда Матюхина Ивана Сергеевича с остатком разбитого 14 Хитровского полка, скрывавшаяся в районе Тамбовского леса, и банда Кузнецова Ивана Макаровича, состоявшая из разбитых Борисоглебских полков. Лишь эти два осколка представляли из себя более или менее серьезное значение. Остальные, мелкие шайки в 10—40 человек, таяли как снег, одна за другой шли с повинной.

Окончательная ликвидация шла быстрым темпом. Каждый бандит не только приносил с собой винтовку или другое вооружение, но и сам еще напрашивался оказать представителям органов Чека услуги по отысканию скрытого вооружения. Помню, сдавшийся нам бандит Курдюковской волости, Кирсановского уезда—Таманин, целую неделю искал спрятанный Антоновым пулемет в одном из колодцев дер. Шабловки. В конце концов нашел пулемет „Льюис“ и 13 запасных стволов к пулемету „Максим“.

Сдавались рядовые бандиты и выдавали своих главарей.

Помню,—едем из Тамбова в свой район,—я, предгубчека тов. Антонов, сотрудники Губчека т. т. Нейберг Павел, Боярский Николай и командир взвода кавалерии т. Котовского, фамилию которого забыл. Остановились в с. Никольском Кирсановского уезда, откуда нужно было ехать в Трескинскую волость того же уезда. Узнаем, что в с. Новгородовке, через которое нам предстояло проезжать находится 15 человек конных бандитов местной организации, во главе с Иваном Николаевичем Ситниковым. Переговоров с красными „они, пока что, вести не хотят“. Тов. Антонов решает ехать туда, будучи уверен, что ему удастся уговорить эту банду сдаться. Не доезжая с версту до села, видим мчится навстречу нам всадник. Останавливаемся, ждем. Под'езжает и спрашивает—кто мы. Мы ответили и спросили—кто он.

—„Рядовой Новгородской организации-партизант Яков Сысоев“,—ответил он и предупреждает:

—„Вам сюда ехать, товарищи, нельзя. Здесь стоим мы и наш организатор Ситников Иван приказал никого в село не впущать“.

Вступаем с ним в беседу, уверяем, что ничего плохого мы им не сделаем,—только проедем по селу, к тому же—нас пятеро, а их пятнадцать, мы вооружены лишь наганами и едем на мужицких подводах, а они—„кавалерия“. Сысоев закурил с нами, как будто бы свыкся в эти полчаса и решил поехать—доложить организатору Ситникову.

Ждем полчаса,—смотрим мчится опять. И весело об'являет:

—„Можно“!

Все вместе едем и ведем беседу. Закинули удочку насчет явки.—Сысоев сперва как-то избегал говорить об этом, а затем сказал:

—„Ребята то, пожалуй не прочь,—хоть чичас сдаваться, а вот—организатор-то Иван Миколав и говорить про это не велел. Известно дело,—им это не под шерсть. Нам то все равно“!..

Так рассуждал „партизант“, восставший против Советской власти.

—„Поедем с нами“—предложил ему тов. Антонов.

—„Нет, пока погодите. Если я чичас уеду, так семейство побеспокоит Иван Миколав. А вот сговоримся с ребятами, да тогда все и махнем сразу“.

В'езжаем в село Тов. Антонов заявляет, что остановимся покормить лошадей, а то устали.

—„Что-ж, можно“—соглашается Сысоев.

Остановились в одной каменной избе. Тов Антонов попросил Сысоева—передать организатору Ситникову, что мы хотим с ним говорить. Уезжает. Едет обратно, ведет одну заводную лошадь (т. е. без всадника) и передает, что Ситников и ребята хотят говорить с тов. Антоновым, просят его приехать к ним и—не беспокоиться.

Кто знает тов. Антонова, тот поймет, что не из таких он был, чтобы колебаться в таких случаях. Садится, едит. Мы напряженно ждем и внимательно прислушиваемся,—не щелкнет ли выстрел.

Через час, уже в сумерках возвращается тов. Антонов. Передает, что поговорил —ребята действительно не прочь,—только не хотят своим сельским сдаваться,—дескать „личные счета будут,—вот кабы губернской власти,—это понадежнее, лучше разберется“.

„Организатор“ же, видимо, вообще против сдачи, но говорит, потому что исполняет просьбу ребят.

Через несколько минут скачат двое,—Сысоев и Павлов Семен.

— „Как хотите, тов. Антонов, а мы решили ехать с вами. Только бумажку дайте, чтобы семейство не беспокоил Ревком.

Соглашаемся с условием, чтобы перетянуть всех ребят.

-- „Пускай Иван Николав остается один, если не хочет сдаваться“,—заявляет Павлов,—„а ребята все сдадутся,—я сейчас поеду к ним“,—и уезжает.

Через час по одному, по двое все перебежали к нам. Последним приехал сам Ситников. Узнав об этом, семь человек „конурщиков“ (пехоты) привалили без всяких переговоров и заявили:—„Что хотите, а мы с Вами“.

Так, в одну ночь сдалась нам вся „Новогородская организация“ в двадцать два человека.

VIII.

На утро мы выехали к своему эскадрону „Котовцев“ в Трескиневую волость. Там нас ожидала другая задача,—ликвидация банды „Грача“ численностью в 17 человек конных, хорошо вооруженных, оперировавших в районе Трескинской волости. Главарь—крестьянин этой местности Афанасий Евграфович Сямаков—кличка „Грач“—любимец самого Антонова и его ставленник,—председатель районного комитета СТК и начальник районной милиции. Строго держал ребят „Грач“,—крепко в руках. О явке—боже упаси заикнуться! Ребята, сидя с ним в трущобах и яругах, всего что происходит, конечно, не знали. Долго нам пришлось повозиться с „Грачем“ Его боялись, как огня и не выдавали. Уж весь район очищен от бандитов, более 200 чел. сдалось нам одиночками и малыми шайками по 5—8 ч. Возами отправляли оружие в Тамбов. Оставалась только банда „Грача“, из которой не сдался нам еще ни один и никак мы с ней не свяжемся.

Наконец тов. Антонов уезжает из района и приказывает мне:

— „Во что бы то ни стало „Грача“ взять“!

Целый месяц я, с десятком кавалеристов раз'езжал по району, создавая свою, параллельную „Грачу“ связь, расставляя сеть, в которую должен-же был наконец попасться „Грач“. После долгой работы мне удалось связь „Грача“ переманить на свою сторону. Один за другим, его ребята стали переходить ко мне. Перешло четверо, все земляки „Грача“—Зайцев Егор, Воронин Андрей, Куренков Василий и Ключков Михаил. Предлагаю выдать „Грача“. Соглашаются но боятся, как бы он не ушел, да не узнал о них, —тогда дело плохо. Успокаиваю их и они окончательно соглашаются.

Помню одну темную сентябрьскую ночь 1921 г., когда мне доносят, что „Грач“ с остатками своей шайки гуляет на хуторе „Катино“ верстах в 7 ми от моей стоянки. Посылаю туда 10 человек курсантов во главе с сотрудником Губчека тов. П. Цветковым,—даю задание/устроить засаду и ждать на рассвете меня с кавалеристами Мне самому сразу ехать было нельзя, т. к. получил из Тамбова срочное задание—нащупать банду Кузнецова, ушедшую как будто бы в мой район. Немного погодя мне доносят, что „Грач“ с 8 ми бандитами ушел,—удалось только убить его помощника Петра Гачина, да взять брошенные „трофеи“,—пуда два коровьего масла, более 2 х тыс. куриных яиц, около 8-ми пуд. ржи, три пары сапог и еще что то. Все это было взято „Грачем“ в соседней потребиловке. Выезжаю сам, делаю облаву, но безрезультатно.

На второй или третий день ночью является ко мне 2-й помощник „Грача“ и его земляк Алексей Куренков и предлагает выдать „Грача“. Жду день, два. Наконец, Куренков доносит, что

„Грач“ на одном хуторе у своей любовницы. На заре делаю налет и нахожу „Грача“ в риге, зарытым в солому. Кряжистый мужик, лет под 40,—быв. торговец с серыми хитрыми маленькими глазами предстал передо мною. „Грач“ на этот раз был бледен и трясся от испуга, видя обнаженные шашки моих кавалеристов. Через несколько дней и все остатки его шайки сдались мне. Район был освобожден от бандитского террора. Многие крестьяне высказывали невыразимую радость и просили только не выпускать пойманного зверя. „Грач“ был предан Антонову. Ни слова, ни звука о своих похождениях он не вымолвил. Хладнокровно, слегка взволнованным тоном отвечал на мои вопросы. На третий день я отправлял его в Тамбов. Свирепый взгляд он бросил на своих ребят, промолвив им на прощание:

— „Вас тоже не лучшая участь ждет, чем меня“.

Но ребята смеялись, говоря:

— „Нам с начальством не по дороге“!

И действительно,—к „Грачу“ применили высшую меру наказания, а ребят амнистировали. Многие оказались быв. красноармейцами, разными путями попавшими в банду. Уйти же из банды было нельзя,—это означало потерять семью, отправиться в яругу,—уж таковы были „свободные“ условия службы в „Народной партизанской армии“!

В это время в другом районе нашему товарищу Мальчевскому (уполномоченный I ЧК) сдались два потрепанных полка из банды Кузнецова со всем комсоставом и снаряжением. Оставалась не ликвидированной банда Матюхина, оперировавшая в Тамбовском лесу. Хотя она и не была велика количественно, но в ней, как и у „Грача“ была суровая дисциплина. Волком для своих „партизан“ был главарь. Его боялись больше чем, можно бояться человека. Все его бандиты были из окрестных тамбовскому лесу деревень, они получали поддержку из дома и могли держаться продолжительный период. По ликвидации этой бандитской группы работал тов Белугин Василий (Губчека) и к концу сентября 1921 г. ему удалось собственноручно убить главаря банды—Матюхина, рассеять банду и склонить ее к явке. Так, словно по очереди ликвидировались бандитские осколки. Одни за другим или сдавались, или излавливались нами главари бандитизма.

В Инжавинское Особое Отделение № 6 добровольно явились командиры Особого полка Яков Санфиров, Низовского полка—Востриков, брат Ишина—Петр,—„Политком“ какого то бандитского полка. Мне сдался адъютант Антонова Старых Иван Александрович и жена Ишина. К тов. Мальчевскому явились командиры Борисоглебских полков—Кулдашин, Ворожейцев и др. Губком СТК также ликвидировали.

Оставались неизловленными только сам главарь Антонов, его брат Дмитрий и последний его „командарм" Кузнецов Иван Макарович—хуторянин Борисоглебского уезда. Все же остальные видные „шишки" были взяты. Оставшиеся маленькие бандитские шайки под своим священным лозунгом „долой советы, да здравствует учредилка", занялись простым уголовным разбоем. Они также постепенно ликвидировались, но уже не путем добровольной сдачи, а путем беспощадного уничтожения, т. к. амнистия по добровольной явке об'явленная полкомом ВЦИК, была отменена 5-го октября 1921 года.

IX.

В конце 1921 г. бандитизм, организованный Антоновым при непосредственной помощи партии эсеров был ликвидирован. Тамбовская губерния приступала опять к мирному труду, но обстановка в тамбовской деревне была уже далеко не та, что до восстания. Многое из того, что создавалось годами, было разрушено. Не остался целым ни один совхоз, ни осталось не пострадавшим ни одно село. Сельское хозяйство было приведено в неописуемый упадок. Нет лошадей,—всех заездили. Нет овец и хлеба,—все поели. Нет имущества,—все разграбили. Страшное бедствие пережила наша деревня во второй половине 1921 г. и в первой 1922 г. Громадный недосев и уничтожение бандитскими полчищами посеянного создали подлинный голод. В том районе, где разгуливал Антонов со своей бандитской ордой, весной 1922 года люди мерли от голода, ели павшую скотину, собак, траву.

Вот здесь-то тамбовский крестьянин и раскусил окончательно подарок Антонова, понял предательскую политику его партии,—понял к чему все это вело. Пришлось ему—бедняге, тамбовскому мужику, перенести на своей могучей спине всю тяжесть бандитских затей. Остался он с семейством гол,—как сокол.

Два сына его дезертиры, в силу создавшихся условий, стали бандитами и были убиты в боях с красными. Третий сын—красноармеец, пришедший по демобилизации домой, отказался вступить в банду,—был отведен в яругу и зарублен. Сосед всегда делившийся с ним радостью и горем,—коммунист, член Сельсовета был зверски казнен бандитами на его глазах. Семь красноармейцев пленных, убитые бандитами, зарыты у него на огороде. Молодой красный офицер кавалерист был зарублен против его окна и брошен в колодезь.

А на смену этой страшной картине, встает другая: дни, проведенные „штабом Антонова" у его другого соседа—кулака. Рекой лился самогон и награбленный с винного завода спирт. Жирные мужицкие бараны здесь-же резались и жарились. Играли

три четыре гармошки, пели „шарабан" и танцевала ой-ру, преданная Антонову некая Надя Дриго Дригина,—жена какого то расстрелянного офицера. Пьяная бандитская орава — этот „цвет" партии С.-Р.—бестолково топала, выбивая чечетку. Ишин,—первейший политработник, член губкома СТК, натянув на себя награбленные лисьи шубы, жадно наливал свою кулацкую утробу самогоном и спиртом. Брат Антонова сидел и чертил свои „мемуары с натуры". Адъютант Главоперштаба Старых, изрядно заложив, сидел на задней лавке с дочерью местного попа, обещая ей жениться. Токмаков командир (впоследствии убит), пьяный до потери сознания, безжалостно бил пленного молоденького красноармейца тумаком своей шапки. Бедняга от тяжких побоев потерял сознание и издавал непонятные звуки.

Наконец, поднимается сам Антонов.

— „Довольно"!—кричит он Токмакову,—„Дай ему отпускной билет".

Бывший учитель—Старых бросает свою даму и строчит:

„Дано сие такому то пленному, в том, что он уволен в бессрочный отпуск по месту жительства".

А избитый, измученный красноармеец лежит полумертвый. Он и так отходит в «бессрочный отпуск».

Зовут армейского врача Павла Галактионыча Полякова—крестьянина села Калугино, фельдшера, перешедшего к Антонову в Инжавине. Выслушивает. Дает заключение: Пульс бьется нормально, жить будет.

— Тогда значить, притворяется!—заключает в свою очередь Токмаков и просит разрешения у Александра Степановича отвести красноармейца в яругу,—„для примера"—„чтобы не притворялся".

— „Хорошо"!—промолвил „сам".

Через тридцать минут бедняга лежал с разрубленной головой в яруге и рождественская мятель заметала его...

А в „Главоперштабе" кутеж длился до рассвета, пока лихая конница тов. Бриммера не ворвалась в село и не нарушила „мирной стоянки партизан". Кто куда попало бегут бандиты. Через 10-15 минут кипит бой. Бандиты бегут на своих быстрых конях, а кавалерия остается сзади, успевая захватить лишь обоз с „вильниками".

Так вспоминаются жуткие картины кровавого прошлого нашему тамбовскому крестьянину и тяжко, и горько, и тошно ему от этих картин, и стыдно...

X.

Но куда девался сам Антонов?

— Как это его не сумели поймать?—задавали вопросы крестьяне.

Одни говорили, что он далеко теперь,—„заграницей". Другие думали, что его и в живых то, поди, нет,—убили где нибудь незаметным образом. Третьи уверяли, что так или иначе, но его нет в нашей губернии. На самом же деле Антонов оставался верен своему родному краю до самой смерти. Невольно возникает вопрос,—да думал-ли он когда-либо о том, что и дальше Кирсановского уезда живут люди. Словно магнит притягивал его к этому месту.

Изучая тактику этого тертого подпольника, мы чекисты, были уверены, что Антонов находится все-таки в нашей Тамбовской губернии, а поэтому работу по розыску и поимке его не ослабляли ни на минуту.

Бросив свою армию в Саратовской губернии, Антонов быстро исчез с горизонта военного командования. Но с горизонта чекистского он скрыться не сумел. В августе 1921 г. мы установили уже, что Антонов вновь находтся около сел Паревки—Рамза. Наше внимание сосредоточивается там. В конце августа проводится операция под руководством предгубчека тов. Антонова. К великому сожалению, бандит Антонов перехитрил нашего тов. Антонова и операция успеха не имела.

Любопытно рассказывал про эту операцию адъютант Антонова Старых, сдавшийся мне.

Тов. Антонов с кавалерийским эскадроном бригады тов. Котовского оцепил участок, где скрылся Антонов со своими бандитами. Оцепление организовали удачное. Выхода не было. Антонов это быстро учел и приказал шестерым бандитам, находившимся при нем, умышленно попасть в руки красных, будучи уверен, что их не расстреляют. О нем было приказано молчать и отделываться незнанием. Сам он с братом, с Востриковым и Старых зашел по шею в озеро, поросшее тросником, и сидел, наблюдая ход операции. Шестерых бандитов поймали, а Антонова не оказалось. Тем и была закончена облава. Сам же Антонов с компанией своей сел на лодку, которая была у них спрятана в тростниках, переехал озеро,—надо заметить—очень, большое, и скрылся.

После этого Антонов постепенно исчез и с нашего поля зрения. К концу 1921 года он был нами совсем потерян. Много терялось сил и энергии, чтобы отыскать его, но все—тщетно. Однако, дальше его прежнего района мы не шли, ибо были уверены, что он никуда кроме не пойдет. Так и оказалось.

XI.

В конце мая 1922 г наш Губотдел ГПУ получает сведения об Антонове с братом. Село Нижне Шибряй Борисоглебского уезда, в 7—10 верстах от Кирсановского уезда избрал он своим убежищем. В первой половине июня 1922 г. мы окончательно

устанавливаем его пристанище. Много было среди нас споров о том, как подойти, чтобы взять Антонова. Всякий предлагал свой план, другие возражали. Наконец, находим общий язык и мне поручается выполнить задачу, организовать наружную разведку, сформировать отряд и, наконец, схватить Антонова. Приступаю к исполнению этого поручения.

Помню, вечером 14-го июня 1922-го года у нас было общее собрание ячейки РКП. Я не присутствовал, так как собирался выезжать. Часам к 6-ти этого вечера, я с четырьмя своими сотрудниками-оперативниками выехал в дорогу. По пути я должен был наладить разведку. Не без волнения провожали меня мои товарищи, вышедшие из зала собрания. Немногие из сотрудников знали цель моей поездки.

На закате июньского солнца мы далеко оставили позади себя Тамбов. Путь держал я на Рассказово. Ночью ехать лесом—было одно удовольствие.

Ровно десять дней мне пришлось ездить по селам, налаживая сеть разведки. Ездили по тем селам, где свирепствовал бандитизм. Страшный голод был там в эту пору. Хлеба не было совершенно. Люди ели траву, от которой пухли и мерли. Мы для себя взяли пуда 3 хлеба, который быстро у нас разошелся, и нам тоже пришлось голодовать. Купить хлеба можно было лишь в Нижавине или Уварове,—верст 30—40 от тех мест, где мы были, и то за большие деньги. Ну, как нибудь,—лишь бы поскорее за дело!

Все приготовлено. Момент для производства операции назрел 23-го июня в Уварово приехал мой непосредственный начальник—тов. С. Т. Полин. Я докладываю ему о подготовительной работе и приступаю к делу.

Разведкой было установлено, что Антонов с братом ночью с 23-го на 24 июня пришли из леса в с. Нижне-Шибряй в дом Наталии Ивановны Катасоновой. На следующую ночь с 24-го на 25-е июня они опять уйдут в лес. Местность—лесистая, тянутся леса по реке Ворона вплоть до сел Нижавино—Царевка—Рамза. Район знакомый

Не буду подробно описывать подготовки к операции,—лишь отмечу тот горячий момент, когда потребовалась особая быстрота и решительность действий. По независящим от меня причинам точные сведения о том, что Антоновы пришли к Катасоновой, я получил лишь в 4 часа вечера 24-го июня Я был в с. Уварове, а мои сотрудники и отряд в селе Перевоз,—верстах в 20-ти от Уварова. Время не ждало,—нужно было немедленно приступать к операции, ибо с наступлением ночи работа осложнится и на успех расчитывать трудно.

Из Уварова я помчался на автомобиле в Перевоз за отрядом. Через 1 час 15 минут я был уже обратно в Уварове со всеми ребятами и готовился к выступлению. Мой отряд состоял из

9-ти человек,—я, сотрудник нашего Губотдела ГПУ, тов. Бяньковский (коммунист), двое быв. партизан из банды „Грача“ Егор Зайцев, Егор и Алексей Куренковы, которые сдались мне в 1921 г., быв. командир Особого Антоновского полка Яков Санфиров, один партизан из банды Матюхина—Михаил Ярцев, двое быв. участников в бандитизме первых дней 1920 г. „вильники“ из села Паревки и начальник милиции 1 го района Борисоглебского уезда тов. С. М. Кунаков (коммунист), которого я взял как особенно хорошо знающего местность. Из этого отряда способными бойцами я считал лишь шестерых, а трое, по моему мнению, могли быть лишь наблюдателями. Переоделись все в рабочую одежду, взяли топоры и пилы, оружие (карабины) положили в мешки и тронулись к месту.

XII.

Молча мы шли в Шибряй. Идти нам нужно было верст 5—7. Встречавшиеся крестьяне подозрительно осматривали нас с головы до ног. Как ни были мы загримированы, все же необычное в нас было заметно. Шли быстро. Торопились, молчали, не обращали внимания на окружающее.

Наконец, в 8 часов вечера мы были на месте. В один момент все были расставлены на посты. Выходы из избы закрыты. Постучали в дверь. Выходит хозяйка Катасонова, спрашивает что нужно.

— Кто у вас в доме? задаю вопрос.

— Никого нет...

Настаиваю. Отрицает. Наконец говорит, что „двое каких-то вооруженных, при них два больших пистолета (маузера) и два маленьких (браунинга) да патрон целые сумки“.

— Еще кто из домашних есть? спрашиваю.

— Нет никого.

Предлагаю ей пойти в дом и передать им записку,—ультиматум о сдаче без боя. Категорически отказывается,—об'ясняя боязнью, что убьют. В избе слышно щелкание маузеров. Я решаюсь все таки послать ее в дом, но в это время открывается дверь и раздаются несколько выстрелов из браунинга. Бросаемся туда, но дверь уже закрыта на крючек. Нашим ответом на вызов Антонова явился обстрел из карабинов окон дома. По обойме (5 штук патрон) выпустили мы сразу. Затем приказываю Санфирову метнуть гранату в окно. Бросает, но граната не попадает в раму окна, летит обратно и разрывается в нашей стороне,—к счастью не принеся нам вреда. Приказываю продолжать обстрел и зажечь избу.

Через пятнадцать, двадцать минут соломенная крыша быстро занялась. Пожар в полном разгаре, обстрел идет усиленным темпом. Антоновы нам не уступают и сыпят в нас из своих маузе-

ров. Борьба продолжается уже с час. Жертв нет ни с чьей стороны. У избы загорается потолок.

Все село собралось на пожар и стрельбу. Собравшиеся в недоумении смотрят на странную картину. Смельчаки спрашивают в чем дело. Об'ясняю. Очень сдержанно, но всетаки заметно крестьяне выражают нам свое сочувствие, желают успеха в борьбе. Сказать это открыто им нельзя: вдруг в этот,—возможно сотый раз Антонов выйдет опять победителем,—тогда он найдет всех сочувствующих нам и сведет с ними свои счеты.

Дом об'ят пламенем. Кругом стрельба. Черный густой дым клубком стелется на землю.

Мне невольно приходят в память аналогичные случаи стычек с Антоновым. Помню, как не то в 1919 г., не то в 1920 г. его также захватили с Токмаковым в с. Рамзе. Атаковали, зажгли и всетаки он ушел, разогнав наших. Ну, думаю, воспользуется он пустым соломенным дымом, выскочит,—пропадет как сквозь землю. Ведь в какие он только не попадал ловушки, и, как бес, уходил из них.

Вспомнил я и про сгоревших наших товарищей Серенка и Чудина. Еще крепче сжал в руках писталет и вернее старался стрелять.

И на сей раз Антонов решил перехитрить нас и уйти, но он ошибся в расчетах. Наученные горьким опытом в борьбе с ним, мы предусмотрели все возможные его уловки. Обеспокоенный затяжкой борьбы, ибо время клонилось уже к закату, г, как угорелый, носился по постам своим, приказывая смотреть „в оба".

Вдруг замечаю—открылось быстро окно пред постом тов. Биньковского. Приказываю усилить обстрел этого окна. Четко, словно по расписанию посылают в нас пули Антоновы из своих автоматов. Горящий потолок обваливается. Антоновы с дьявольской быстротой выскакивают в окно и нападают на посты, Куренкова и Кунакова. Последний, оправдываясь порчей оружия, „отходит". Мне все видно с огорода и я бросаюсь на помощь Куренкову, через соседний двор. Выскакиваю на улицу и оказываюсь в тылу у Антоновых,—шагах в 8—11. Они стояли оба рядом и стреляли в лежащего Куренкова. Антоновы оборачиваются и с криком: „Вот он бей его!" бросаются на меня. У меня в револьвере остается всего два патрона. Я вынужден тоже „отходить" и уже „не сдерживая противника" несусь полным ходом к своим постам. Антоновы следом за мной, осыпают пулями из своих маузеров, но не попадают. Бегу через двор и вот я уже около своих ребят. Антоновы подались обратно во двор и другой стороной, через огород—тягу, держа направление к лесу. Но здесь стоял мой наблюдатель,—поднял тревогу, и я, с Санфировым и Ярцевым, догоняем Антоновых и вновь вступаем в перестрелку. Опять поднялся ураганный огонь Скоро Антоновы, как бы по услов-

ленному знаку, падают оба. Меткие выстрелы Ярцева уложили их.

Стрельба прекратилась через десять минут. На мой свист, снялись все посты и собрались около трупов. Из нас никто не пострадал. Все живы и здоровы.

Трупы кладем на повозку, добровольно представленную нам крестьянами, забираем оружие и больше ста патрон. По подсчету собранных обойм от маузеров, Антоновы сделали по нас не менее двухсот выстрелов.

Так, ровно в 10 часов вечера, в субботу 24 июня 1922 г. окончил свое существование лжесоциалист, предатель революции, бандит Антонов со своим братом.

Собравшиеся крестьяне внимательно всматривались в трупы убитых и, когда собственными глазами убеждались, что это Антоновы,—горячо благодарили нас Простое мужицкое, но сердечное „спасибо“ сказали они нам, провожая до самого конца села. Под восторженные клики крестьян, с песнями покидали мы село Нижний Шибряй, увозя трупы убитых.

Хорошо запечатлелась у меня в памяти песенка сложенная тут же Санфировым:

„Как у Шурке, у бандита,
Вся головушка разбита...“

Дом, служивший последним прибежищем Антонову, догорал, рушился и, несколькими минутами позже, оплакиваемый своей хозяйкой, вслед за своими гостями, отошел в область предания...

Так был вырван корень бандитской язвы в нашей губернии. Так, на поприще революционной деятельности в своей губернии мне привелось закончить черные дни жизни главного организатора кровавой авантюры Александра Антонова.

Михаил Покалюхин

БОГОМОЛКИН.

Тамбовский бандитизм.

(Воспоминания участника борьбы).

Первые лозунги, выброшенные Антоновым,—„Долой Советы", „Не платите разверстку", „Грабь совхозы", „Да здравствуют дезертиры Красной армии"—наглядно показывают, что бандит Антонов прежде всего стремился: 1) об'единить дезертиров, 2) завоевать авторитет и поддержку у тех, кто не хочет платить разверстку (а таких было много), 3) об'единить грабителей для разгрома народного достояния (совхозов). Это ему удалось: быстро нашлась кучка дезертиров, шкурников и грабителей, которые пошли за Антоновым разгонять Советы и грабить совхозы.

Антонов, Ишин, Токмаков и компания агитировали:

— „Долой Советы, идите за нами, мы Вам дадим все: керосин, соль и т. п.—все, чего не дают Советы".

Крестьянство, видя кучку бандитов, которые „освобождают" от продразверстки, выводят из затруднительного положения злостных дезертиров и еще больше обещают, убеждая при том, что Советов, кроме Тамб. губ., уже нигде нет,—начало присоединяться к Антонову и творить то, что было угодно Антонову.

Первое время антоновцы занялись грабежом совхозов и воздерживались брать у крестьян, т. к. хватало на существование и награбленного из совхозов конского состава, снаряжения и фуража. Совхозы они грабили до основания,—даже сжигали здания. Разгоняя советы, антоновцы расстреливали преданных работников Советской власти,—в первую очередь членов Р. К. П. Здания Советов также сжигали.

По словам бандитских главарей, которые попадались в плен, было видно, что Антоновым задолго до открытого восстания велась подготовительная работа в некоторых пунктах Кирсановского, Тамбовского, Борисоглебского уездов,—в более кулацких селах, как-то: Туголуково, Каменка, Верхоценье и ряд других, здесь был главный притон Антонова и первое ядро антоновцев состояло из крестьян перечисленных пунктов. Своим давлением, а потом и силой они заставляли и другие села присоединяться к ним, что с каждым днем усиливало и укрепляло ряды Антонова.

Почва для восстания была благоприятна не только по общему положению, но и была хорошо подготовлена,—что дало возможность бандиту Антонову быстро развернуться. С нашей-же

стороны для борьбы с таким организованным восстанием, как антоновское, по ряду причин были приняты вначале слабые меры.

Первым взялся за ликвидацию отряд Тамб. Чека, который, по сравнению с восставшими, был слишком малочислен и поэтому у него не хватило сил довести ликвидацию до конца. Создалось еще большее взаимное озлобление сторон.

Бандитские главари стали кричать о том, что самая главная и страшная Тамбовская Чека разбита ими в лице своего отряда. Это подняло дух бандитских отрядов и привлекло новые силы, как кулаков, так и дезертиров.

Вскоре на подавление были высланы войска ВНУС, которые были собраны из тех же дезертиров и ничего не сделали. Большинство из них сдалось бандитам вместе с оружием и тем самым только вооружило бандитские отряды. Антонов отобрал у ВНУС штампы и печать, которыми впоследствии долго пользовался.

Восстание стало разрастаться все больше и больше, а наших сил было попрежнему мало, да и те, что имелись, посылались взводами по разным районам в то время, как Антонов двигался всем отрядом и нередко обезоруживал наши маленькие отряды, вооружая свои. Кроме того наши отряды снабжались за счет крестьян, беря у них продовольствие, фураж и порой лошадей. Бандиты в первое время у крестьян не брали, а грабили совхозы. Это обстоятельство служило агитационным козырем для бандитских главарей и располагало к ним крестьян. В результате получилось, что почти все крестьянство Тамбовского, Кирсановского, Борисоглебского и частью Козловского, Моршанского уездов перешло на сторону Антонова и находилось в его рядах.

В конце 20 года Советской властью было обращено более серьезное внимание на антоновское движение,—послан на „фронт" ряд ответственных товарищей, которые повели основательную борьбу с бандитизмом. Приехавшие политработники в первую очередь задались целью уяснить себе, что именно кладут в основу бандитские главари при агитации среди крестьянства. С этой целью нам пришлось прибегнуть к разным способам сбора сведений, путем митингов, опросов и бесед, а порой и просто подслушиванья рассуждений крестьян между собой. Они сравнивали слова наших ораторов с бандитскими ораторами и поступки наших частей с поступками бандитских отрядов. Этим путем нам удалось собрать сведения, из которых нам стало понятно, что политика Антонова строится не на принципиальных основных вопросах, спасающих положение крестьян, а на самых наглядных, но убедительных для темного крестьянства,—при этом все построено на подыгрывании к крестьянам-собственникам. Именно с этой целью они в первое время ничего не брали у крестьян, а грабили до основания совхозы, в то

время как мы были *вынуждены* брать у крестьян, а достояние совхозов старались сохранить. Именно этим создавалось впечатление, что Антонов „спасает“, а мы грабим крестьян.

Благодаря этому получилось, что антоновцы встречались с крестьянами как „друзья-спасители“, а мы как люди, творящие всякого рода насилия.

Порой бандитов встречали как хороших гостей, вынося им на улицу кружки молока, и даже добровольно давали своих лошадей, а от нас все, что могли, прятали и ждали нас, как чуму. Такое положение вещей отражалось на наших боевых операциях. Когда мы сталкивались с отрядами бандитов, они в открытом бою сражаться с нами не могли,—открытый бой всегда кончался тем, что мы разбивали их и обращали в бегство. Когда мы с боем входили в какую-либо бандитскую деревню, то там картина менялась,—всюду чувствовалась поддержка бандитам: крестьяне выводили бандитам свежих лошадей взамен усталых, всячески прятали кого-можно и нужно спрятать,—одним словом все село, чем могло, помогало бегущим бандитам. Как только занимали село мы, то вся жизнь замирала: на улице—ни души,—все попрятались,—ибо бандиты, проезжая по селу, разнесли слух, что едут красные, которые всех перестреляют. Когда нужно было получить сведения от местных крестьян—куда направились бандиты, сколько их, то большинство крестьян не хотело говорить ни слова, в то время, как бандитам охотно давали какие угодно сведения о нас.

Митинговая агитация, за которую пробовали браться наши политработники, вначале не имела успеха. Крестьяне были связаны разного рода родственными узами с основным ядром бандитизма и пойти против него не могли. Кроме того, они больше верили крестьянам, составляющим это основное ядро, ибо они являлись их постоянными сожителями, а мы,—по их мнению,—„бродячими отрядами“.

В начале 21 года бандитизм был в самом разгаре и число бандитов достигло 20 тысяч. Все совхозы и ссыпные пункты были уже разграблены, а продовольствия, снаряжения, обмундирования, конского состава и фуража требовалось с каждым днем больше и больше. Полчища Антонова, привыкшие к грабежу совхозов, перенесли эти „действия“ на крестьян: в начале грабили красноармейские семьи и семьи советских работников, а потом пошли подряд.

Наши политработники использовали это последнее положение,—начали усиленную агитацию, опираясь на факты совершаемых бандитами грабежей и насилий над крестьянами,—убеждая, что бандиты не только ничего не дали из того, что обещали в начале, но и отбирают у крестьян последнее и будут отбирать,

потому что создалась целая армия, которая, не имея тыла и никаких запасов, должна существовать только за счет восставшей местности—3-х уездов.

Заверения Антонова в том, что не сегодня-завтра падет Советская власть уже потеряли значение. Мы на фактах доказывали, что кроме 3-х уездов бандитов нигде радушно не принимают, отовсюду гонят сами-же крестьяне.

Еще незараженные бандитизмом крестьяне начали давать отпор бандитам и содействовать нам. Бандиты быстро удирали из таких мест в растерзанном виде, возвращаясь в родные села, где их ождали победителями. Это расшатывало веру и подрывало воинственное настроение даже самих бандитов и их семейств.

Несмотря на ряд неудач, постигших Антонова, как в политическом отношении (потерял влияние на крестьян), так и в боевом отношении наши части основательно били его,—Антонов сумел все же раскинуть довольно организованную сеть: 1) создал в каждом селе комендатуру, которая следила за всеми движениями красных и держала связь с основным ядром банды, передавая всякого рода сведения от деревни до деревни довольно точно, 2) насадил сеть вооруженных команд для охраны внутренней безопасности и связи „ВОХРА“, 3) создал ряд центров, которые вели чисто политическую работу,—подготавливали созывы с'ездов крестьян и вырабатывали разного рода воззвания и инструкции, которые и распространяли среди крестьянства. (Самый важный руководящий политический пункт был в селе Каменке). Нашими политработниками было обращено особое внимание на все виды антоновских организаций и рядом всевозможных способов нам удалось получить списки всех комендантов и других работников бандитского движения.

Бывали случаи, когда лично я, зная фамилию и адрес коменданта, под видом бандита, мог откровенно беседовать с ним и, получая ценные сведения и тайны, одним ударом разбивал лучшие антоновские планы.

В конце февраля крестьянство перестало добровольно итти к Антонову, оно увидело, что его карты по всем фронтам (и боевому и политическому), биты красными. Тогда Антонов стал насильственно набирать пополнения. Это было нами своевременно учтено Мы были вынуждены забрать все резервы мужского населения в возрасте от 18-ти до 45-ти лет и отправить в Тамбов на работу. Крестьяне часто сами приходили к нам и просили, арестовать их и отправить в Тамбов, иначе их завтра или после завтра—заберут в банду.

В начале марта, когда наступило время готовиться к яровому посеву, наши политработники повели агитационную кампанию, в том смысле, что, благодаря Антонову поля останутся не засеянными. Крестьяне стали приходить к нам вереницами за советом,

что им делать, чтобы не помереть от голодной смерти. Нами давались такие советы, от которых не здоровилось ни Антонову ни его приспешникам.

Благодаря ряду перечисленных выше мер, авторитет Антонова падал с каждым часом. Отряды его, под ударами нашей агитации и сабель, таяли с каждым днем.

В апреле месяце нами был издан суровый приказ, карающий крестьян, содействующих бандитизму и недонося щих своевременно о всех проделках бандитов. (За одного бандита, скрывающегося в деревне, несла ответственность вся деревня—вплоть до расстрела). Одновременно с этими мы стали проводить политику широкой помощи крестьянству,—засевать своими лошадьми и при помощи красноармейцев поля тем крестьянам, которые порывали все с бандитизмом и содействовали нам.

Это был последний удар по бандитскому движению, под которым оно умерло политически, а физически мы его добивали в мае, о том знают тамбовские поля и леса—сколько нас и их там осталось!

Тов. ТУХАЧЕВСКИЙ в Тамбове перед отправлением в воздушную разведку.

С фот. Л. С. Руднева.

ДУДАРЕВ.

В боях конной группы.

Антоновское бандитское восстание в Тамбовской губернии разгорелось во-всю.

В это самое тяжелое и опасное время. мне пришлось принять пост комиссара Отдельной конной группы тов. Бриммера (впоследствии конная группа была переформирована в Отдельную Тамбовскую кавалерийскую бригаду). В мое распоряжение были командированы Губкомом и Погубом ответственные товарищи—Богомолкин, Луста, Уколов и другие. Чтобы найти конную группу, нам пришлось долго путешествовать,—около суток проездили на поезде. но, в конце концов, добрались до места.

Конная группа была расположена на ночном отдыхе в селе Нижне-Спасске, Рассказовской волости. С наступлением утра мы двинулись в поход—нащупывать главное ядро Антонова и только к вечеру, пройдя до 60 верст, настигнули его у села Трескино Кирсановского уезда. Здесь он расположился на ночлег. не предполагая, что красные его настигнут. Завязался бой, который продолжался в течение 4-х часов. Застава в числе 15—20 человек была снята и тут-же на месте перерублена.

Наш 1-й кавалерийский полк, под командованием тов. Перведенцева, врезавшись в середину расположения банд, перерубил около 50 человек. Были захвачены лошади, обоз и винтовки,—большинство из них отрезы.

Так нам пришлось принять первое боевое крещение. Много было и мелких стычек, которых нельзя назвать крупным боем. Нужно заметить, что Антонов очень осторожно действовал и, как видно, боялся вступать в бой с конной группой, но за то с большим удовольствием нападал на наши пехотные отряды и имел крупные успехи над ними,—например, в ноябре мес. 1921 г. под селом Богословка, он атаковал отряд Воробьева и отбил орудия, чем значительно укрепил свои силы. С этого момента он начинает действовать смелее: разбирает жел-дорогу Тамбов—Балашов, чем отрезает путь бронелетучке, которая действует под командованием тов. Соленкова. При помощи лошадей, гнет в дугу рельсы. Пути разбирает на расстоянии 10—15 верст и только благодаря находчивости и храбрости начальника бронелетучки. последняя была спасена. Красно-

армейцы под градом бандитских пуль прокладывали рельсы и подвигали бронелетучку вперед. Часть красноармейцев находилась в цепи, останавливая натиск бандитов на бронелетучку и после 6-ти часового боя все-же бронелетучке пришлось благополучно выбраться.

К этому времени наша кавалерийская группа продвигалась по направлению на ст. Чакино, где предполагали дать отдых как красноармейцам, так и лошадям. Но нас ожидал новый сюрприз. От командующего войсками тов. Редзко был получен строгий приказ—немедленно, в течение 24-ти часов отбить орудие, которое было потеряно в бою в селе Богословке отрядом Воробьева. Но все наши старания и военная стратегия нам не помогали. Антонов раньше нашего оказался осведомленным об этом приказе. Нужно полагать, что шпионы Антонова находились даже в штабе командующего. Комитеты С.Т.К. работали великолепно.—все передвижения красных войск ему были известны. Он боялся, как огня конной группы, но, как уже было сказано выше, он не принимал боев. Ему нужно было грабить совхозы, кооперативы, нападать на более слабые отряды. Наша конная группа не давала ему покоя, он метался из стороны в сторону, как бешеный, делая перегоны по 60—100 верст в сутки, меняя свежих лошадей в селах. Без остановки делал большие круги, а именно—из Кирсановского шел в Борисоглебский, Моршанский, Козловский, Тамбовский уезды и обратно. Захватывал даже часть Воронежской и Пензенской губерний. Этим он хотел добиться того, чтобы наша конная группа выбилась из сил и вышла из строя. Но несмотря на все это, оставлять Антонова в покое, конечно, нельзя было, ибо он во время стоянки делал набеги на совхозы, разбирал железную дорогу, грабил поезда, принося этим колоссальные убытки. Но так продолжалось недолго.

Днем, 11 ноября 1921 г. мы настигли бандитов у Верхоценье—Понзари и лихим налетом, несмотря на их численный перевес (до 1.000 конных и невыясненное количество пеших) изрубили до 300 человек, отбили потерянное отрядом Воробьева орудие, захватили много винтовок, пулеметных частей, лошадей и повозок.

В этом бою особенно отличился своею храбростью и самоотверженностью командир 1-го кавалерийского полка т. Переведенцев (коммунист). Неустранимо бросаясь в бой, он увлекал за собою красноармейцев. Комиссар Богомолкин, находясь в передовой цепи, ободрял красноармейцев и своим примером тоже увлекал в бой. Тов. Переведенцев был награжден за этот бой орденом Красного Знамени.

Долго после этого боя, банда Антонова не могла опомниться и собраться с силами. Антонов на время затих. Рассыпался небольшими отрядами по селам, чтобы подсчитать свои ос-

тавшиеся силы и вновь пополнить их кулацким элементом. В это время он не мог нанести нам большого вреда. Наши войска—красноармейцы и лошади в свою очередь тоже могли вздохнуть, чтобы броситься на Антонова с новыми силами.

Второй, наиболее крупный урон был нанесен бандам Антонова под с. Крплин—Павлодарово, Борисоглебского уезда.

Ночью, в конце декабря наш 1-й Кавалерийский полк под командой тов. Переведенцева, вторично разбил банду Антонова на голову, изрубив при этом около 400 чел., взяв в плен 200, захватив несколько пулеметов, части обоза и приготовленный ужин. С тех пор главное ядро банды долго не появлялось. По показаниям крестьян, Антонов распустил свое войско для того, чтобы красные не могли обнаружить его сил, а сам разослал надежных лиц для организации по селам боевых отрядов, привлекая к этой работе комитеты С. Т. К.

Через некоторое время для пополнения своих отрядов он группируется в районе Паревки и Рамзы, Кирсановского уезда и нападает на с. Инжавино. Наш маленький гарнизон, который занимал ст. Инжавино, организованно встречает бандитов, ведет бой около 8 часов, но патронов не хватает и приходится отступать. Бандиты тут же захватывают село, начинаются расстрелы и издевательство: отрезают уши, носы, выкалывают глаза,—одним словом увечат до неузнаваемости. Здесь ими был изрублен даже мальчик 14 лет, служивший рассыльным в Политотделе. Наша конная группа в это время находилась на расстоянии 20—30 верст от с. Инжавино.

К вечеру мы подошли к с. Инжавино, но было уже поздно,—бандиты сделали свое дело.

Мало того, что они зверски изрубили красноармейцев,—они сожгли станцию и все пакгаузы. Наши части двинулись по следам банд,—глубокой ночью, усталые и измученные. Подошли к с. Болотовке и здесь остановились, чтобы дать отдохнуть людям и подкормить лошадей. Выслали раз'езды, выставили посты, дали приказ задерживать всех и доставлять в штаб конной группы. Раз'езд остановил подводу с 2 седоками и доставил их в штаб. Мною они были допрошены. Первый не сознавался—куда ехали, а второй рассказал всю правду. Они оказались агентами Антонова,—крестьянами села Озерков,—везли боевой приказ Антонова бандитскому командиру Токмакову, в с. Осиновку, где должен был находиться этот полк и сам Токмаков, но приказа у этих шпионов на руках не оказалось. Во время ареста они пакет бросили в снег около двориков в 5 верстах от с. Болотовки. Пришлось выслать отделение красноармейцев и с ними антоновского шпиона, чтобы он указал то место, где был брошен пакет. Вот что было в этом боевом приказе Антонова командующему 2-й «Народной» армии Токмакову:

«Нижавинский гарнизон разбит, красноармейцы перерублены, взято 3 пулемета, все оружие, станция разрушена. Наши силы несокрушимы. Краснопузые тают, как снег весною. Нам для подкрепления своих сил оружием необходимо занять город Кирсанов. Вам я приказываю немедленно выступить по направлению к г. Кирсанову и повести наступление с северо-восточной стороны, а я буду наступать с южной, не теряйте времени скоро встретимся. Лица, посылаемые мною с этим боевым приказом, вполне надежные. Действуйте. Начальник штаба Революционной Народной Армии Антонов».

Благодаря этому открытию, мы стали действовать быстро. Не взирая на усталость красноармейцев, 1-й Кавполк был выслан в Осиповку,—отрезать путь Токмакову, напасть неожиданно и разбить, а остальные части бросили на главные силы Антонова, который находился в Озерках. Наш 1-й Кавалерийский полк, под командой тов. Переведенцева, неожиданно напал на Токмакова и почти вся Народная армия была разбита; взято 3 пулемета, много патронов, винтовок-отрезов и обоз. Часть, которая пошла на главные силы Антонова в с. Озерки, уже не захватила его,—пришлось гнаться во след.

Таким образом, «боевой приказ» о захвате Кирсанова провалился.

В конце января я получил новое назначение. Пришлось покинуть конную группу и принять пост комиссара адмупраштаба Командующего войсками Тамбовской губернии. Вскоре командование принял тов. Тухачевский (быв. командующий Западным фронтом). До приезда тов. Тухачевского бандиты продолжали гулять по территории Тамбовской губернии. С приездом нового командующего, были присланы свежие силы, автомобильные отряды, аэропланы и красные генштабисты, которые заняли ответственные посты, как в штабе, так и в боевых частях. Аэропланы, в разных концах губернии нащупывали бандитов. Пришедшие автомобили сыграли большое значение.

Не сиделось красным генштабистам в душном штабе и руководить боевыми приказами и распоряжениями. Они рвались в бой. Однажды Начальник оперупра тов. Тищенко решил вылететь сам на аэроплане для разведки, чтобы после можно было дать точный боевой приказ той или другой части. Заручился разрешением от командующего тов. Тухачевского и с летчиком вылетел по направлению на Затрятчино. Погода стояла прекрасная. После полета на 60—70 километров мотор вдруг отказался работать. Не успели спуститься на землю, как уже были окружены бандитами и тут же изувечены до неузнаваемости. Начальнику Оперупра тов. Тищенко отрезали пятки, вырезали на спине красную звезду. Летчик тоже погиб от злодейской руки бандитов.

Но недолго еще удавалось бандитам творить свое гнусное дело. Командующему войсками было поручено организовать автомобильный отряд, который преследовал Антонова, не давая ему покоя.

Командиром этого отряда был назначен помощник командующего тов. Уборевич. Не прошло и месяца, как от 40.000 Народной армии не оставалось даже одного взвода, который мог бы самостоятельно действовать. Банда Антонова была разбита окончательно и с.-р. потерпели крах. После этой «автомобильной» операции, главное ядро Антонова было уничтожено. Свора потеряла свой штаб и не могла долго действовать. Правда, появлялись мелкие шайки в лесах в 5—6 человек, но они были парализованы. Все бандитские села были оккупированы красными частями. Так окончилась кровавая антоновская авантюра.

Н. ЖИРКУНОВ.

Токаревские коммунары.

20 августа 1920 го года в 12 час. ночи в Токаревке была получена телеграмма-приказ из Тамбова,—в 12 часов сформировать отряд в 60 штыков и выступить на ст. Ржаксу.

В эту же ночь была об'явлена мобилизация коммунистов в районе в 45 верст в радиусе. Коммунисты явились по первому зову. Токаревка превратилась в военный лагерь.

Маленькая боевая коммунистическая единица ровно через 12 часов выступила по направлению на Большую Лозовку и Камечку. Для ведения текущей работы было оставлено несколько товарищей, которые немало были обижены тем, что их оставляют. Свое лучшее оружие они отдали товарищам отправляющимся на борьбу. X

В деревне Бахарево, Протасовской волости наш отряд впервые увидел бандитов, бежавших и скакавших во все стороны. Было поймано несколько человек, это были бородатые крестьяне, которых коммунисты тут-же и отпустили под честное слово. В этот же день, в сумерках отряд прибыл в село Протасово, где встретился с маленьким продотрядом. День тому назад отряд бандитов под предводительством Плужникова, напал на этот продотряд, часть успел обезоружить, а командный состав—(двух взводных—коммунистов) расстрелял.

Мы уговаривали продотряд присоединиться к нам но он не согласился и через несколько суток мы получили сведения, что он окончательно обезоружен, причем у него отнят пулемет.

Начиная с Протасовской и Александровской волостей до самой Ржаксы население на нас смотрело косо и на наши вопросы не отвечало. По сведениям полученным от совслужащих и спрятавшихся коммунистов, которые теперь присоединялись к нашему отряду, бандиты за последние 2 дня устраивали митинги по окружным селам и деревням.

22-го августа наш отряд прибыл на ст. Ржакса, где стоял Оперативный штаб Тамбовского командования, и утром был направлен в погоню за бандитами в район ст. Орловки. При вступлении в Нижне Шибряй в селе поднялась суматоха. Приведенные на допрос граждане во главе с сельск. дьяконом категор. заявили что никакихбандитов у них нет и не было. Однако этой-же ночью на наш отряд налетела разведка Антонова, но, после перестрелки—отступила. 23 го утром жена местного кордонщика пришла в штаб

и со слезами просила избавить от бандитов, которые выкопали у нее весь картофель и простить ее мужа за то, что он скрыл присутствие банды. В этот же день наш отряд связался с продотрядом тов. Попова и отрядом Кирсановского Увоенкома и повел наступление на лес, в котором находились бандиты. Проводники из местных крестьян умышленно не показывали кратчайшей дороги, в то-же время местными шпионами уже было сообщено Антонову о нашем наступлении. После небольшой перестрелки банда бросилась в брод через реку Ворону. В результате нами были взяты первые трофеи—несколько повозок с лошадьми. По сведениям кордонщика бандиты, после переправы через р. Ворону разделились на две группы,—одна направилась через село Перевоз в Тамбовский уезд в село Хитрово, а другая—на Каменку.

25 го августа нас перекинули на ст. Сампур, на которую в это время бандиты готовили наступление. Наш отряд пошел в контр-атаку. Разведка банды была отогнана и засела в имении быв. Чичерина. После 2 х часового боя у с. Периксы нам удалось захватать несколько пленных и отступить, т. к. банда занимала удобную позицию и численностью превышала нас примерно раз в-15-ть.

Наш отряд получил наименование:—„Первый Коммунистический Токарев. отряд". В Сампур. участке он пробыл—1½ мес. причем все время не терял связи с Токаревским Райкомом, и районом, хотя бандиты и сеяли все время слухи, что наш отряд разбит.

Во второй половине сентября я был отозван с несколькими товарищами в Токаревский район, для организации 2-го коммунистического отряда специально для защиты Токаревского района. Отряд был организован в 30 штыков. Для поддержания порядка в районе этот отряд был незначителен, т. к. банды и здесь уже свирепствовали. В Паповых-Кустах уже был организован их полк, под командой бандита „Кости Баранова" и Туголуковский отряд под командой „Максима". Повсюду назначали собрания и вели бандитскую агитацию выбрашенный из РКП—Сторжев и второй бандит—под кличкой „Монах". Эти агитаторы охранялись отрядом бандитов. По просьбе Токаревского райкома наш первый отряд из Сампурского бое-участка был переброшен в Токаревский район, но и этих сил для борьбы с бандой Токаревского района было мало. Токаревский Райком сформировал в боевую единицу и вооружил всех совслужащих и вообще всех граждан, сочувствующ. Советвласти. Этим были спасены от зверской расправы семьи коммунистов и совслужащих. В октябре 1920 года в Токаревском районе работа по сбору продразверстки шла полным темпом. Это послужило к развитию бандитизма, т. к. с.-р. ведя свою агитацию, ставили в пример Сампурский и Каменский районы, которые „прекратили сдачу продразверстки".

Токаревский отряд насчитывающий до 100 штыков пришлось разделить на 3 группы. Одна группа в 30 чел. была отправлена на Сахарный завод, вторая в 20 чел. на охрану Березовского Винокуренного завода, остальные 50 чел. на прикрытие ст. ст. Токаревки, Рымарево, и Ястребовки. Тамбовское командование в то время не давало сил для укрепления сельских властей. Уже в октябре пришлось эвакуировать волисполкомы, чем убивалась всякая вера в силу и устойчивость Советвласти.

Токаревскому коммунистическому отряду в ноябре и декабре пришлось терпеть голод, вокруг него собралось до 500 чел. эвакуированных семейств, оторванных от своих разграбленных хозяйств. Отряд наш Тамбовское командование считало „красным партизанским отрядом“ и не брало на довольствие. Нам самим приходилось выезжать за продовольствием и фуражем, что усиливало озлобленность населения. Через две-три недели сахарный завод и Токаревка оказались в осадном положении.

В этот тяжкий период, с нашей стороны было проявлено много героизма,—особенно во время наступления бандитов на Токаревку 7-го января 1921 г. Банда тесным кольцом окружила Токаревку. Ее разводка уже гарцевала по околицам села. С северной стороны села стоял их Битюгский полк, восточнее полк Кости Баранова, со стороны с. Остроухова—полк Тюкова, с юго-запада группа под командой Панича—до 4-х тысяч человек.

Мы совершенно выбились из сил. Неделю совсем не спали, но 6-го на рассвете разошлись по квартирам, значительно сократив число постов.

В 7 с половиной часов утра со стороны Полетаева и Троицкого-Росляя в Токаревку ввалились отряды Баранова и Панина, Битюгский полк, полк Тюнова сжали Токаревку тесным кольцом. С 8-ми час. утра до 3-х час. дня нашему отряду пришлось вести бой чуть ли не в рукопашную. Благодаря умелому командованию Комроты тов. Машкова и тов. Шадорина и боевым пулеметчикам, бой был выигран. Отряд дрался без малейшей паники, в течение 6-ти час. Когда отряд заметил, что у бандитов истощается запас патронов, он кинулся на них в атаку и банды бежали в панике. Результат геройского боя со стороны отряда—4 убитых и 7 раненых, со стороны же бандитов—40 убитых, 22 пленных и, по сведениям местных крестьян, до 200 чел. раненых и убитых, подобранных и увезенных своими. Токаревский бой оказал громадное моральное воздействие на окружающие деревни. Вера в силу бандитизма была убита в населении и после этого боя банды близко к Токаревке уже не подходили. Крестьяне начали смеяться над бандитами,—над своими организаторами и командирами, что они с $5^1/_2$ тысячами не могли взять маленькую кучку в 100 человек.

Был еще такой случай. Наша разведка в 11 человек всадников под командой тов. Макарова поехала за фуражем в Красивку, где стоял полк Баранова в количестве 500 человек. Бандиты как видно, проспали. Наша разведка в'ехала в село совершенно не зная, что там стоит полк бандитов. Шесть человек, окруженных бандитами, геройски пробились, убив по дороге 6 бандитов. Увидев, что в селе задержались у родных еще пять человек, из разведки,—товарищи снова прорвали цепь для того, чтобы выручить оставшихся. Это им также удалось, но двоих бандиты все-таки успели убить (в том числе—тов. Волкова, члена Красивского Вика).

В половине января 1921 года наш отряд был отведен на усиление охраны Ново-Покровского сахарного завода. Как только в Мордово пришли воинские части, отряд добился разрешения вернуться в Токаревку. Он выбил оттуда 2 бандитских полка,—Битютский и Пановский и снова укрепился, постепенно очищая район от бандитизма, создавая Ревкомы и оставляя мелкие боевые единицы для их охраны.

С марта месяца до 20-го мая 1921 г., при поддержке проходящих воинских частей, нам удалось очистить от бандитов 18 волостей Тамбовского и Борисоглебского уездов.

Во время ярового посева бандиты отбирали семена у крестьян. Население просило защиты у Советвласти и к июню месяцу 1921 г. оно уже само охраняло советских работников. Организовывались местные добровольческие дружины, главным образом, из демобилизованных красноармейцев. Эти отряды сами вылавливали последние остатки бандитов.

Токаревский коммунистический отряд в мае раз'ехался по волостям,—из его состава выделилось 12 Ревкомов—волостных и сельских. Остальные товарищи взяли на себя организацию добровольческих дружин, в которые было сформировано и вооружено до 400 человек. Штаб коммунистического отряда руководил этими дружинами и наши ревкомы, под охраной этих дружин, восстанавливали Советскую власть.

Н. Жиркунов.

И. Е. ПАНКРАТОВ.

Четыре месяца среди бандитов.

(Отрывки из дневника „краснаго партизана“).

I.

21 год

Согласно моего заявления Уполиткомиссии, т. Смоленский и председатель Тамбовского Уисполкома тов. Беляков командировали меня в Больше-Липовицкий район, для борьбы с бандитизмом, выдав мне надлежащие документы с правами члена Райревкома. Будучи хорошо знаком с местностью, ее лесами, оврагами, а также и с местным народом, я взял на себя это ответственное задание и 30 марта прибыл в село Липовицы, в которое за день до этого пришла 14 смешанная сибирская бригада во главе с комбригом Войковским.

Местное население, которое всегда проявляло ко мне симпатию, теперь переменилось, его взгляды стали совершенно враждебны моим. Всякий разговор при моем приближении прекращался. Членов Волревкома не было,—они оставались в Тамбове, и очевидно ждали, когда войско очистит волость от бандитизма, чтобы приехать на готовое. Соприкоснувшись с крестьянской массой, я слышал только одни смешки и молчание. Даже мои родственники и те больше молчком отходили от меня, стараясь не принимать меня в дом, как коммуниста.

2-го апреля мне удалось собрать на митинг до 150 человек из 6000 населения. На митинге выступали представители бригады, выступал также и я, и крестьяне. С нашей стороны много говорилось о революции, о гражданской войне, затеянной помещиками и капиталистами, много говорилось о разрухе, которую углубляет бандитизм. Крестьяне большею частью говорили о том, что у них соли нет, керосина нет, мануфактуры нет, дегтя нет, колес нет, хлеб реквизируют и т. д. Они находились под безусловным влиянием бандитских агитаторов, разубедить их совершенно было невозможно, но многие уже задумались,—действительно ли доброе дело затеяли бандиты?

В заключение я об'явил гражданам и обязал их передать бандитам, что, если на территории Большой Липовицы будет убит хоть один советский работник или коммунист, или пострадают их семьи, то сурово будут караться крестьяне, живущие в Липовице, а семьи бандитов будут подвергнуты тому-же, чему

подвергнуты выше указанные работники Советской власти. Митинг был окончен

Вечером, возвращаясь с митинга, ко мне зашел крестьянин Винокуров Гавриил Иванович, который первым осмелился дать мне несколько указаний, которые вывели меня из заблуждения. Он сообщил, что крестьяне не все бандиты, но открыть бандитов не могут, так как красное войско уйдет, а бандиты придут и перерубят за это. Шпионы бандитов следять за населением больше, чем красноармейцы и каждый шаг, каждое слово немедленно передают бандитам. Бандиты открыто живут и только тогда прячутся, когда им попадается на глаза знакомый человек из красноармейцев, или местных коммунистов. Бандиты ходят среди красноармейцев, которые совершенно не обращают на них внимания. Под секретом он назвал мне несколько бандитов: 1) Г. Ф. Борецков—руководитель („Хромой“); 2) И. В. Миломаев—руководитель („Папок“), 3) В. Аныферов—руководитель банды, 4) В. М. Косов—руководитель, 5) Мария Михайловна Косова—руководительница и шпионка*) 6) Дмитрий Мих. Косов, 7) Константин Мих. Косов. Он сообщил, что бандитов по Липовице человек 60, но многих он не знает, а потому—даст полный список в другое время. Очень просил—не проговорится о нем - иначе его зарубят. Попрощался со мной и, озираясь во все стороны, незаметно шмыгнул к дороге, а я немедленно направился к тов. Войковскому и передал ему обо всем слышанном.

Вскоре мне пришлось убедиться, что крестьяне поголовно уверены в том, что бандитов переловить и перебить красноармейцам не возможно. Поэтому-то на все убеждения они так упорно отмалчивались. Только понемногу крестьяне стали откровенны со мной, надеясь, что я их не выдам бандитам.

Ночью 5 апреля Войковский выступил из Липовицы по направлению к Сухотинке. Я выехал с ним. В Липовице не оставалось ни одного красноармейца. Дойдя до села Кузьминой Гати я остался здесь, а отряд пошел дальше. Несколько дней подряд я наблюдал, что и здесь народ с большим напряжением следит за борьбой, но не становится ни на ту, ни на другую сторону. С уходом красных—кражи и воровство усилились.

14-го апреля вернулась бригада Войковского в село Липовицы. И я туда поспешил.

15 апреля мною вновь был назначен митинг, перед которым многие мне говорили:

*) Слух о „Марусе“, руководящей бандами широко распространился в Тамбове еще в самом начале восстания. Болтали о том, что эта Маруся—Спиридонова, по другой версии, что это—Маруся Никифорова (известная анархистка). Тов. Панкратов в своих воспоминаниях дает любопытную точную справку о „прославленной Марусе“ и ее бесславном конце. *Ред.*

— „Напрасно ты язык с ними околачиваешь, все равно они не послушают, а будут делать свое!“

В это время из села Ольшанки были привезены трупы трех убитых бандитом Серебряковым,—старушки-матери и двух сыновей красноармейцев, которые были убиты за то, что они не пошли в банду. Мать их была убита за то, что когда убивали ее сыновей,—закричала:

— „Что вы делаете, грабители!“

За это бандиты перерезали ей глотку, а сыновей изрешетили пулями. Весь народ собрался к трупам, мы попросили крестьян охотников зарыть их. Моментально вышло 12 человек, которые и вырыли вместе со мной могилу.

Придя на митинг я поставил на повестку дня вопрос о бандитизме, который зверствует над семьями красноармейцев и не щадит даже старых матерей. После этого митинга чуть не половина собравшихся была на нашей стороне и вечером мне были сообщены всевозможные сведения о бандитах.

16-го апреля в 3 часа ночи наша бригада выступила из Липовицы. Я взял у отца последнюю лошадь и выехал из Липовицы на Кузьмичу-Гать. Со мной поехал, также отобрав лошадь у отца, Данилов Михаил Григорьевич, который, хотя и беспартийный, но был хорошим и неотлучным моим товарищем,—отвергал все опасности и не знал утомления в борьбе. Приехав в Кузьмину-Гать мы в ней не остановились, а поехали в рядом лежащую деревушку Камбарщину, где, по слухам, часто появлялась Маруся Косова. В Камбарщине нас встретили не особенно дружелюбно. Квартиры никто не давал, хлеба также, но благодаря весне, мы особенно в этом не нуждались.

22 апреля в 10 часов утра Даниловым была замечена девушка. День был воскресный, граждане толпились на улице, многие сидели у своих домов. Данилов толкнул меня и тихо шепнул:

„Знаешь, Панкратов, вон девушка пошла,—посмотри-ка!“

— „Эка, какая диковина,—вон пять сидят, посмотри-ка!“

Данилов вновь:

— „Да ведь это мне кажется Маруся Косова.“

Задами дворов я пробежал на перерез указанной девушке, затем вышел на дорогу и пошел ей навстречу.

Маруся шла, задумавшись и не заметила, как подошла вплотную ко мне. Я окликнул ее, Маруся подняла голову и с досадой проговорила:

— „Что тебе узка что-ль дорога,—идешь на человека, невежа“!

Я шутливо извинился. Маруся посмотрела на меня и, улыбаясь, спросила:

— „Как ты попал сюда? Ты, ведь, заядлый был коммунист, а теперь неужели перешел к нам?“

— „Да, я сейчас нахожусь там, где и вы, только задания у вас разные, а поэтому именем закона я вас арестую."

Маруся полуиспуганно ответила:

— „Что ты, с'ума сошел, чтобы между наших ты мог арестовывать меня"! - но я уже вынул наган и заставил ее молчать, спросил,—есть ли оружие. Она ответила, что нет. Тогда, в одной руке держа наган, а другой взяв девушку под руку я направился к Данилову, которого позвал следовать за собой. В это время с Даниловым стоял предсельсовета деревни Камбарщина, которого я также взял с собой и отправился на пороховой завод, где и сдал знаменитую Марусю в особый пост № 1-й под расписку. А особый пост отправил ее в Губчека в Тамбов, где знаменитая и злостная руководительница бандитизма была расстреляна.

О Марусе и ее семье известно следующее:

Отец—кулак и бандит. Брат Иван Михайлович Косов с отцом вместе,- удавил на шнуре сотрудника Губчека, причем сам Иван Косов был чекистом. Мать ее Татьяна—бандитка сейчас в бегах. Брат Василий—бандит, был зарублен в схватке с красными войсками. Брат Дмитрий—бандит, в бегах. Брат Константин тоже в бегах. Мария Косова и ее братья занимали в банде высокие посты и руководили бандой, как им хотелось. До восстания все они были крупными спекулянтами. Отец их скупал продукты и на двух подводах отправлял товар в город. Никогда отряд не мог арестовать его, так как сын служил в Губчеке сотрудником и всегда выходил встречать его вдвоем с Косыревым, имея при себе бумаги, они делали вид, что везут в город „арестованного спекулянта". Один из честных сотрудников Губчека узнал об этом и арестовал. Они его и удавили, а сами были пойманы. Дети-же пошли в банду мстить Советской власти за отца, брата и сожителя Маруси Косырева.

Бандиты, услышав что Марусю поймали, кинулись мстить за нее в село Бокино, где и зарубили 47 человек невинных граждан.

25 апреля мы с Даниловым, видя, что в Камбарщине дело наше плохо, так как лошадей у нас увели и мы с великим трудом нашли их,—переселились в Кузьмину-Гать, где председатель Зимин дал нам квартиру у польского подданного Пашкевича, против самой станции.

В это время крестьяне села Кузьмина-Гать были дезорганизованы и совершенно не подчинялись сельсовету. Сельсовет все время прятался по ямам и погребам, т. к. бандиты то и дело завертывали в окраины села. Кроме того, в Кузьминой-Гати были „свои бандиты" 47 человек—главные из них—Подхватилин Роман, Рощинин Клим, Романов Григорий, Вотомский Григорий. Они наводили на село ужасную панику, уводили лошадей у граждан.

II.

2 мая к нам прибежал из села Подов крестьянин Носов Петр Ильич, убежавший от бандитов, которые разграбили его и хотели изрубить, но, занятые грабежом, не заметили его бегства. Я предложил Носову присоединиться к нам, обещая возвратить его имущество. На это Носов согласился и присоединился ко мне для совместной борьбы с бандитами, я дал ему винтовку и патроны, а брата его Михаила сделал своим разведчиком, он находился в селе Подах и доносил нам все, что там делалось.

5-го мая из Подов прибыли к нам 2 делегата, посланные от общества, которые сообщили, что руководитель банды Васька Карась насильственным образом мобилизовал у них 14 человек, которые теперь против своей воли находятся в его шайке. Я ответил им, что насильственная мобилизация это не оправдание.

— Почему, вот, нас не мобилизуют, хотя нас трое только?— сказал я.—Вот, переходите все на нашу сторону и будем бить бандитов

К вечеру дал телеграмму в Тамбов, чтобы дали мне сотню конных красноармейцев, с которыми я очищу Больше-Липовицкую волость а также все дороги, идущие в г. Тамбов.

Уисполком в ответ на это прислал мне на должность военсекретаря тов. Шишкина И. Е., который приехал с женою, а также коммуниста т. Жданова П. Г.,—члена Волревкома. я их вооружил и привлек к борьбе с бандитами. Через некоторое время разнесся слух, что Панкратов организует свои отряды в селе Кузьминой-Гати на борьбу против бандитов. Ко мне стали стекаться обиженные бандитами крестьяне, которых я принимал и вооружал. Первым приехал Миломаев В. Т. с семьею,—бежавший от бандитов коммунист, вторым явился Миломаев Н. Г. раненый бандитами, у которого жену бандиты убили, затем—Терехов Ф. С., Терехов Сергей с семьей, Винокуров Н. К. с семьей. Весь отряд составился из 12-ти человек, готовых итти за мной в огонь и в воду. Ежедневно я имел перестрелку с бандитами, и был уверен, что меня никто не возьмет. В селе Кузьминой-Гати и Камбарщине я восстановил полный порядок. Крестьяне уж все были на моей стороне. Являвшихся из деревни, хорошо знакомых мне людей, я отсылал к крестьянину деревни Пятницкой, Больше-Липовицкой волости—Игнату Ас. Козову, которому дал наказ—итти к Карасю в отряд и увести оттуда своего племянника, которому Советская власть простила все. Козов выполнил этот наказ и привел 41 бандита. С этого времени бандиты стали ежедневно являться ко мне, их я направлял на пороховой завод, с которым у меня была связь.

10 мая я послал в Тамбов за членом Волревкома Олинцовым И. В и Маломаевым С. Е, но они отказались ехать, говоря,—„что

нам за чужое спасение головы класть,—когда не будет бандитов, тогда мы поедем". Вечером приехали председатель Уполиткомиссии т. Смоленский и член—т. Мачухин. Они дали мне штамп и бланки Райревкома, выразив удивление по поводу того, что я так смело живу, окруженный со всех сторон бандитами. Над этим я только тогда призадумался, когда проводил своих старших товарищей. Действительно я одинок,—живу, брошенный на произвол судьбы, в лесу, где свирепствуют бандиты, но это слабое чувство я подавил в себе и пришел в свой отряд в веселом настроении.

III

2-го июня я, с десятью товарищами команды, выехал на Липовицу на автомобилях, (один—броневик и один—грузовик). В селе Липовице напал на бандитов, которых было 150 человек, они открыли по нас стрельбу, но смелым налетом мы смяли их и обратили в бегство. Разбив бандитов, мои товарищи увидели холсты, брошенные бандитами. Подобрали их, но в это время подошел крестьянин Слышкин и заявил, что холсты вытащены были бандитами у него. Я велел отдать ему холсты и мы поехали дальше. В лесу нас окружила бандитская кавалерия, руководимая „Напком", (Иван Миломаев) Мы разбили ее и обратили в бегство. После этого вернулись обратно в село Кузьмина-Гать. Через день нам заявили, что бандиты пожгли все мосты в Липовице, чтобы Панкратов вновь не устроил налет на них.

14 июня мне донесли из села Подов, что Карась приехал с отрядом в Поды и готовится зарубить 30 красноармейских семей и советских служащих. Я немедленно послал на пороховой завод—просить подкрепления. 15 июня, в 2 часа ночи прибыла рота в 75 человек, к которой я присоединил свой отряд, а сам поехал на разведку. Со мной поехали Штыркин Федор, Воронцовской волости, и еще один разведчик, служивший на пороховом заводе. В'ехав в лес, мы погнали лошадей. Бандитов нигде не видно, Штыркин дорогой сообщил, что посланы 2 роты, вторая другой дорогой наверное пройдет прямо на Поды, у нее кавалеристов больше. Под'ехав к краю леса, мы оставили третьего разведчика дозорным для связи с нами и идущей ротой, а сами, через луг, направились к мельнице Серова И. В., которая стояла на окраине Подов. Недоезжая до мельницы сажень 15, мы увидели, что Поды заняты чьей то кавалерией. Я спросил у Штыркина:

— „Это кавалерия не ваша"?

Штыркин ответил:

— „Черт ее знает! как будто бы наша"...

В это время у мельницы возились с чем-то два кавалериста. У ворот стоял сам Серов и два крестьянина. Я Серову шумлю,—что за кавалеристы находятся в Подах? Серов не отвечает. Один кавалерист поднял голову на нас и крикнул своему товарищу:

— „Это наши или красноармейцы?".

Другой ответил:

— „Чорт,—своих не узнаешь, зачем к тебе поедут красных ска на 500. Наша разведка возвращается."

Тогда мы только поняли, что попали чуть не в самый рот бандитам. Штрыкин повернул своего коня, а мой конь повернул за штрыкинсним. Понеслись бешеной скачкой Нам вослед раздались выстрелы. Вылетел всадник на белом коне, почти нагнал, спешился и выстрелил по нас три ра-за, но пули просвистели над головами, не причинив нам никакого вреда Влетев в лес мы сняли третьего товарища и бешеным галопом бросились вперед чтобы предупредить роту. У меня из-за пояса выскочил наган. Я остановил товарищей. Слез с коня, поднял наган и вижу, что на дороге на песке много свежих следов, которые идут по направлению к Подам, только левее нашей дороги, (здесь имелось разветвление дорог). Мы решили вновь вернуться по другой дороге на Поды, чтобы рота наша не нарвалась так, как нарвались мы. Повернув коней, мы поскакали по следам и на окраине леса заметили свою роту, которая беспечно отдыхала, не ожидая опасности, грозившей ей со стороны банды. Под'ехав к комроты, сделали доклад ему. Рота приняла боевой порядок.

Через некоторое время послышались выстрелы со стороны Подов. Комроты об'яснил их тем, что наша другая рота, входя другой дорогой, столкнулась с бандитами. Велел наступать на Поды. Дойдя до ручья, мы услышали залпы сзади. Бандиты стреляли по нас из леса. Спереди—тоже залпы. Мы поняли, что оказались окруженными, залегли по берегу ручья и начали отстреливаться Нам кавалеристам нельзя было залечь, так как наши лошади не были к этому приучены, от каждой, близко пролетавшей пули они бесились. Пришлось спешиться, повод надеть на руку, отстреливаться и, одновременно, ободрять молодых товарищей. Некоторые товарищи, скрывшись с головой под берег, пускали пули в облака, но—дальше больше, осмелели и стали смотреть куда стреляют.

Когда бандиты пошли в атаку, пришлось кричать:

— „Товарищи усильте огонь и стреляйте правильней! Наше спасение зависит от меткости!"

Огонь был учащен и атака отбита. Комроты скомандовал наступать. Рота встала и пошла. Пулемет, к несчастью, завяз. Пришлось выручать его. Рота тем временем далеко ушла, через ручей совершенно невозможно было проехать,—везде лошади вязли по-уши. А дорога шла мимо засевших бандитов, которых у самого леса отделяло от нас болото. Я спросил у пулеметчиков,—вынесут ли их лошади за моей. Ответили да. Тогда я пришпорил своего коня и, под градом пуль, мы влетели в лес, где

остановилась наша рота. Я стал во главе своего маленького отряда и повел его в левом крыле наступающих на бандитов Бандиты дрогнули и врассыпную бежали, оставляя в лесу подушки, на которых они ездили вместо седел В лесу был отряд в 160 человек (Ваньки „Папка")—бандиты из села Липовицы. В Падах был отряд в 300 человек Васьки Карася, которого разбила подоспевшая к нам на помощь вторая рота. Бой длился $3^{1}/_{2}$ часа. Лично мной было выпущено около 150 патронов, и к ночи мы вернулись в Кузьмину-Гать.

16 июня мы заняли Пады, но бандитов здесь не застали Конфисковали имущество у семей бандитов и роздали его мирным гражданам.

20 июня 21 г. в село Бол. Липовицу прибыла бригада тов. Дмитриенко.

23-го июня я отправлял последние обозы эвакуированных граждан, которых бандиты намечали изрубить. Первый обоз был из Богословских Падов, второй обоз—из Верхних Падов. Им я помог подняться с места, проводил со своим отрядом и разместил в Липовице, в бывшем лазарете.

24 июня восстановил Больше-Липовицкий сельсовет и поставил, организовал райревком и волревком.

25 июня прибыли ко мне члены волревкомов из соседних волостей в числе 40 человек. Дал им провизии и работу. Они помогли мне восстановить разрушенное бандитами. Через реки проложили плотины, мосты были действительно пожжены бандитами,—автомобилям и орудиям проехать было негде.

26 июня тов. Димитриенко приказал созвать общее собрание граждан, проживающих в Липовицах, что и было мною сделано На собрание пришел сам тов. Димитриенко. Граждане окружили его. Тов. Димитриенко потребовал списки бандитов, их семей, их шпионов, их укрывателей. Такие списки у меня были уже готовы, так как более половины граждан уже перешло на нашу сторону и выдали всех требуемых лиц Когда я подошел к тов. Димитриенко и сказал,—что у меня все это уже имеется, Димитриенко сурово посмотрел на меня и ответил:

— „Если у вас имеется, то у меня не имеется а потому прошу в мои дела не вмешиваться"!

Я с удивлением отошел. Тогда Димитриенко потребовал взять по счету из каждых 10 человек одного заложника и об'явил, что дает гражданам $^{3}/_{4}$ часа на составление списков, которых требует, а заложников приказал отвести в амбар и об'явил, что не дадут списков, заложники будут расстреляны. Всех заложников было 156 человек.

Граждане расселись в кружки и начали писать, то и дело обращаясь ко мне с просьбой—научить или пояснить им то, чего они не понимают. Бандиты были вновь описаны и по прибытии

тов. Диматриенко, списки ему выданы. Вечером вновь было созвано собрание, на которое опять прибыл тов. Диматриенко и комиссар бригады, а также были приведены заложники. Выступил с речью комиссар бригады. После него выступил и я. Прежде всего я попросил тов. Димитриенко отпустить заложников, из которых многие помогали и помогают мне, а вместо их собрать виновников. Тов. Димитриенко исполнил эту просьбу. Тогда я потребовал от граждан самого горячего участия в этом деле. Граждане с радостью согласились, и через два часа были набраны новые заложники из числа действительно виновных в бандитизме, а невинные были все отпущены.

С 27-го июня, главным образом, ночью стали являться ко мне бандиты и сдавались с оружием. Семья моя узнавала многих, которые не раз грозили ей расстрелом, уже приложив к виску револьвер. Но я не обращал на это внимания, разоружал всех и немедленно отправлял к уполномоченному особого пункта тов. Зарецкому, находившемуся в отряде Диматриенко. Все бандиты являлись лично ко мне потому, что народ уговаривал их сдаваться Панкратову, который не расстреливает, а до Димитриенко—трудно дойти,—кавалеристы могут расстрелять. Тов. Зарецкий не успевал принимать от меня бандитов и их сообщников.

30-го июня отряд Васьки Карася был наголову разбит. С малым остатком он бросился на Боломестную Двойню, а оттуда —в Усманский уезд, где он сам был зарублен. Вернувшийся оттуда бандит Михаил Миловаев сдался мне и рассказал обо всем.

IV.

12-го июля созвал собрание села Б.-Липовицы и предложил, совместно со мной устроить облаву на бандитов по лесам. Граждане с радостью приняли мое предложение. В числе 450 человек мы выступили, дав знать об этом 136 полку, стоявшему в это время в Кузьминой Гати, который в свою очередь, выслал заставы и дал нам эскадрон кавалерии. Весь лес обошли. Крестьяне нашли трех бандитов.

V.

4-го августа отправился по новому назначению—в Павлодаровку—председателем волревкома. . . . .

С 5-го августа по 20 ноября 1921 г. в Павлодарской волости мною сделано:

1) Поставлены на правильный путь сельсоветы, 2) поставлены на должную высоту отделы Волревкома, 3) заведена статистика и волостные статистики, 4) прекращено неправильное пользование продовольствием, 5) временно уволен штат служащих, 6) ор-

ганизована комиссия помощи голодающим, 7) собрано пожертвованной ржи для голодающих 413 пуд. 18 фунт., 8) собрано полностью 10 фун. с десятины хлеба, 9) своевременно отправлен по назначению хлеб, 10) организована усиленная агитация партработников по волости, 11) организован кооператив волостной и его управление, 12) организована вол'ячейка Р. К. П, 13) организован школьный волсовет, 14) окончен школьный ремонт, 15) открыты избы читальни, 16) введены субботники и воскресники, 17) отремонтирован и открыт нардом, 18) сделана новая сцена для спектаклей, 19) выполнен по волости полностью продналог, 20) организован культпросвет, 21) введена самоохрана по волости, 22) окончена вся запашка земли, 23) окончен весь посев озимого хлеба 24) открыты школы, 25) переизбран волревком и поставлен Волисполком с 15 го ноября, в который граждане избрали и меня; но я отказался, ввиду громадного переутомления. Был выбран гражданами представителем на уездный с'езд, куда и прибыл 20 го ноября.

После уездного с'езда меня направили начальником раймилиции в Сампур, где, пробыв месяц, я заболел от потрясения нервов, лишился даже языка. Через неделю отбыл домой в Липовицы, где нашел свою семью совершенно голодающей и еще больше заболел, не имея ничего, кроме лошади отца, которая не раз спасала мне жизнь во время бандитизма, я продал ее за несколько пудов хлеба.

В настоящее время нахожусь в селе Б.-Липовицы в массе крестьянской, строго слежу за ходом событий, записывая иногда то, что особенно бросается мне в глаза.

Укомпарт прошу поместить мои заметки - дневник в журнал, и, если будет помещено,—прошу прислать журнал мне. Прикрас в моих записках никаких нет,—все упоминаемые в них лица живы и могут подтвердить от слова до слова мною написанное.

Рабочий-шахтер ПАНКРАТОВ Иван Ефимович.

В. Н. КУБЛЯКОВ.

Записки с того света.

I.

Много пришлось мне пережить за время разгула эсеро-бандитских шаек в Тамбовской губ. Давно хотелось поделиться своими воспоминаниями и разсказать о зверствах, которые чинились бандитами, да все не представлялось случая. Только теперь, когда узнал, что выходит специальный сборник, посвященный антоновщине,—решил во что бы то ни стало урвать время и написать, как умею, о том, что было пережито лично мною.

Мне не пришлось быть свидетелем возникновения антоновщины, потому что в 1920 г. я, вместе с моими двумя братьями (впоследствии убитыми антоновцами), служил в гор. Ташкенте в Красной армии и прибыл в Тамбовскую губ. только в конце сентября 1920 г., после длительной и тяжелой болезни—тропической малярии. Только прибыв в Тамбовскую губернию на ст. Вернандовку (впоследствии сожженную бандитами), как мне уже из разговоров пришлось узнать, что здесь оппернруют банды во главе с Антоновым.

В то время, как я болел и не имел возможности выбраться из деревни Орловки, бандитизм развивался, ширился и, в конце концов, когда я стал выздоравливать, он уже отрезал мне все выходы. Я оказался окруженным плотным кольцом бандитизма. Однако, мысль об от'езде из этого кольца меня не покидала и я все время выбирал случая, чтобы им воспользоваться. Наконец, мы, вместе с семьей решили выехать 14-го марта 1921 г, т. е. в первый день великого поста. Ждать больше не представлялось возможным потому что по нашему адресу стали сыпаться угрозы. Но выехать нам не удалось,—лазутчиками бандитов были замечены наши приготовления к от'езду и 13 марта 1921 г, накануне от'езда, на прощеный день масленицы (так чтамый крестьянами), часа в 2 дня шайка бандитов из семи человек во главе с П. И. Петрасовым, из села Дворянщины Курозщинской вол., Кирсановского уезда произвела налет. Я был схвачен по дороге с мельницы в дер. Орловку, в которой мы тогда жили и куда меня вызывали мужики на сход для обсуждения вопросов, связанных с бандитизмом (бандиты ввели тогда свою разверстку). Окружив меня, отобрали у меня книжку с документами и под конвоем вернули на мельницу, которая принадлежала моему

отцу. Дома не было никого, кроме матери. Посадив около меня двух бандитов в качестве часовых, остальные поехали искать моего отца. Через некоторое время привели отца. Начался разгул. Все сундуки начали взламывать и грабить, выбирая самые ценные вещи. Одни грабили сундуки, а другие начали истязать отца, требуя с него денег. Били в две плети до тех пор, пока не устали. Вдоволь наиздевавшись над нами, они стали укладывать награбленные ими вещи на одну из двух пригнанных ими крестьянских подвод. Уложив все награбленные вещи вывели и нас с отцом, приказав нам садиться на свободную подводу. Подводчикам было приказано ехать по направлению к дер. Кочетовка Куровщинской вол.

Между Орловкой и Кочетовкой имеется большая лощина. Подводчик,—парень лет 16 ти, Тимофей Морозов из Орловки, зная уже приемы бандитов—расправляться с нежелательными ими людьми в глухих лощинах и, боясь, что в данном случае не обойдется без этого, стал отказываться ехать, отдавая свою лошадь. Бандиты были взбешены этим и без долгих рассуждений взяли его в две плети, после чего он, конечно, принужден был согласиться. Усадив нас, один из бандитов,—не помню как его фамилия, обращаясь к моей матери, сестре и двоюродному брату, сказал:

—„Ну прощайтесь с ними,—больше вы с ними не увидитесь. Да не сердитесь на нас, а то мы еще приедем к вам завтра“ ..

Тронулись по направлению к лощине, конвоируемые 7-ю верховыми. Что мы здесь пережили,—трудно сказать, но в первое время особенно мы не волновались. Отъехав сажень 50 от дома я сказал отцу:

—„Ну, папаня, давай в последний раз покурим“!

Отец вынул кисет, свернул цыгарку. На другую у нас не хватило бумаги, а поэтому мы решили покурить от одной. Искурив, мы вступили в разговор с бандитами, которых, как было видно, наше хладнокровие страшно злило. Мы стали допытываться—за что они нас хотят зарубить? Мы решили, что они хотят нас именно зарубить, т. к. ехавший сзади нас бандит то и дело вынимал шашку, приговаривая.

—Вот ваша смерть!

Однако, ответа на свой вопрос мы с отцом не получили.

Начали приближаться к лощине. Отец не выдержал и стал их просить, призывая в свидетели бога в том, что он ни в чем не виноват. В ответ ему сыпалась брань и насмешки, да показывалась обнаженная шашка. Я молчал. Я боялся, что не выдержу умоляющих просьб отца и обнаружу свое волнение,—старался думать о другом.

II.

Вот и пустынная, занесенная снегом лощина с едва заметной дорогой, на которой мы остановились.

Две лошади с пугливо жмущимися к ним подводчиками да семь человек рассвирепелых бандитов,—вот и все свидетели, при которых нам предстояло умереть. А солнце, как на-зло, так ярко светит, заливая блеском ослепительно белый снег. Но блеском этим нам не дали налюбоваться, да и нам было не до того. Трое из бандитов поспешно соскочили с лошадей, сдав их подводчикам. Сами торопливо, дрожащими руками стали отвязывать два конца веревок. Видно и им эта „работа",—убийство безоружных и беззащитных была неприятна. Раздели нас и, оставив в одном нижнем белье, стали связывать нам с отцем руки назад.

Как сейчас помню отец не выдержал и стал просить их—пощадить его старика. (Ему было 52 года).

Мне было жаль его,—жаль и семьи, остающейся совершенно одинокой и я тоже начал просить их. Предлагая им зарубить только меня, но оставить его,—ни в чем неповинного старика.

Я им говорил:

— Ну, я—коммунист и вы разрубите меня, как коммуниста, но ведь он—не коммунист,—за что же вы его хотите рубать? Рубите меня,—его же оставьте, не оставляйте семьи безприютной Если вы решили бороться с коммунистами, то убивайте меня, а не его.

Только тут ему было пред'явлено обвинение в преступлении которого он никогда не совершал.

— „Он"—говорят,—„старая собака, узнает как в Бога ругаться"!

„И продолжали делать свое христианское дело", ругаясь сами немилосердно в того же бога, во славу и защиту которого они рубили беззащитного старика.

Я увидел, что мои слова и просьбы напрасны. Замолчал и подчинился безпрекословно связыванию. Да и что я мог сделать, находясь невооруженным среди этой своры! Я принужден был подчиниться, стараясь только о том, чтобы не дать им лишнего козыря в руки,—не проявить своих чувств и волнений.

Связав нам руки, нас развели. Отца отвели направо от дороги, шагов на двадцать, меня—налево.

С меня не были сняты сапоги и брюки, а потому, отведя меня, приказали сесть, чтобы удобнее было снять то и другое. С левой ноги сапог снялся легко, а с правой не снимался,—был тесен, а поэтому один бандит предложил попросту отрубить мне ногу и только мое замечание спасло меня от этого.

— „Тяни уж!"—сказал—„Огрубишь,—все равно пропадет сапог, потому что и вовсе не вынешь ноги. Упирайся в мою ногу и снимай".

Сапог был снят вместе с носками и брюками и я остался в одном белье. Отца в это время мне не было видно. Я только слушал хлестанье плетей и его душераздирающие крики, которые были слышны за версту, как потом выяснилось в деревне.

Раздев, бросили меня на снег, лицом вниз и началась та же процедура избиения. Сколько раз меня ударили плетью я не помню,—знаю только что крика они от меня не услышали.

И вот я слышу как вынимают шашку из ножен. Я инстинктивно приготовился встретить удар, который должен покончить мое существование. О чем я тут думал? Кажется ни о чем, и, в то же время, о многом Я втянул как только мог глубже голову в плечи, что, я думаю, отчасти меня и спасло, так как первый наиболее сильный удар пришелся не по сонной артерии, а в затылочную часть черепа. Он причинил мне страшную боль,—в глазах у меня сразу потемнело и посыпались искры,—миллионы искр. Остальные я уже не чувствовал,—только слышал глухие удары, а сколько их было я не мог уследить и уловить—я мало что сознавал. Однако я слышал, как рубивший меня бандит вложил шашку в ножны и стал садиться на лошадь.

Я слышал как он от'ехал и стал разговаривать с остальными бандитами, поджидавшими его. Вследствие ли потери крови или другой причины, но я почувствовал ужасную боль во всем теле и потрясающий холод охватил меня Чтобы избавиться от этого,—я инстинктивно пошевелился, хотя и отлично сознавал, что всякое движение может мне причинить окончательную гибель.

Мое движение было замечено бандитами и слышно было как они говорили:

— „Ванька, схай, переруби ему горло, а то он еще живой"!..

Несмотря ни на что мне умирать не хотелось и, услышав это, я пустился на хитрость: еще слегка пошевелился, вздохнул, дернулся и, притаив дыхание, замер.

По всей вероятности увидев это Ванька сказал:

— „Он сдох, а если еще не сдох, то все равно замерзнет. Едемьте"!

И поехали...

III.

Сколько я так лежал не помню. Знаю только, что дождался когда в лощине стало совершенно тихо. Прислушавшись я решил приподняться, чтобы убедиться—все ли уехали. Приподнявшись, я в первое время ничего не увидел, потому что голова страшно кружилась и глаза застилало каким-то туманом Однако, оглядевшись как следует, я увидел, что в лощине нет никого,—видны

только мои разбросанные портянки да лежащей в стороне отец, издающий предсмертные хриплые звуки.

У меня хватило сил приподняться на колени. Приподнявшись, я думал доползти до отца, чтобы, если и придется умереть то на его трупе Был расчет и на то, что на теплом теле отца я дольше продержусь и, может быть, дождусь помощи,—так не хотелось умирать в 24 года. Однако,—сил не было стоять на коленях. Руки были связаны. Попытка развязать их не привела ни к чему, потому что концы пальцев закоченели. Да и изрубленная голова падала на грудь, заливая всего кровью. Я лег, ногами сдвинул портянки, положил на них голову, а в шапку всунул ноги и приготовился замерзнуть.

Вдруг, некоторое время спустя, слышу скач верхового, который, спустившись в лощину, проезжал мимо меня.

Я приподнялся и увидел бандита Алексея Пимочева из села Максимовки, Митропольской вол.—довольно хорошо мне знакомого, т. к. он на мельнице неоднократно молол хлеб.

Я его окликнул, да он, по всей вероятности, и сам заметил, что я еще жив.

Обращаясь ко мне он сказал:

— Василий, ты еще жив!

— Да,—я говорю,—жив. Развяжи мне руки,—мне неудобно лежать, да скажи пожалуйста—за что вы меня изрубили? Ты сам знаешь, что я никогда никому плохого не делал.

— Я,—говорит,—в этом не участвовал и когда узнал, что вас хотят зарубать, то поскакал, чтобы заступаться, да не успел.

Я еще раз повторил просьбу,—развязать мне руки. На это он сказал:

— Все равно тебе умирать!—и поскакал дальше.

Впоследствии я узнал, что во время нашего убийства он находился в соседней дер. Павловке, наблюдая, чтобы никто не помешал этому делу.

Я вновь остался один в безмолвной лощине. Сколько я так лежал,—не помню. Только слышу вдруг что по направлению от деревни раздается топот многих человеческих ног и голоса. Хотел приподняться, но не было сил. Я был в каком то забытии.

Подходят, окружают меня со всех сторон, спрашивают, жив ли я. Я отвечаю и прошу вновь развязать мне руки, но никто не оказал мне никакой помощи и даже не подошел близко. Поговорили со мной, посмотрели и ушли. И вновь в лощине могильная тишина,—только крик ворон, откуда то появившихся, нарушает ее.

Минут через двадцать вторая партия—человек в 20 пришла,—так же как первая посмотрела, поговорила и ушла, а с

ними ушла от меня и всякая надежда на спасение. Я замерзал,— потому что никакого холода уже не испытывал.

Но вот вновь бегут люди, окружают меня, наклоняются ко мне, спрашивают меня—живой ли я. Я открываю глаза, отвечаю, что жив. Один из них—Сергей Гайдуков моментально развязывает мне руки, другой—Михаил (не помню как его фамилия) надевает мне перчатки, третий—Поликарп Юдаев снимает с себя чулки и надевает мне на ноги. Кто-то укрывают меня шинелью. И вот что удивительно,—я одну перчатку надел на руку сам. После этого, посоветовавшись между собой,—они решили нести меня на руках домой. Поликарп Юдаев снял с своего хромого брата пиджак, подложил его под меня и вместе с Николаем Самаревым, Любовью Гайдуковой и Агафьей Будановой понесли меня домой.

В то время, как все это происходило в лощине, мои братья и сестра бегали по дер. Орловке в поисках лошади, чтобы привезти нас из лощины, но ни один из крестьян не давал, боясь расправы бандитов, которые, уезжая, приказали, чтобы нас никто до их приезда из лощины не трогал. Из всей деревни только один Морозов дал лошадь, которая и встретила несущих меня на руках уже около деревни. Трудно было нести меня. Пиджак— короткий. Подхватят меня под голову,—я прошу их:—„Ребята, бросьте, вы разрываете мне раны“.—Опустят ниже,—у меня голова болтается и мешает им итти, да при том и углы пиджака, когда их держишь в перчатке, выскальзывают, а без перчаток у них руки мерзнут. Но, несмотря на это, они не бросали и продолжали нести до тех пор, пока их встретила подвода, на которой и отвезли меня домой. После этого подвода вернулась за отцом. Меня же внесли в избу и положили на пол среди избы. Здесь только когда я попал в теплое помещение, я вновь испытал весь тот холод, который мне пришлось перенести и который для меня был мало заметным на открытом воздухе.

Все внутри меня дрожало,—дрожал, кажется каждый нерв и в то же время я испытывал во всем теле ту щемящую боль, которая бывает в отмороженных частях тела. Я просил, чтобы принесли снегу и растирали все мое тело, одновременно прося мать затопить железную печь. Сестра принесла снегу и стала меня растирать, а мать, плачущая, еле держащаяся на ногах, растопила печь. От снега мне стало легче, и я попросил, чтобы меня положили на кровать.

Только меня положили—привезли мертвого отца, с почти совершено перерубленной шеей. И вот в избе ночью, с мертвым отцом и мною,— почти умирающим, остались обезумевшие от горя мать с сестрой и двоюродный брат Матвей с моими двумя братьями Александром и Степаном. Всю ночь они не заснули, да и можно-ли было думать им о сне в такое время,—я постоянно

требовал ухода, так как только я отогрелся, у меня вновь открылось кровотечение. Чтобы хоть отчасти приостановить его, сестра изорвала рубашку и забинтовала мне голову, перевязка моментально оказалось окровавленной. Послали двоюродного брата Матвея в деревню—поискать свинцовой примочки. Принесли не примочку, а французский скипидар. Они залили все мои раны французским скипидаром и замотали голову Голова моя словно в огонь попала,—между тем кровотечение не останавливалось. Изрубленная шея и голова, а также избитая плетью спина не давали мне никакой возможности лежать, всю ночь сестра и мать принуждены были ворочать меня с боку на бок К утру, вследствие огромной потери крови, я стал терять последние силы и сознание. Тут я подозвал среднего брата Александра и сказал:

— „Шурка, я должно быть умираю,—отомсти за меня и отца,"—и почти тут же потерял сознание. Мать говорит, что я еще вспомнил про жену, которая в то время жила в Самаре и с которой мы раз'ехались вследствие войны. (Жена теперь уже погибла от голода).

IV.

Очнулся я от настойчивого голоса брата, который меня все время, стараясь разбудить, звал:—„Василий, Василий!". Когда он увидел, что я очнулся, сказал мне, что хочет везти в больницу и что лошадь уже приготовлена. Я приподнялся и говорю —„нужно в больницу, иначе я умру". Я сел на кровать, надел брюки, пиджак, валенки и встал, чтобы идти, да не мог,—меня взяли под руки и вывели до повозки Выехали мы приблизительно часов около 10 или 11 дня и—счастье мое было, что мы так рано уехали, потому что часа в 2 дня бандиты вновь нагрянули, разграбили все то, что было еще не взято ими, избили плетью и прикладами мою мать старуху 52 л., хотели зарубить мою сестру, но не пришлось, т. к ей удалось бежать из той избы, в которую они ее заперли—ей помог уход приставленного к ней часового, которому стало обидно, что остальные бандиты грабят, а ему ничего не достается,—он не вытерпел и побежал грабить.

Как долго мы ехали (в сторону села Бондарей), я не могу сказать, но мне показалось, что мы доехали чрезвычайно быстро, потому что я большую часть был без сознания и пробуждался только тогда, когда меня особенно донимала рвота, которая происходила вследствие того, что воздух проникал в область мозга. И вот, в одно из таких пробуждений, я слышу вдруг невдалеке идет ружейная и пулеметная перестрелка. Оказалось, что мы приехали в село Вердеревщино, Пащенкинской вол., которое находится от села Бондарей в трех верстах. В Бондарях в это время шел бой нашего Московского отряда из 200, кажется, с лишним человек с наступающими на него с трех сторон во главе с Ан-

тоновым бандитам, которые в день нашего убийства стояли в селе Максимовка в 4 вер. от дер. Орловки. Таким образом, от Бондарской больницы я оказался отрезанным. Мало того, что отрезан, мне необходимо было немедленно удалиться, так как отряд, защищавший Бондари, под давлением огромного числа бандитов, оставил Бондари и пошел в отступление. Бандиты же растянувшись цепью, начали, если так можно выразиться — „закрылять“ и тот конец села Вердеревщины, в котором мы с братом находились. Братишка, видя такое положение дел, сбегал к Шитову, — бывшему председателю В. И. К., исполнявшему в то время обязанности коменданта или еще что то вроде того, взял у него пропуск и немедленно отправился со мною в сторону села Пащекина. Прибыв туда, мы заехали к проживающему там фельдшеру Борису Михайловичу (фамилию не помню), которого заставили сделать мне перевязку, хотя вначале он отказывался, говоря: — „напрасно, все равно он у вас дорогой умрет, — не довезете вы его до больницы!“.

После перевязки меня вновь вынесли на халате, уложили в сани и мы направились в сторону села Саюкино. Прибыв в Саюкино, меня положили в больницу, где немедленно мне промыли все раны и зашили. Насколько я был слаб в то время, судить можно по одному тому, что, когда меня уложили в кровать, заведующая больницей — врач Казанская, осмотрев меня, сказала фельдшерице Вере Степановне:

— „Зашейте ему раны, Вера Степановна, как нибудь, — все равно он к вечеру умрет“.

Но спасибо ей, Вере Степановне, — она зашила ни „не как нибудь“, а как следует. Раны пришлось затягивать сиделке, а ей шить.

Дня четыре я не мог ничего есть вследствие того, что не мог стиснуть зубы. С четвертого дня я медленно, но верно, начал поправляться и уже недели через две начал вставать с постели и ходить. Находясь в больнице, я вновь побыл в руках бандитов. Это было в апреле м-це, когда бандиты прошли через Саюкино и между дер. Плетнями и Рождественской попали в кольцо красных войск. Во время перехода через село Саюкино бандиты навестили больницу. Сиделки нас больных — предупредили. Врач, положительно, не знала, что со мной делать. Металась, боясь, что ее будут расспрашивать, — откуда у нее больной с изрубленной головой. Но все обошлось благополучно. Когда появились бандиты на больничном дворе, я лег в постель, повернувшись лицом к двери, минут через 20 входят один бандит с красной ленточкой на шапке, с винтовкой и шашкой и спрашивает:

— Товарищ, у вас больных красноармейцев нет?

Долго ему никто не отвечал и мне, чтобы нарушить это подозрительное молчание, пришлось самому ответить:

— „Нет, товарищ, здесь все из деревень“.

Пристально посмотрел он на меня, но ничего не сказал и вышел. Тем и кончилось. Не попался я им только потому, что про меня никто ничего не сказал,—несмотря на то, что все знали, что я—бандитами изрубленный коммунист и, вдобавок, предупредили меня, иначе я, увидя так хорошо обмундированного и вооруженного человека, мог его принять за красноармейца и попасть на его удочку, когда он спрашивал про больных красноармейцев.

V.

На другой день после от'езда бандитов стало слышно, что их почти всех порубили. После этого я долгое время лечился спокойно, но вдруг, 8 го апреля рано утром заявляется ко мне в больницу вся в слезах, измученная, еле держащаяся на ногах мать. Едва только она увидела меня, как с криком бросилась ко мне, сообщая, что Александра и Степана бандиты зарубили. Весть эта ошеломила меня, но я ей особой веры не придал,—стал выспрашивать у матери—откуда она узнала об этом. Из расспросов выяснилось, что у нас вышла вся мука и братья пошли в дер. Любовку, Пащекинской вол. за купленными там—2 пуд. муки. Встав рано утром, они отправились в дорогу, да пошли не по проезжей дороге, а лощиной и когда подошли к деревне близко, то были замечены караулом бандитов, ночевавшими в то время в дер. Любовке, были ими схвачены и зверски изрублены. Все эти подробности удалось выяснить только впоследствии. Мать мне рассказала только, как они ушли, как приехали к вечеру бандиты в дер. Березовку (в которой в то время жила мать) и хвалились, что сыновей мельника—„этих шпионов и коммунистов“—изрубили. Мать, услыша это, в ночь, с моим двоюродным братом бросилась бежать ко мне в Саюкино, несмотря на то, что до меня было верст 15, и уже началось половодье,—все лощины были полны воды. В одной лощине они чуть было не утонули. Кое-как выбрались. Мать выбилась из сил. Подошли к дер. Плетни все мокрые, измученные, голодные, продрогшие. Стали проситься к мужикам, но их никто в избу не пустил. Они забились в солому и там почти до самого утра просидели, а потом пошли дальше.

Я мало поверил всему рассказанному,—я знал, что братья—ребята проворные и легко их не обманешь да иначе вышло. На следующий день ко мне пришла жена брата (Александр женился в январе) и подтвердила, что братья действительно убиты.

Тяжело мне было это пережить, потому что я братьев любил, вместе с ними служил в армии и, вообще, всегда жил в

согласии и дружбе. Но некогда было горевать и раздумывать,— через несколько дней красные оставили село Саюкино, т. к. бандиты заняли Рассказово. Мне, вместе с матерью и двоюродным братом, пришлось уходить из больницы. Едва дошел я до ст. Платановки. Тут происходила толчея,—из Рассказова все прибыли сюда, поместиться было негде, а мне требовались перевязки и покой,—я еще был очень слаб.

Как только представилась возможность, я переехал в Тамбов. Приехал в Тамбов,—долгое время ютился кое где, так как квартир не было, несмотря на то, что Уком просил Зав. Жил. П/отд. т. Судомовна представить мне таковую, я остановился у одного знакомого за Цнинским мостом, т. П. К. Якушина, у которого и прожил целый м-ц.

В начале мая я был уже откомандирован Уисполкомом в Пахатно Угловской Райревком, хотя мои раны еще едва затянулись, т. к. я только на Пасху снял повязки.

В Ревкомах трудно было работать по одному тому, что я был страшно слаб,—а жизнь—беспокойная и питания не было. Иногда не ели по целым суткам. Днем работаешь по обыскам,— ночью, только ляжешь одетый, обутый,—тревога и ты, не сомкнувши глаз, начинаешь новые сутки.

Но все это миновало, так или иначе, наши труды не пропали даром, бандитизм пошел на убыль, а впоследствии и совсем был ликвидирован.

Много зла и вреда он принес тамбовскому крестьянству вообще, особенно много мне и моей семье.

Даже тот извозчик, который возил меня с братом в больницу и тот на другой день своего приезда был зарублен бандитами в селе Дворянщине, жителем которого он был. Вот до чего доходила злоба обманутых эсерами людей! Моему отцу пришлось лежать больше недели в землянке непохороненным, потому что бандиты запрещали это делать. Похоронили его, крадучись, и при похоронах не было никого из нас, оставшихся в живых, а мне и до настоящего времени неизвестно даже то место на кладбище, где он зарыт вместе со своими сыновьями —за работой не представлялось возможности побывать там.

Все прошло, все минуло,—осталась на память мне только изувеченная навсегда голова, которой и в настоящий момент приходится несмотря на то, что даже спать она не дает,—работать, работать и работать, чтобы навсегда изжить из нашего народа ту темноту, которая дает добрую почву для работы авантюристов вроде Антонова.

В. Ф. Кубляков.

Приложение к воспоминаниям тов. В. Н. Кублякова.

ДВА АКТА.

8-го декабря 1921 г. я, председатель Орловского Сельсовета, Бондарской вол., Тамбовского уезда Красников Степан, совместно с секретарем Расскозовым Матвеем, составили настоящий акт в следующем: 13 го марта 1921 г. на семью Николая Кузьмина Кублякова, проживающего в дер. Орловка, Бондарской вол., Тамб. уезда, бандитами окрестных сел был произведен налет. Жертвой бандитского налета были—гр. Николай Кубляков с сыном Василием Кубляковым, которые были взяты бандитами и на подводах местных граждан увезены в лощину, отстоящую от деревни Орловка в $1\frac{1}{2}$ вер, где и были изрублены, причем гр. Николай Кибляков на смерть, а сын его Василий получил 8 ран в голову и пролежав раздетым на снегу более 2 часов, был подобран гр-нами дер. Орловка Поликарпом Юлаевым, Николаем Самаревым, Любовью Гайзуковой и Агафьей Поляковой и был ими доставлен в дом. Благодаря помощи вышеназванных гр-н, остался жив. Имущество семьи гр. Николая Кублякова, состоящее из домашних вещей и денег, было бандитами все разграблено. Скот был взят у него еще раньше в первый налет Все вышеуказанное в настоящем акте Орловский Сельсовет подтверждает и своими подписями удостоверяет.

8-го декабря 1921 г. За неграм. председателя Красникова по его просьбе расписался Самаров.

Секретарь Рассказов. Действительность сего Бондарский Волисполком удостоверяет. 21 декабря 1921 г.

Председатель (подпись). Секретарь (подпись). м. п.

11 декабря 1921 г. я председатель Любовского Сельсовета, Пащекинской вол., Кирсановского уезда, Петров Григорий, совместно с секретарем Комаровым Андрианом составили настоящий акт в следующем: 7-го апреля 1921 г. в дер. Любовка, Пащекинской вол., Кирсановского уезда, шайкой бандитов во главе с Петраевым И. И. пойманы и были зверски изрублены гр-не дер. Орловка, Бондарской вол., Тамб у. Александр и Степан Кубляковы. Причем Александру голова была отрублена почти прочь и исколон был шашкой, а Степану изрубили все лицо, перерезали горло и искололи шашкой все тело, рубили обоих со связанными руками назад. Изрублены были, несмотря на защиту у собрания гр. дер. Любовка. Все вышеуказанное в настоящем акте Любовский Сельсовет подтверждает и своими подписями, с приложением печати, удостоверяет.

11 декабря 1921 г.

Председатель Сельсовета *Петров*. Секретарь *Комаров*. м. п.

ОТДЕЛЬНЫЕ ЭПИЗОДЫ.

РАВЕР.

Связь эсеров с Антоновым.

(Еще одна справка).

В 1918 году в марте и апреле месяцах состоялась уездная конференция Кирсановской организации партии эсеров. На ней был поставлен вопрос о взаимоотношениях с большевиками. Было постановлено, чтобы члены партии эсеров не занимали ответственных постов большевистской власти, а обратили самое главное внимание на укрепление своих низовых партийных ячеек, организации боевых единиц и их вооружении.

Среди участников конференции особенно выделялись Павел Перекальский и Гришин—пом. нач. милиции г. Кирсанова, которые настаивали на применении террора против большевиков: особенно настаивал на этом Перекальский.

В это время в кавалерийском полку началось брожение среди солдат на почве неправильных действий командира полка Михневича, — меньшевика-интернационалиста. Скотникова и Лопатина — членов РКП и левого эсера Прокофьева арестовали в полку. На заседании Уисполкома, где был Антонов, который занимал в это время пост начальника уездной милиции, и начальник районной милиции Заев требовали освобождения вышеуказанных арестованных, угрожая чуть не вооруженной силой освободить арестованных. УИК отказал. Это была первая схватка Антонова с Уисполкомом. После этого Антонов и Баженов пришли на эсеровскую конференцию и предложили, чтобы последняя потребовала освобождения арестованных или же взяла бы их на поруки. Конференция постановила просить Уисполком дать на поруки комитету партии эсеров под залог арестованных, но им в этом было отказано, и с этих пор начинаются трения между Уисполкомом и милицией. Антонов с этого времени начал держать себя скрытно. Впоследствии выяснились цели и задачи Антонова.

Таким образом, как ни отмахиваются эсеры от Антонова, но факт, что Антонов выполнял директивы эсеров и что уже в 1918 году, будучи начальником милиции, он также снабжал эсеровские ячейки оружием—остается фактом.

МЕНЬШОВ.

Антонов в Кирсанове.

(Из истории возникновения восстания).

В 1918 году в августе месяце, только через неделю после ухода Антонова в отпуск, Уком меня назначил Предучека. Слухи о контр-революционном заговоре носились в городе еще тогда, когда Антонов был в Кирсанове, но, видимо, этим слухам мало кто придавал значения. Только Чека в то время уже следила за Антоновым. Как случилось, что Антонову Отдел Управления дал отпуск—не могу себе представить.

Спустя недели две после его ухода в отпуск агентура обнаружила потерянный эсерами портфель с разными бумагами. Среди них была контр-революционная переписка, в которой говорилось о подготовке к разгрому Уездного Совета, плановом терроре на ответственных работников и т. д. В переписке высказывалась уверенность заговорщиков, что милиция поголовно будет с ними. Мы, получив этот материал, немедленно командировали взвод из Карательного отряда для поимки Антонова, который по слухам жил в то время в Инжавине, Лощилина и Заева,—начальников милиции 4-го и 3-го районов, назначенцев Антонова. В Инжавино отправился я, а за Заевым—тов. Шараков. По приезде в Инжавино я вечером взял с квартиры Лощилина, который был хорошо вооружен. Затем я бросился искать Антонова в Солововском лесу, но все поиски были тщетны. Лощилина я отправил в Кирсанов с конвоем, а через день был приведен и Заев, окруженный в своем районе отрядом Чека. Через день Заев и Лощилин, по постановлению Чека, были расстреляны.

Эсер-бандит АЛЕКСАНДР АНТОНОВ.
Последняя фотография, снятая во время пребывания Антонова в Кирсанове в 1918 г. Печатается впервые

Р А В Е Р.

Нападение банды на г. Кирсанов.

(25-го апреля 1921 года).

24-го апреля 21 года по полученным в политбюро сведениям банда Антонова двигалась из Соколова по направлению на село Кобяки, о чем был поставлен в известность Оперштаб и Уком. В 12 часов ночи того же дня сведения эти подтвердились разведкой городской конной милиции: банда действительно подходила к Кобякам и держала путь на Кирсанов.

Уком немедленно отдал приказ о сборе коммунаров. Это было в 12-1 ч. ночи. Находившийся в городе,—бронеотряд под командой члена РКП т. Васькина был выведен из гаража в полной боевой готовности.

Часа в 3 или $3^1/_2$ ночи раздался первый пушечный выстрел. Это был сигнал для сбора коммунаров и это уже было начало борьбы с бандой, так как она наступала со стороны Кобяков и подходила вплотную к орудиям. Первые вступили в борьбу артиллеристы, которые были разбужены выстрелом и кинулись прямо с постели к орудиям. Так как банда подходила почти вплотную и кидалась в атаку на орудия, артиллеристы начали обстрел банды картечью и пулеметом. Наступление Антонова совпало со сменой частей бригады З. В. О., которую сменил первый Московский полк ВЧК. Батальон, расположившийся в пригородной слободе Хохлушине, также вступил в бой с бандой, будучи почти в одном белье.

Банда двинулась с Казбинской улицы по направлению на Хохлушину и вышла на Тамбово-Саратовскую, по Монастырской на Большую улицу и к Оперштабу и лугом, прилегающим к железной дороге, на Грязную улицу. Таким образом город фактически был взят с трех сторон. Ворвавшаяся банда насчитывала 250 человек под командой Сошинского. Банда рассыпалась на площади города в торговых рядах, кинулась к зданию, где сидели арестованные бандиты, с криком:

—«Ура товарищи, выходи, бей комуньков! Даешь Кирсанов! Да здравствует учредительное собрание»!

Со стороны Пурсовки открылась пулеметная стрельба по этой банде. Она кинулась по направлению Советской ул. и на Коммунистическую вышла и бежала в болотистое место, где многие бандиты с лошадьми загрузли.

На площади бандиты кинулись было к броне-машинам. Находившиеся в Укоме коммунисты должны были уже под выстрелами залечь в цепь.

После того как банда была выбита из торговых рядов и из-за церкви, коммунарами была занята ограда церкви, откуда обстреливались убегающие в панике бандиты.

Бой в городе длился не больше минут 15—20.

Главные силы бандитов, которых по нашим сведениям в это время было 7 полков, находились по Кобяковской дороге и должны были наступать со стороны Пурсовки, но так как ворвавшихся бандитов постигла неудача и они бросились в панике бежать, то это отрезвляюще подействовало и на остальных бандитов, которые и вынуждены были отступить по Кобяковскому тракту, что можно было наблюдать даже простым глазом, так как это было уже на разсвете.

По окончании боя выяснилось, что с нашей стороны был убит один беспартийный красноармеец, а бандитов—человек 18. Захвачены пленные бандиты. В своих показаниях они говорили, что не ожидали такой встречи и были вполне уверены, что в городе нет никаких воинских сил, кроме коммунаров. Они шли наверняка и думали в городе поднажиться,—всех ответственных работников перебить, причем список коммунаров с адресами был ими заранее составлен.

Нужно отметить, что в эти дни борьбы с бандой Антонова Кирсановская организация как никогда была спаяна единой волей, дежуря по целым неделям, не закрывая глаз, выполняя все возлагаемые на нее задачи с успехом.

И. КЛИМОВ.

В 1919 году.

I.

Осенью 1919 года. банда Антонова напала на инжавинское отделение Упродкома. В то время уезд был на военном положении и в районе Инжавино работал Ревком. В этот день был какой то митинг в народном доме. Вся милиция и члены Райкома находились там. В отделении Упродкома происходило заседание коллегии под председательством тов. Пьяных. В 7 час. веч. занятия в Упродкоме еще не кончились,—оставалось человек 15 сотрудников и 20 крестьян. которые получали квитанции за сданный ими продналог. Вот в это время и нагрянула банда Антонова.

Она окружила отделение в две цепи. Туда пропускали всех, а оттуда—никого. Бандиты вошли в здание и скомандовали—«руки вверх»! Их было семь человек. вооруженных 2—3 наганами и браунингами каждый. Кроме того у каждого были бомбы. часть оружия была в руках. а часть—за поясами и голенищами. Двое грабителей вошли в комнату, где заседала коллегия, скомандовали «руки вверх»! Тов. Пьяных. вместо того, чтобы поднять руки, опустил их в карман,—хотел достать оттуда оружие, но оказалось, что его револьвер остался в шубе, которая висела в другой комнате. Один из грабителей подбежал к нему и закричал:—Зачем полез в карман?

Тов. Пьяных на это ответил:

— За папиросами.

Бандиты попросили угостить их. Потом они вызвали казначея. потребовали от него отчет и, по проверке отчета, взяли все деньги из кассы. около миллиона рублей. Всех сотрудников и крестьян. которые находились в отделении, отвели в соседнюю комнату и стали допрашивать. Один из сотрудников, фамилию которого не помню. прямо заявил, что он коммунист. Отделили партийных от беспартийных. Партийных—расстреляли (их нашлось трое). Расстреляли и сторожа—австрийского пленного. Арестованным беспартийным об'явили. что весь гарнизон занят бандой. ревком—расстрелян. Волисполком и милиция—арестованы, Кирсанов—в руках банды. Запрягли пару лошадей из отделения. забрали пишущие машины. часы стенные, кое какую одежду, умывальник, зеркало, с пуд соли, пуда полтора сахару. свежины и уехали. Милиция моментально выслала отряд в погоню. но розыск остался безрезультатным.

II.

Месяца через два, при облаве на инжавинский лес, были выгнаны 12 бандитов. Поймать их не удалось, но в лесу была замечена замаскированная землянка, в которой был пойман один бандит, оставшийся дежурным. Все вещи, взятые в инжавинском отделении Упродкома, были найдены тут,—кроме того нашлось пар 30 солдатских сапог, штук 30 винтовок. Землянка была из 3-х комнат.

III.

Примерно в августе 1919 года, в с. Калугине, секретным пунктом Особого Отдела 56-й, кажется, дивизии, был арестован бандит из шайки Антонова, который несколько раз арестовывался и совершал побеги. Сотрудники, в числе 10-ти человек, остались ночевать в Волисполкоме,—арестованного связали и положили на диван. Часов в 12 ночи Исполком был окружен бандой человек в 60. Освободили всех посаженных в арестантское помещение и стали требовать арестованного бандита. Началась перестрелка. Было брошено несколько бомб как раз в ту комнату, где лежал связанный бандит. Он был ранен, но несмотря на ранение, выпрыгнул в окно и удрал с бандой. Из числа сотрудников 3 были тяжело ранены.

IV.

В конце 1919 года в Иноковке, в доме Токмакова, были выслежены Токмаков с Антоновым. Местные коммунисты и милиция окружили дом. На вызов никто не выходил и двери были заперты. Тогда принесли керосину и зажгли дом. На пожар собралась толпа местных. Вдруг открылось 3 окна, из которых полетели бомбы. Среди толпы поднялась суматоха. Из дома выскочили Антонов, его брат и Токмаков, начали бросать во все стороны бомбы и очищая себе таким образом дорогу—скрылись.

V.

В томже 19-ом году,—в каком месяце—не помню, инжавинскому предволкомпарту тов. Полатову было сообщено, что Антонов с братом и Токмаковым, остановился ночевать в одной хате. Тов. Полатов собрал человек 15 членов партии и часов в 11 вечера—очень темного—отправился на облаву. Окружили дом. Тов. Полатов был слишком горяч,—подошел к двери и стал стучать, чтобы отворили. Дверь отворилась, показавшийся в дверях Антонов сделал два выстрела. Полатов тут же упал, цепь спуталась и Антонов убежал в лес, где он и скрылся. Тов. Полатова тут же положили на повозку и направили в Карай-Салтыковскую больницу с хозяином этого дома, без охраны. Хозяин скрылся, а тов. Полатов умер...

М. КОЛОСОВ.

„Разговелись“.

Из крестьянских рассказов. *)

В черноземной глуши Кирсановского уезда, в пятидесяти верстах от города, в тридцати от станции и в двадцати от ближайшего базара, притаилась деревня Дурындовка. Никакие события не доходили до дурындовских мужиков, школы у них не было, да они в ней и не нуждались,—жили „по-дедовски“,—поголовно неграмотные. Зацепила было их германская война, угнали человек пятнадцать, но и тут повезло дурындовцам,—одни попали в тыловые части, другие удачно сдались в плен и после войны все вернулись домой

Даже революция их почти не затронула. Помещики кругом были мелкопоместные, да и те частью вымерли. Оставшиеся „без капитала“ были посажены на крестьянские наделы и досталось дурындовцам, без всякого шума,—вроде как по наследству,—по десятине на двор. В помещичьем доме завели было школу, но в первую же зиму дом „растопили на топливо“. Учитель, за отсутствием школьного помещения, уехал и зажили дурындовцы опять без школы.

Продотряды к ним не заглядывали, никакие разверстки не выполнялись, молодежь из Красной армии дезертировала и, не скрываясь, жила дома. Гнали дурындовцы самогон, да ходили по праздникам в церковь, за три версты, в Дворянщину,—такую-же глушь и неграмотную „дурындовщину“, как и они сами. Поп был старый, давнишний, ни во что не мешался,—давай только хлеба, да угощай самогоном.

Учитель называл себя „толстовцем“ и об'яснял им заповедь „непротивления злу насилием“. Заповедь эта очень понравилась дурындовцам и когда появились эс-эровские партизаны, организаторы и банды, они, совместно с соседними Дворянщиной и Кухаровской —об'явили „нейтралитет“. Побились с ними эс-эровские „интеллигенты“ и плюнули.

---

*) Происхождение предлагаемого очерка следующее: весной 1921 года, мне пришлось лежать в военном госпитале, переполненном ранеными красноармейцами с бандитского фронта. У них постоянно сидели родственники—крестьяне из деревень. Главной темой разговоров были бандитские художества. Один из таких рассказов, несколько комический, но характерный для антоновской эпопеи, я и пытаюсь передать, как можно точнее.

Так и остались дурындовцы—и без советов, и без старост, а в случае каких недоразумений—обращались к дворянщинскому учителю. Не жизнь была дурындовцам, а—масленица. По-оборвались было без мануфактуры, погорились без керосину, да плужки все поломались, но и тут справились. Вспомнили недавно еще оставленное домашнее производство деревенского сукна, холста и крашенины и защеголяли в возродившейся старинной одеже. Из старого хлама вытащили сохи и светцы и стали пахать, вместо плуга—опять сохой, а избы освещать лучиной.

Иногда, стороной, по тракту проходила Красная армия и продотряды, т. к. Дурындовка на планах значилась—„Николаевка, Мокарово тож“ и по этому казенному названию указать ее разведчиком никто не мог, а „Дурындовки“ в их маршрутах и инструкциях не имелось то отряды, не сворачивая к ним, проходили мимо. Порой, на час, заскакивала „банда“ и, сорвав „хабар“ хлебами и курами,—исчезала. Так шло до пасхи 1921 года.

Пасха пришлась 1-го мая. Было тепло. Черемуха зацветала Дурындовцы наготовили куличей и пасок и мечтали о разговеньи. Перед заутреней пронесся слух, что „шиловские“—все записались в банду, но этому мало придали значения. Шиловцы всегда были беспокойны,—вор на воре, даже поп их попался в краже сена, (мужики побили его и простили—„и сами“, мол, грешны „а поп— хороший, что выпить, что погулять,—самый шиловский“). После октябрьского переворота, все Шилово, с попом и учителем записалось в „комуну“,—теперь, кругом облегли банды, решили не упустить случая повороваться.

В субботу, вечером намаслили дурындовцы головы, поодевались в новые поддевки, старухи—в белые, старинные шушуны и крашенинные платки и в таком благообразном „дореформенном“ виде, гурьбой повалили в Дворянщину, к заутрене, неся с собою куличи, пасхи, па луком крашенные яйца. У стариков сердце радовалось от такой картины,—старинная молодость вспомнилась. Вокруг церкви собралась яркая, пестрая толпа в несколько сот человек,—дворянщинские, скарятинские, кукановские—и одеты все по-дурындовски, по-старинке. Выстроились шпалерами, с куличами, пасхами и яйцами в ожидании попа. Справа, с паперти, показался и поп со свитой, но все головы повернулись вдруг налево. Слева, из-за школы, с гиком вылетела конная ватага, человек семьдесят и, в облаках пуха и перьев из подушек заменявших седла,—неслась прямо на собравшихся. Впереди, размахивая шашкой, весь в галунах, скакал начальник. Толпа богомольцев заволновалась, смешалась, послышались возгласы: Банда!.. Шиловские!.. Это действительно были шиловцы,—верхом на рабочих лошадях, заседланных спальными подушками, с веревочными стременами, вооруженные разнокалиберными ружьями—тут были, и Гра, и Манлихеры, и Берданки, а у иных—охотничьи двухстволки

и одноствольные полусамодельные шомполки. Одета была банда по-городскому (Шилово хотя и отстоит всего на шесть верст от Дурындовки, но оно ближе к тракту и базару,—поэтому шиловцы всегда гордились перед дурындовцами своей культурностью, т. е. городской внешностью и мещанским шиком). Теперь они были пьяны и, проскакав сквозь толпу до самой церкви,—спешились.

Предводитель влез на паперть и заорал по солдатски: Смир-на!.—водворилась тишина.—Кто не видал Федьку Косого? глядь!..

Дурындовцы знали и раньше Федьку, как пьяницу, вора и хулигана.—Слушай!—продолжал Федька,—я организатор партии социалистов революционеров. Мне дадена власть над двумя волостями. Всех вас порубить и пострелять могу за то, что не пошли в народную армию, в партизаны. Но на первый раз ограничусь контрибуцией. Куличи, пасхи, яйца оставите здесь, на месте,—разговеются мои партизаны, а сами—марш по домам! да кто приехал на лошадях, подводы оставить,—пешком пройдетесь. Через три дня об'еду ваши деревни, запишу всех в партизаны народной армии, тогда и подводы получите обратно.— Ну марш!... живо!..

Ошеломленные мужики мялись, не зная что делать. Из толпы выступил дворянщинский учитель-толстовец:—Товарищи, так делать нельзя! Ведь свой же брат, крестьянин, да еще соседи! Мы ведь об'явили нейтралитет. Ступайте, деритесь с красными, если вам охота, а зачем же у нас то безобразничать!—Поговори, сволочь!—заорал Федька —кто ты такой?—Я здешний учитель. . —А, советский служащий!—Федька подскачил к учителю, махнул шашкой и толстовец упал с разрубленной головой.

Шиловцы заорали, открыли стрельбу и мужики, побросав все, в смятении разбежались. А бандиты, нагрузив крестьянские подводы куличами и пасхами, с песнями поехали в Шилово.

Дурындовцы не стали дожидаться бандитской мобилизации, а тут-же, в пасхальную ночь, отправили депутатов в ближайший красный отряд и через два дня, во главе с десятком красных кавалеристов, нагрянула в Шилово. Шиловцы сдались без боя, раскаялись, выдали Федьку и возвратили захваченные подводы, но... разговеться дурындовцам в этом году так и не пришлось. За то Дурындовка, сделалась наконец советской. .

М. Колосов.

П. СЕРЕБРЯНСКИЙ.

Геройская смерть.

(Из воспоминаний).

В 1921 году в одно майское утро отряд пехоты в сотню и конной разведки в 12 человек, сформированный из Отдельного и коммунистического батальонов Тамбовского порохового завода, выступал для поимки разгуливавшего в селе Б.-Липовице, ворожевского бандита Караса.

Задолго до выступления, без всяких напоминаний, товарищи уже начали готовиться.

Наконец, после короткой напутственной речи коменданта завода, отряд построился. Конная разведка под начальством тов. Буянова выехала вперед.

Отряд шел тихо. Разведка то скрывалась с глаз, то снова появлялась впереди отряда. Вот уже проходим село Кузьмина-Гать, что в семи верстах от завода и двенадцати—от Б.-Липовицы, на которую отряд держал путь. Уже стало светать, когда отряд подошел к назначенному.

Все остановились. Разведка въехала в село, разбившись на группы. Одна из них, состоявшая из двух разведчиков и т. Буянова, поехала по середине села.

Когда Буянов с двумя разведчиками, проехав до конца села, повернул обратно он увидел человек семь конных людей, узнал в них бандитов и пришпорив лошадь, помчался прямо на них. Ехавшие с ним едва поспевали. Постояв с минуту и видя неустрашимость одного, ехавшего прямо на них, семерых, грабители бросились наутек.

Этого только и хотел Буянов: теперь он выгонит их прямо на наш отряд. Однако, выехав на конец села, бандиты увидели засевших людей и повернули от них. По команде начальника отряда, раздался залп. Трое из грабителей свалились на землю,—остальные успели скрыться за косогор. Видя, что они улизнут, Буянов помчался им на перерез, разведчики спешили за ним, отряд прекратил стрельбу, боясь сразить своих. Почуяв неизбежность гибели, бандиты подняли руки вверх. Буянов вложил в ножны шашку и стал тихо подъезжать к ним, но злодеи были бесчестны:—не имея силы и мужества сражаться открыто, они решили взять хитростью и злодейская предательская пуля сразила Буянова.

После этого грабители бросились в село, но тут другие разведчики бросились им на встречу. Произошла схватка, в которой трое бандитов пали, а один всё-таки сумел ускользнуть.

В то время, когда шла борьба, т. Буянов, чуствуя как оставляют его силы, повторял твердым спокойным голосом:

— «Ребята, не выдай!... Да здравствует Революция!..»

Потом он лишился сознания.

Пройдя вдоль и поперек село и не найдя больше ни одного бандита, отряд направился обратно.

За отрядом, тоскливо поскрипывая, ехала двуколка с трупом героя — тов. Буянова.

М. КОЛОСОВ.

История одной расправы

Эпизод, о котором я хочу рассказать, не имеет конечно, большого исторического значения,—это просто один из многочисленных случаев бандитско-эсэровской „практики“ над рядовыми рабочими и крестьянами, но именно с этой точки зрения, он достаточно ярок и характерен.

Случай этот произошел в 1921 году, в конце зимы. Я в то время работал в качестве председателя Губпролеткульта Сторож Пролеткульта,—Петр Егорович Самородов, крестьянин села Понзари (под Сампуром) попросился дня на два в отпуск для срочной выправки удостоверения о том, что у него нет в селе посева. Зная, что Понзарский район охвачен бандитизмом и что Самородов, недавно побывав дома, еле удрал от бандитов, я отговаривал его, советуя подождать, пока их район будет очищен от банд. Он настаивал, ввиду неотступности требований домкома—представить названное удостоверение; кроме того, он был уверен в благожелательности своих односельчан, которые все поголовно, приезжая в Тамбов, останавливались у него, как на постоялом дворе. Я отпустил его, а через два дня, жена Самородова получила известие, что он зверски убит бандитами. Вскоре к ней стали прибывать крестьяне села Понзари, очевидцы дикой, бессмысленной расправы над ее мужем. Из их рассказов я и узнал подробности дела.

Самородов пришел в село ночью; узнав от встречных знакомых, что у них банда, он прошел задами к товарищу, который накормил его ужином и уложил спать. Однако, слух о его приходе распространился по селу и дошел до его,—не то родного, не то двоюродного брата,—председателя местной ком'ячейки. Повидимому этот лжекоммунист и выдал его бандитам, прельстившись новым костюмом, в котором Самородов пришел в родное село и который после расправы оказался на этом „братце“. Этот же злосчастный костюм сыграл и роль главной „улики“ по обвинению Самородова, в том что он коммунист и „комиссар“.

Под утро, в избу, где ночевал Самородов, вошли вооруженные бандиты и, арестовав его, повели к своей ставке, на „суд“. Суд происходил публично, на открытом воздухе. Председательствовал поп,—тот самый поп, о котором за год перед тем мне рассказывала жена Самородова:

— Эх тов К., какое у нас горе-то,—поп записался в коммунисты!..

— Да, коммунист не важный,—говорю я,—только какое же тут особенное горе-то?—выбросите его, и все.

— Да, как же, ведь мы было их чертей уплотнили, землю отобрали, заставили работать и нести все крестьянские повинности. А теперь он совсем причтом записался в партию и командует хуже прежнего. Разве его выбросишь! Ведь дураки у нас мужики-то, а он образованный,—всех и обставил.

Этот поп и руководил „шемякиным" судом над несчастным Самородовым.

Когда на пред'явленное ему требование,—сознаться что он коммунист и комиссар, Самородов сказал правду, что он только беспартийный сторож —суд пустил в ход чисто азиатские пытки. Сначала „подсудимого" всячески избивали. Когда и это не вынудило к ложному „сознанию", его раздели до гола, резали из спины ремни, отрезали нос и уши и выкололи глаза. Наконец, Самородов не стерпел и закричал:

— Довольно! Убивайте скорее! Я коммунист!

После такого „сознания" ему милостиво отрубили голову...

— Жил беспартийным, а умер коммунистом,—говорила неутешно плачущая жена, давшая клятву отомстить за смерть мужа.

— Не буду покойна, пока от проклятых Понзарей ничего не останется!—повторяла она и поступила добровольцем в отряд, действовавший в Понзарском районе.

Так эсэро-бандиты сеяли ненависть к себе в среде самих же крестьян, подрубая тот сук, на котором пытались крепко усесться.

БИБЛИОГРАФИЯ АНТОНОВЩИНЫ.

К. ПАВЛОВ.

Антоновщина в военно-историческом освещении.

Антоновское движение 1920—21 г.г. теперь уже—„достояние прошлого". Мы вынесли из него и политические, и моральные, и экономические уроки.

Но есть еще одна сторона дела, которая, так сказать, подводит итог всей этой мучительной эпопее.

Что дал опыт борьбы с бандитизмом для основ нашей пролетарской военной науки? Как можно взглянуть на антоновское движение с широкой,— [illegible] теоретической точки зрения?

На эти вопросы дает ответы тов. Н. Какурин в своей статье: „Организация борьбы с бандитизмом по опыту Тамбовского и Витебского [illegible] (журнал „Военная Наука и Революция" [illegible] 1922 г., книга первая). Тов. Какурин,— бывш. начальник штаба Особой Армии по подавлению бандитизма в Тамбовской губ. в период с весны 1921 г. На его долю выпала основная задача непосредственного руководства борьбой с антоновщиной. Статья вся построена на его практическом опыте. Поэтому с его взглядами и выводами небезынтересно познакомиться.

К числу условий живучести бандитизма, тов. Н. Какурин относит следующее: „Отличное и детальное знание района своих действий; отлично поставленная разведка и связь; обильные и под рукой находящиеся источники укомплектования и снабжения всякого рода".

Эти условия, „делая банды весьма легкими и подвижными, создают впечатление неуловимости их", „дают возможность бандам легко восстанавливать свои силы после неудач"; „разбить банду,—это показывает вся практика борьбы с Антоновым,—далеко еще не значит—уничтожить ее; это лишь самая легкая часть задачи". „Тактика банд—это типичная тактика партизан".

Слабая сторона банд—всецелая зависимость от местности местной среды. „Летом 1921 года,—говорит тов. Какурин,—банды Антонова, несмотря на грозившее им полное уничтожение, продолжали упорно держаться излюбленных ими районов, не рискуя покинуть пределы губернии, ибо на опыте знали уже, как трудно действовать среди несочувствующего им населения соседних губерний".

Было бы ошибкой полагаться только на одну военную силу,—указывает тов. Какурин.

„Вооруженная сила является лишь одним из средств борьбы в общей совокупности сил и средств, мобилизуемых государством". „Впервые и в обширных размерах правильность этой точки зрения была проверена на опыте летом 1921 г. в Тамбовской губ." и дала блестящие результаты.

На долю военной силы выпадают задачи: „распыление крупных бандитских образований сильными и решительными ударами, вызывающими потрясение всей моральной системы противника, нейтрализация излюбленных бандитов центров и районов путем оккупации их, наконец, обеспечение важнейших госуд. и технич. сооружений, складов, хранилищ и проч., а также сообщений". Но, конечно, не приходится расчитывать на то, что „вооруженная сила одна своими средствами... произведет, т. ск., всестороннюю и полную дезинфекцию всего района", уничтожить все корни бандитизма и его [illegible].

„Чтобы уметь выследить шайки и их главарей, установить маршруты их, определить тайные базы их пополнения и снабжения и элементы, их поддерживающие, и, наконец, после распыления банд, выловить и главарей и бандитов по одиночке"—это уже задача Особых Отделов Армии и органов Ч. К.

„С чисто военной точки зрения,—говорит тов. Какурин,—наилучшим методом борьбы с бандитизмом будут комбинированные действия летучих отрядов с системой оккупации". „Ограничиться одним оккупационным методом борьбы нельзя: он слишком растянет борьбу во времени и потребует слишком крупных сил для своего полного осуществления". „Попутно с оккупацией должен применяться и метод борьбы с бандами при помощи летучих колонн и отрядов, неотвязно преследующих банды до полного их уничтожения или рассеивания".

Но „наступает, наконец, предел, когда и для летучих отрядов исчезают об'екты действий и удары их падают впустую. Это происходит тогда, когда банды принимают, если можно так выразиться, „инфузорный характер". „В таких обстоятельствах только благоприятный случай, а не искусство, может повлечь за собою уничтожение такой банды летучим отрядом. Из нашей практики мы можем сказать, что банда в 5—8 чел., хорошо сработавшихся между собой, может себя чувствовать относительно безопасной даже вблизи такого отряда. Любимый способ действий, к которому тогда прибегают бандиты, заключается в том, что, рассыпавшись по одиночке, бандиты отдельными путями направляются к заранее намеченному сборному пункту или просто расходятся по домам и убежищам до вновь назначенной встречи. Каждый бандит обладает вполне надежными документами и удостоверениями и вполне свободно может попасться по пути летучего отряда, не внушив ему никаких подозрений: только зная в лицо каждого бандита такой мелкой шайки и его приметы, можно рассчитывать на поимку их поодиночке".

Тов. Какурин останавливается на вопросе о построении высшей военно-административной власти в Тамбовской губ.

Для успеха борьбы с разраставшейся антоновщиной было,—пишет он,—„необходимо какое-то более полномочное и авторитетное учреждение для координирования и направления всей работы местной власти". Простое включение высшего представителя военного командования в состав Губисполкома не достигло бы цели должного авторитета и полноты власти.

Таким органом явилась, как известно, Полномочная Комиссия ВЦИК, под председательством тов. В. А. Антонова-Овсеенко. Положение командующего в составе этого органа улучшалось. „Он получал достаточно авторитетное и самостоятельное положение, вполне гарантирующее ему свободу действий".

Полномочная Комиссия являлась органом центральной власти. „Центральная власть передоверила ей часть своих прав. Такая временная децентрализация власти оказалась весьма полезной, укрепив авторитетность комиссии". Равным образом, руководство всеми органами О. О. и Ч. К. „было сосредоточено в руках полномочного представителя ВЧК. Этот последний находился в непосредственном контакте с полномочной комиссией ВЦИК и со штабом командования".

Как известно, при ликвидации Антоновского движения сменилось несколько командований. Тов. Какурин указывает на то, что всякому командованию в условиях партизанской войны „необходим известный промежуток времени, чтобы осмотреться, изучить обстановку, выработать общий план, наладить работу“.

„Всякая излишняя торопливость, дерганье, понуканье командования и правление сверху в этот подготовительный период, нервируя, хода дела не ускоряет и принесет ему не пользу, а скорее вред“.

„Новое командование войсками Тамбовской губ. (тов. М. Н. Тухачевского) вынуждено было затратить на изучение обстановки и подготовку к решительным действиям около 3-х недель и это при условии, что оно получило от старого командования (тов. Павлова) довольно налаженный аппарат управления как в центре, так и на местах“.

Чем в последний момент определяется политическая победа революционной власти над анархо-бандитизмом?—задается вопросом тов. Какурин. И в чем основная трудность задачи?

„Вся трудность политического руководства в том именно и будет заключаться, что оно не должно упустить момента перелома настроения массы, уловить его и соотвественно с этим установить новое направление политики власти“.

Подводя итоги своему опыту 6-ти месячной борьбы с бандитизмом, тов. Какурин с точки зрения военной теории и истории, считает, что „никакой особой стратегии или тактики войны на бандитском фронте искать не приходится, а следует лишь хорошенько возобновить в памяти приемы малой войны и ее требования к войскам и начальникам“.

„Мы глубоко убеждены, что бандитизм, как массовое явление, в ближайшем будущем совершенно должен исчезнуть: наша новая экономическая политика в крестьянском и земельном вопросе выбила из под него окончательно экономическую базу, гарантировавшую ему либо активную поддержку, либо пассивное сочувствие широких масс населения“.

„Наш небольшой опыт в деле борьбы с бандитизмом и изучение этого вопроса привели нас к глубокому убеждению, что центр тяжести (здесь) лежит не столько в военной стороне вопроса, сколько в общей совокупности мер административно-политического порядка и надлежащей и целесообразной организации аппарата военно-административного в районах, охваченных бандитизмом“.

Этими соображениями и заканчивает тов. Какурин свою интересную попытку оценить антоновскую эпопею 1920—21 г. г. с точки зрения военной теории и истории.

Москва, 20 февраля 1923 г.

К. Павлов

ВЛ. ДОКУКИН.

Наша печать в борьбе с бандитизмом.

В борьбе с эсеро-бандитизмом в Тамбовской губернии громадную роль сыграла наша коммунистическая печать.

1920-й, особенно 1921 г. хорошо помнят тамбовские журналисты. Работать приходилось напряженно, не считаясь с временем: некогда было думать о еде, об отдыхе. 1921 г. работали буквально день и ночь, спали в сутки всего 4—5 часов.

„Тамбовские Известия“, редактировавшиеся Председателем Полномочной комиссии ВЦИК'а тов. *Антоновым-Овсеенко* и мною, первые забили тревогу.

Сначала печатались небольшие заметки о бандитских набегах, сообщения из деревни, письма крестьян и рабочих о бандитских грабежах и насилиях. Затем широко развернулась противоэсеровская агитация. В „Известиях“ писали лучшие партийные и советские силы губернии, между прочим т.т. *Антонов-Овсеенко, Б. А. Васильев* и др. Тираж газеты во время эсеро-бандитизма достигал 10—15 тысяч экземпляров.

Недурно работали тогда волостные корреспонденты Губернского Отделения РОСТА, из лесных глухих бандитских углов, дававшие нам ценные фактические сведения об эсеробандитах.

В конце 1920 г. (с ноября м-ца) стала выходить большая красноармейская и крестьянская стенная газета „Правда о бандитах“. Газета, редактируемая тов. *С. В. Евгеновым*, приобрела большую популярность в красноармейской среде. Красиво, ярко сверстанная, она „била в глаза“ своими четкими лозунгами, хорошо обработанной информацией. „Правда о бандитах“ давала главным образом информационный материал, беря его из сводок командующего войсками и политотдела: в ней было много сводного материала о бандитских зверствах и грабежах, над чем трудился тов. П. П. Зексель.

С весны 1921 г. выходит еще две газеты: „Тамбовский Пахарь“—специально крестьянская газета под моим редактированием и вскоре после закрытия „Правды о бандитах“, (в конце марта 1921 г.) газета Поарма — „Красноармеец“, сыгравшая также большую роль.

Всей печатной агитацией руководил тов. Антонов-Овсеенко. Метод его работы был исключительно боевой, военный, —да так и нужно было действовать в условиях грозной опасности разгула мелко-буржуазной стихии. За 1921 г. мы писали и выпускали бесчисленное количество агитационной литературы—листовок, воззваний, брошюр, плакатов и пр. В некоторые месяцы мы выпускали до миллиона экземпляров агит-литературы. Типографии работали бешеным темпом, не считаясь с временем.

Вся наша печатная агитация держалась на заведующем Губпечатью тов. *А. А. Губанове*. Нужна была исключительная энергия и инициатива, чтобы доставать громадное количество бумаги, чтобы кое-как наладить аппарат распространения наших изданий. Благодаря тов. *А. А. Губанову* бумага была изыскана (не останавливаясь перед реквизицией ее у советских учреждений) и распространение наших изданий было более или менее налажено.

Колоссальную пользу принесли нам воздушные эскадры, тысячами разбрасывавшие наши листовки и брошюры в бандитских районах. Многие из наших воззваний, приказов; мою брошюрку „Правда о бандитах“ впоследствии находили глубоко запрятанными в сумках у бандитов.

Тамбовское Губроста, сначала под руководством тов. *Евгенова*, а [illegible] молодые художественные силы Тамбова,—прежде всего учеников художественных [illegible] яркие „окна сатиры“ Губроста.

[illegible] плакатов. Между прочим—„Манифест Антонова“ рис. тов. *Б. Сулимова* текст тов. *С. В. Евгенова*.

В Тамбове ежедневно выпускалась световая газета Губроста, пользовавшаяся [illegible] [illegible] Световая газета [illegible] тов. *Г. Н.* [illegible] [illegible]

[illegible] в губернском городе Тамбове. В уездах её вели, большей частью, только уездные газеты. Некоторые из них (Моршанская, Кирсановская, Борисоглебская [illegible]

В победе над эсеро-бандитизмом красная печать сыграла, если не [illegible] [illegible] пробуждению сознания обманутых крестьян, информировала о распоряжениях [illegible]

[illegible]

Где еще писалось об антоновщине?

Кроме статьи т. Какурина, излагаемой в настоящем сборнике т. К. С. Павловым, и изданий, упоминаемых в статье т. В. Докукина, о тамбовском эсеро-бандитизме, по сведениям редакции настоящего сборника имеется статья тов. Я. Л. Смоленского в сборнике Полит. Управления Московского военного округа—„5-ти летие Красной Армии“.

Обширная статья (в ½ печ. листа) тов. К. В. Бриммера „Воспоминания о первом периоде борьбы с антоновщиной“ напечатана в „Тамб. Правде“ от 7-го ноября 1922 года.

В той-же газете, в номерах за июнь-июль 1922 г. имеется целый ряд статей об антоновщине т.т. Д. Брагинского, С. Евгенова, К. Павлова, Г. Якубовского.

Если к этому добавить ряд (3—4) кратких статей-очерков об антоновщине тов. С. Евгенова, печатавшихся в „Известиях ВЦИК“ и „Бедноте“ во время московского эсеровского процесса, его-же и тов. К. Павлова (в Московской „Правде“) корреспонденции о „Конце Антонова“ и статью тов. Сер. Полина („Последние дни эсеро-бандита Антонова“) в первом сборнике „Путь Борьбы“.—список напечатанных материалов об антоновщине после ее ликвидации - исчерпывается.

Как любопытное первое отражение антоновщины в драматической литературе, мы должны отметить пьесу в действ. тов. Грошика— „без пропрыва“, ставившуюся в Тамбове в период ликвидации эсеро-бандитизма.

В настоящее время в портфеле Губистпарта имеются краткие воспоминания об эсеро-бандитизме тов. Шаранова (1918-1919 г.г.), Сабашникова, П. М. Мачихина, Я. Л. Смоленского, Н. Чижко, Ф. Кудинова и ряда других. Часть этих воспоминаний или, по крайней мере, отрывки из них, дополняющие освещение некоторых моментов борьбы, недостаточно подробно изложенных в настоящем сборнике, войдут в следующие сборники „Путь борьбы“.

Печатаемые в настоящем сборнике—очерки тов. Вг. Докукина являются лишь первой черновой частью его труда, который в настоящее время осуществляется им. В дальнейших сборниках „Пути Борьбы“ будет печататься продолжение его серии очерков.

Большую редкость представляют из себя тамбовские издания, выпущенные во время борьбы с эсеро-бандитизмом. К сожалению, полного комплекта или даже близкого к полному, этих изданий не имеется даже у тамбовского Губистпарта.

Заканчивая сборник, редакция обращается ко всем читателям с просьбой доставлять тамбовскому Губистпарту все прежние и вновь появляющиеся издания, в которых имеются какие-либо статьи, очерки, воспоминания и т. п. о тамбовском эсеро-бандитизме.

ОТ ГУБИСТПАРТА.

Об этом сборнике.

Приступая к изданию второго сборника „Путь Борьбы“, посвященного истории борьбы с эсеро-бандитизмом в Тамбовской губернии, Бюро Губистпарта прежде всего обратилось к непосредственному изучению вопроса по материалам, находящимся в архиве Тамбовского Отдела ГПУ. При ознакомлении с материалами пришлось убедиться, что составить сборник по ним в скором времени не представляется возможным: для одного только изучения их потребуется много месяцев упорной кропотливой работы. Тогда было решено издать очерки и воспоминания непосредственных участников борьбы, принимая во внимания, что архивные материалы могут ждать, в то время как участники—не бессмертны и в данное время их воспоминания о событиях еще достаточно свежи.

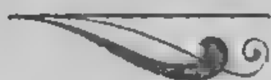
Послан был ряд писем-обращений к некоторым товарищам—лично, в «Тамбовской Правде», и в центральной прессе были напечатаны обращения ко всем товарищам,—партийным и беспартийным,—с просьбой дать материалы к истории борьбы с эсеро-бандитизмом.

Наиболее ответственные и активные участники борьбы в данный момент уже не работают в Тамбове и Тамбовской губернии. Кроме того, они часто отказывались, ссылаясь на перегруженность работой. Это чрезвычайно затрудняло составление сборника. Материал поступал чрезвычайно скупо,—при этом, главным образом, не от ответственных, а от рядовых

участников, сперва долго отказывавшихся, ссылаясь на неумение излагать свои мысли. Однако, и этот материал оказался во много раз ценнее, чем могли ожидать мы и сами авторы. Он напечатан и убеждает в том, что об эсеро-бандитском движении и по вопросам, связанным с ним, можно написать десятки книг, что Губистпарт положил только скромное начало историческому запечатлению грандиозной эсеровской провокации и героической борьбы с ней.

На этом начале Губистпарт не останавливается и еще раз убедительно просит товарищей,—пополнять имеющиеся у него материалы, присылать ему новые и новые статьи и воспоминания,—давать свои дополнения и поправки и к настоящему сборнику, направляя их по адресу: *Тамбов, угол Интернациональной и ул. Карла Маркса, Губком* Р. К. П., *ком. № 42—Губистпарту.*

Председатель Бюро Тамбовского
Губистпарта **И. Глушков.**

СОДЕРЖАНИЕ.

РЕДАКТОРЫ:

